

О.Г. Смыслов

Пятая колонна Гитлера

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга писалась мучительно— возможно потому, что я... взвалил на себя фактически непосильную ношу. Сначала в течение десятилетия вынашивался замысел подлинной биографии генерала Власова. Но однажды в издательстве мне было предложено расширить данную тему.

Написав пять глав о предателе-генерале, я приступил к изучению материалов о русской эмиграции в межвоенный период, о сепаратистах зарубежья, об их сотрудничестве с фашистской Германией до начала Великой Отечественной войны и после нее.

Думаю, не случайно по прошествии десятилетий тема «пятой колонны», которая нерешительно создавалась германским военным командованием и абвером для обеспечения успеха молниеносной кампании на Востоке, а потом в результате провала блицкрига имела свое неудачное продолжение на оккупированной территории, остается нераскрытой до сих

пор. Причин тут было много, и самых различных. Цель же моей новой книги— рассказать о них как можно шире и достовернее, ведь неудачный опыт подготовки и использования «пятой колонны» Гитлером на Востоке по своему трагичен

и уникален. Трагичен, потому что в «пятую колонну» сначала вошли люди, ненавидевшие Советский Союз, не принявшие большевизм и т.д., а уже потом в нее вступали советские военнопленные, не выдержавшие голода, холода и приближения смерти в фашистских лагерях. Их было большинство. Но все они в результате стали изгоями как для Германии, так и для своей Родины. Уникален, потому что так называемая «пятая колонна» только однажды оправдала свое предназначение, а именно 22 июня 1941 г. и последующие дни, решая четко определенные, узко-диверсионные задачи, после выполнения которых подразделения фактически разоружались и расформировывались, а личный состав передавался в полицию и вспомогательные формирования.

Истинные масштабы сотрудничества граждан Советского Союза с оккупантами и сегодня являются тайной. Лишь с недавнего времени стали появляться некоторые публикации, книги и фильмы. Однако все они грешат поверхностным пониманием исторической проблемы. Свою задачу я вижу в том, чтобы тему «пятой колонны» разобрать на ее составные части, показать виды, направления и ее подлинную масштабную историю. Характерно, что после понесенных значительных потерь на Востоке германская армия для продолжительного ведения войны с Советским Союзом нуждалась в людских резервах, которых у нее просто не было. Вот тогда-то в среде офицеров и генералов вермахта возникла идея создания так называемого «русского освободительного движения», которое, несмотря на противодействие Гитлера, до определенного момента создавалось по типу «пятой колонны».

В центре этого документального исследования стоит генерал А.А. Власов. Именно ему— предателю в звании генерал-лейтенанта и в должности заместителя командующего Волховского фронта немецкие хозяева отвели роль руководителя «пятой колонны», или «освободительного движения», на заключительном этапе войны, когда все попытки противостоять Советскому Союзу и Красной Армии были очевидно бессмысленны.

Сегодня не умолкают голоса в оправдание «власовского движения» или «политического антисталинского сопротивления». Только ничего этого не было, как и не было «яркой личности», полководческого таланта и выдающегося военачальника, решившего бороться против сталинского режима. Был просто предатель, изменник и трус, был случайно взлетевший по головам своих товарищей во второй половине 1930-х гг. карьерист, посредственный командир и генерал, не имевший боевого опыта, но умевший много и неплохо говорить «от имени народа».

Один аспект этой книги должен быть упомянут особо: это тема предательства, которой пронизано все исследование и в особенности фигура Власова. Тема предательства— вечная тема и познать ее от начала до конца, видимо, невозможно, как невозможно понять и ощутить чужие чувства и мысли, как невозможно понять глубинные корни беспримерного подвига.

К сожалению, многие тайны человеческой души, тайны человеческих поступков остаются неразгаданными. Так предательство каждый раз в своем новом облике становится сенсацией, ибо идут на него чаще всего люди, от которых его не ждут, в которых верят, на которых возлагают определенные надежды. Предательство всякий раз шокирует и становится как бы вызовом обществу, и совершают его нередко люди с чистой биографией, достигшие на момент проступка определенного положения, имеющие определенные блага. И если на предательство идут единицы, то мужество и героизм —

явления массовые. Но нередко цена предательства жизни — множества людей.

Свое отношение к предательству человечество определило еще на заре своей истории. Ему подчас нет объяснений, у него нет общечеловеческой логики, его невозможно простить,

независимо от ущерба, потому что предательство— это преступление, за которое должно следовать наказание государства и презрение общества.

Психиатр ЦРУАлен Стаднер, занимавшийся вопросами исследования психики перебежчиков (предателей), среди их разнообразных типов выделяет:

1. Людей обиженных, возводящих свою личную неудовлетворенность в политический принцип.
2. Неудачников, которым не повезло в жизни, вследствие чего они становились коварными, способными нанести удар в спину.
3. Людей, стоящих в оппозиции к режиму, который, как они считают, не выполнил по отношению к ним свою часть взаимных обязательств.
4. Патологических эгоцентриков, для которых характерно самолюбование, поглощенность самим собой в ущерб всем прочим.

* * *

Когда-то в России существовала своеобразная награда за предательство. По указанию Петра I 4 сентября 1709 г. на Кадашевском монетном дворе в Москве русский мастер Матвей Алексеев изготовил специальную медаль из серебра весом в 4 килограмма и с цепью весом 800 грамм. На лицевой стороне был изображен повесившийся на осине Иуда, а внизу под ним— десять сребреников рядом с мешком. На обратной стороне следовала надпись: «Треклят сын погибельный Иуда, еже за сребролюбие давится».

Эта награда предназначалась предателю — «украинскому гетману Мазепе», которого предстояло поймать, наградить и предать анафеме. Но в связи со смертью Мазепы медаль была передана алчному на серебро петровскому шуту князю Шаховскому с наказом царя носить при торжествах «на большой серебряной цепи, надевавшейся кругом шеи...»

В наше время имена многих предателей возводятся чуть ли не в ранг святых, а их измена трактуется как подвиг. Но предательству не может быть объяснения и оправдания, как не может быть оправдания трусости и подлости. Мы не вправе отрицать и тем более игнорировать в настоящем и будущем эти известные истины.

* * *

В конце 1980-х гг. генерал Д.А. Волкогонов был приглашен лордом Крэдоком прочесть лекцию «Сталин во Второй мировой войне». На лекции ему задали вопрос: «Господин генерал, командарм Власов боролся со Сталиным. Вы его теперь осуждаете. Не стоит ли переосмыслить роль Власова в войне? Возможно, он не предатель, а борец со сталинизмом?» Волкогонов ответил так: «Власов изменил не Сталину, а присяге и Родине. Если бы таким образом поступил, допустим, генерал Монтгомери, как бы Вы оценили подобное?»

«Это невозможно!»— почти крикнул степенный джентльмен.

Что ж, в своей книге я попробовал объяснить невозможное...

ЧАСТЬ 1

ОТ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ» К «ВЛАСОВСКОМУ ДВИЖЕНИЮ»

Глава 1

Что такое «пятая колонна»...

«Если оппозицию («пятую колонну») вовремя не убрать, она может восторжествовать и привести к очень трагическим последствиям. Нет сомнения, Сталин хорошо знал историю и

готовил страну к обороне, очищал ее от враждебных сил, он был осведомлен о действиях оппозиции внутри страны и проникающей из-за рубежа агентуры».

В.В. Карпов. «Генералиссимус»

1. «Троцкисты-сионисты»...

При работе над темой о пятой колонне мне предстояло ответить на такие вопросы. Что понимать под «пятой колонной»? Кого к ней относить? Была ли пятая колонна в СССР и за его пределами до и во время Великой Отечественной войны?

В книге писателя-фронтовика В.В. Карпова «Генералиссимус» есть такие интересные строки: «Результатом репрессий, проведенных Сталиным, был не только разгром троцкизма и всяких антисоветских и антирусских блоков и оппозиций— главная победа Сталина, по масштабам исторически стратегическая, фактически— это разгром сионизма на территории Советского Союза. Одержав победу над сионизмом, Сталин избавил тем самым народы, населявшие Советский Союз, от порабощения не менее опасного, чем гитлеровское фашистское нашествие. Если бы победу в «политической войне» 20—30-х гг. одержали троцкисты, ход истории в нашей стране сразу обрел бы форму истинного порабощения и истребления коренного населения, наподобие того, что происходит сейчас, начиная с 90-х годов, в нашей стране». Далее автор пишет: «Многие страдания, горе и трудности всех народов, населяющих советскую страну, лежат на совести заговорщиков и предателей. Не будь их, строительство нового общества и жизнь людей, несомненно, проходили бы более благоприятно, безболезненно и плодотворно. Не было бы массового истребления коренных жителей России (в основном русских) при троцкистском извращении и насильственном насаждении коллективизации. Не истребляли бы кулачество как класс. Не сбивались бы с толку участники революции, и особенно молодые коммунисты, в бесконечных дискуссиях и провокационных обвинениях Сталина и его сторонников. Не было бы массовых арестов за антисоветские разговоры. Из-за этих

спровоцированных троцкистами массовых арестов возникла у людей потребность самозащиты, которая проявилась в доносах, наущничестве, стукачестве, ложных обвинениях и прочих подлостях. Переполненные тюрьмы и лагеря в 20-х и первой половине 30-х гг.— это последствие деятельности оппозиционеров. Причем сами они порождали волну «преступлений» и сами же карали, находясь в органах НКВД, прокуратуры, судах и лагерях». По мнению В.В. Карпова, во всем виноваты троцкисты-сионисты. Именно они и были пятой колонной на территории СССР.

Еще при жизни Ленина между Сталиным и Троцким началась непримиримая борьба, носившая скорее личный характер. Это уже после смерти Ленина появились «платформы» и «позиции» и борьба стала приобретать идейный оттенок. В этом контексте нельзя забывать о том, что партия росла и крепла исключительно в борьбе сначала с царским режимом, потом в революции и в Гражданской войне. Соответственно в ней господствовали методы исключительно революционной борьбы и борьбы военной. В ней мыслили категориями ударов и разгромов, предательства и сплочения, преданности и наказания.

В январе 1925 г. Троцкий был освобожден с поста Народного комиссара по военным делам и с поста Председателя Реввоенсовета Республики. В ноябре 1927 г. его исключили из партии, и вот тогда-то Лев Давидович бросился сколачивать активную антисталинскую оппозицию внутри партии. Но было уже поздно. Правда, поначалу сторонники нашлись, даже проводились нелегальные совещания, создавались группы политической борьбы, делались попытки наладить печатание оппозиционных материалов. Таким образом, возникало слабое противостояние при борьбе за власть, за посты и влияние в партии.

В 1926 г., когда на сторону Троцкого перебежали Зиновьев и Каменев, список его единомышленников был солидным. В 1927 г. Троцкий стоял во главе «объединения левой» оппозиции, программа которой была изложена на июльском (1926) Пленуме ЦК в двух

документах: «заявлении 13-ти» и «платформе 83-х». Но в ноябре 27-го, в десятую годовщину октября, оппозиция в последний раз попыталась заявить о себе, о своем несогласии с диктатурой партии и зарождающимся единовластием. И тут одни, струсив, публично покаялись, других выслали за Урал, в Сибирь и в Среднюю Азию. Третьих отправили послами и торговыми представителями за границу. В январе 1928 г. в Алма-Ату был выслан и сам Троцкий, а в феврале 29-го его выдворили из Советского Союза за границу. Но и там (в Турции) он не успокоился. Летом того же года вышел 1-й номер издаваемого им журнала «Бюллетень оппозиции», где публиковались теоретические, политические и информационные материалы о жизни ВКП(б), о путях борьбы с руководством партии, предавшей идеалы большевиков— ленинцев. Автором практически всех статей журнала был сам Лев Давидович. Тираж троцкистских изданий (газет, журналов, бюллетеней), выходящих в Англии, Бельгии, Испании, Голландии и других странах, не превышал всего несколько сот экземпляров.

Летом 1933 г. на совещании в Париже присутствовали представители 14 партий и групп его сторонников и только трое были согласны с идеей немедленного создания IV Интернационала. Уже тогда Троцкий убедился, насколько малочисленными были силы, которые его поддерживали.

Летом 1935 г., находясь в Норвегии, Троцкий услышал по радио о начавшемся в Москве большом политическом процессе над Зиновьевым, Каменевым и их «подельниками», которых обвиняли в организации терроризма в СССР. Оказывается, убийство Кирова, подготовка покушения на Сталина, Ворошилова и других «вождей» проходили под «руководством Троцкого». После этого Лев Давидович на протяжении нескольких дней не отходил от радиоприемника. По свидетельствам очевидцев, он был потрясен грандиозной мистификацией.

В конце 20-х гг. «левая» оппозиция насчитывала не более 3— 5 тыс. человек, которые практически сразу же были раздавлены. Оказавшись в Мексике, Троцкий считал, что нужна организация внутри коммунистического движения, которая могла бы противостоять Сталину и сталинизму. По мнению Д. Волкогонова, «троцкизм как политическое и идейное течение с самого начала поставил себя в крайне невыгодное положение: он пытался вести борьбу не только с капитализмом, буржуазными партиями и правительствами, но и со всеми теми, кто, по мнению Троцкого, изменил марксизму и ленинизму. А таковыми он считал все коммунистические и рабочие партии, входившие в III Интернационал и признававшие его программу».

В ряде стран Европы, Северной и Южной Америки (в начале 30-х) возникли партии и группы, которые разделяли идеи «большевиков-ленинцев», солидарных с взглядами разгромленной левой оппозиции в ВКП(б). Но все эти партии и группы (явно сектантские, левацкие формирования, члены которых были исключены и изгнаны из коммунистических и рабочих партий) были крайне малочисленны и в лучшем случае насчитывали до четырех сотен человек. Сам Троцкий оценивал ряды своих сторонников в несколько десятков тысяч человек, но он, как всегда, ошибался, выдавая желаемое за действительное. Вот один характерный пример: 3 сентября 1938 г. на вилле друга Троцкого в пригороде Парижа проходил так называемый Учредительный конгресс IV

Интернационала. На нем присутствовал всего 21 представитель из 11 стран. При этом состоялось одно заседание, которое продолжалось весь день. Следовательно, в своей борьбе Троцкий был одинок.

Создавая свою партию, Троцкий вел работу по разоблачению политических сил, готовивших войну. В 1937 г. он предсказал, что через два-три года разразится Вторая мировая война. Он раньше многих увидел, что приход фашистов к власти в Германии приведет к войне. Его работа «Что такое национал-социализм» (1933) пророчески

показала роковую роль нацизма. Именно Троцкий предсказал союз Сталина с Гитлером и т.д. А в это время в Советском Союзе боролись с «троцкистами» и «двурушниками».

За всеми, кто был как-нибудь связан с Троцким, устанавливали наблюдение, их арестовывали, ссылали, уничтожали. Сотрудники НКВД приезжали в архивы Красной армии, Центрального комитета партии, Октябрьской революции и тщательно просматривали директивы, приказы и переписку Троцкого. Всем, кто когда-либо был в подчинении у Троцкого, грозили арест и клеймо врага народа. Именно так, искусственно, росли ряды «троцкистов». Сам Троцкий, с неизменным сарказмом высмеивал парадоксы

такой сталинской борьбы в своей статье «Итоги процесса»: «Из тех итогов, которые Вышинский должен подвести последней серией процессов, советское государство выступает как централизованный аппарат государственной измены: Глава правительства и большинство народных комиссаров; важнейшие советские дипломаты; все руководители Коминтерна; главные руководители хозяйства; лучшие полководцы и руководители Красной Армии; наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет; глава и члены правительства Российской Советской республики; все без исключения главы трех десятков советских республик; руководители ГПУ в течение последних десять лет... наконец, и это важнее всего, члены всемогущего Политбюро, фактической верховной власти страны— все они стояли в заговоре против Советской власти, даже в те годы, когда она находилась в их руках. Все они, в качестве агентов иностранных держав, стремились разорвать построенную ими советскую федерацию в клочья и закабалить фашизму народы, за освобождение которых они боролись десятки лет. В этой преступной деятельности премьеры, министры, маршалы и послы неизменно подчинялись одному лицу. Не официальному вождю, нет— изгнаннику. Достаточно было Троцкому пошевелить пальцем, и ветераны революции становились агентами Гитлера и Микадо. По «инструкции Троцкого»... руководители промышленности, транспорта и сельского хозяйства разрушали производительные силы страны и ее культуру. По пересланному из Норвегии или Мексики приказу «враги народа», железнодорожники Дальнего Востока устраивали крушения воинских поездов, а маститые врачи Кремля отравляли своих пациентов... Но здесь возникает затруднение. Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моем подчинении, почему в таком случае Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?»

Если уж сам Троцкий так едко высмеивал сей бред, то что же остается нам? Мы можем никак не относиться к Льву Давидовичу, можем обвинять его во многих грехах, но нельзя не учитывать фактов. С его отъездом сначала в ссылку, потом из СССР лишь некоторые приверженцы сохранили ему верность. Но таких были десятки, ну, может быть, сотни. Одни осудили троцкизм и отошли от политической деятельности, другие, кого Сталин простил, вернулись в Москву на незначительные посты. Но никто из них не представлял какую-то угрозу строю и обществу.

В заключительном слове на мартовском (1937) Пленуме ЦК Сталин говорил: «Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 г. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало только 730 тысяч

членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то есть около полпроцента, и воздержалось 2600 членов партии. Не приняли участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам голосовавших за троцкистов прибавить всех воздержавшихся, полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам, и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а 5 процентов не участвовавших, то есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила

троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил».

Об отсутствии в партии и стране оппозиции Сталин заявлял и раньше. Так на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. он сказал: «Настоящий съезд проходит под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских групп. Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий. Разбита и рассеяна антиленинская группировка правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией».

Выходит, и сам вождь всех времен и народов признавал отсутствие в 30-е гг. оппозиции.

Не располагая никакими объективными доказательствами о заговоре в Красной армии, но пытаясь обосновать наличие такового, следствие сфабриковало пять противоречащих друг другу предположений об обстоятельствах его возникновения.

По этому делу получилось, что заговор возник:

- 1) по инициативе Тухачевского, в его бонапартистских целях;
- 2) по директиве Троцкого;
- 3) по указанию центра правых;
- 4) по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организации;
- 5) по установкам, исходившим от Генштаба Германии.

2. Эмигранты

Старая русская эмиграция в основном проживала в Европе, но ее центр — Берлин, где стоимость жизни была достаточно невысокой, уже в 20-е г. уступил место Парижу. Если в 1922 г. в Германии находилось 600 тысяч эмигрантов, то в 1923-м — 400, в 1924-м — 500, в 1925-м — 250, в 1928-м — 150 и в 1934-м — 50 тыс. Тяжелая инфляция 1923 г. и улучшение отношений между Германией и Советским Союзом по Раппальскому договору 1922 г. заставили русских эмигрантов искать более гостеприимное убежище во Франции, в ее культурном, общественном и политическом центре. Достаточно сказать, что к концу 20-х г. во Франции проживало до 40% всей эмиграции. Кроме Германии и Франции много русских эмигрантов проживало в Югославии, Чехословакии, Польше, Болгарии, в Прибалтике и на Дальнем Востоке. К сожалению, до сих пор нет точных данных о количестве беженцев из России в годы Гражданской войны. Однако, по некоторым источникам, эта цифра составляет два миллиона человек, что подтверждается и информацией Американского Красного Креста на 1920 г. — 1 964 000.

Только эвакуация Русской Армии генерала Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. привела в Константинополь на 126 кораблях 145 693 человека, не считая судовых команд, в том числе 50 тыс. чинов армии и 6 тыс. раненых.

Командование армии, оказавшись за границей, борьбу с большевизмом не считало законченной и всеми силами стремилось сохранить личный состав для будущих «сражений». Но оказавшись в тяжелом положении, когда начались массовые заболевания и у тысяч людей открылся туберкулез в острой и быстро прогрессирующей форме (на февраль 1921 г. численность армии составила 48 319 человек,

среди которых половина были офицеры), П.Н. Врангель пришел к мысли сохранить армию в «полускрытом виде». Тем более что положение офицеров и вне армии было не намного лучше. Им приходилось работать продавцами газет, посудомойками, грузчиками, чернорабочими и т.д.

1922—1924 гг. стали критическими в судьбе офицеров эмигрантов. Армия не могла больше существовать как вооруженная сила, хотя бы в связи с тем что все трудоспособные военнослужащие находились на собственном содержании.

Приказом №82 от 8 сентября 1923 г. офицерские союзы и общества зачислялись в состав армии и передавались под руководство представителей Главного командования в соответствующих странах. А почти через год — 1 сентября 1924 г. было объявлено о создании Русского общевоинского союза (РОВС), который включал в себя всех солдат и офицеров Белых армий, оставшихся верным идеям Белого дела, и главной его задачей стало сохранение офицерских кадров для развертывания в будущем новой русской армии.

Организации РОВСа были трех типов:

- 1) объединяющие кадры войсковых частей 1-го армейского и Донского корпусов, кавалерийской и кубанской дивизий;
- 2) объединяющие чинов РОВСа, проживающих в одном населенном пункте;
- 3) объединяющие военнослужащих по принадлежности в прошлом к частям Русской армии, специалистам и родам войск.

В начале 30-х гг. РОВС насчитывал до 40 тыс. членов и имел следующую структуру:

- 1-й отдел (Франция, Англия, Испания, Италия, Швейцария, Голландия, Скандинавские страны, Польша, Египет, Сирия и Персия),
- 2-й отдел (Германия, Австрия, Венгрия и Прибалтика),
- 3-й отдел (Болгария и Турция),
- 4-й отдел (Югославия, Греция и Румыния),
- 5-й отдел (Бельгия и Люксембург),
- 6-й отдел (Чехословакия),
- Дальневосточный отдел (Китай),
- Военно-морской союз, объединяющий офицеров флота.

После смерти генерала П.Н. Врангеля РОВС возглавляли генералы А.П. Кутепов (1928—1930), Е.К. Миллер (1930—1937), Ф.Ф. Абрамов (1937—1938) и А.П. Архангельский (1938—1957).

Кроме РОВСа долгое время существовали различные объединения и комитеты бывших «добровольцев». В 1925 г. врангелевский «Русский совет» подсчитал, что количество русских беженцев, которых можно поставить «под ружье» в Германии, Франции, Югославии, Греции, Турции, Китае, Латвии, Чехословакии, Болгарии, достигало 1 млн 158 тыс. человек. Но такое количество преданных «белой идее» вызывает сомнение.

До Второй мировой войны идея продолжения борьбы с большевизмом владела умами большинства офицеров, и РОВС в период 20—30-х годов был своего рода источником антикоммунистической активности.

Бывший командир Добровольческого корпуса Александр Павлович Кутепов в РОВСе (в Париже) создал специальный боевой отдел для подрывной работы внутри России. Его «организация» подготовила десятки активных борцов с советским режимом, переходивших границу и действовавших на советской территории. В основном это

были молодые офицеры, произведенные в Белой армии из юнкеров, и выпускники зарубежных русских кадетских корпусов. У Кутепова были свои «окна» в Советский Союз.

Его агенты, например, в июне 1927 г. совершили поджог общежития работников ОГПУ на малой Лубянке. После этого они пытались бежать за границу, но, окруженные чекистами в Смоленской области, застрелились. О «Кутеповской» организации на суде после войны рассказывал П. Краснов: «Романов (великий князь Николай Николаевич, дядя Николая II) заявил, что он пригласил меня во Францию для организации совместного с ним антисоветского похода против СССР... В реальности этого похода я не сомневался и охотно приступил к его осуществлению. В первые дни пребывания у Романова я составил воззвание к казакам о необходимости жертвовать деньги в казну великого князя для организации похода и проведения подрывной работы против СССР, а в начале декабря 1923 г. нами был создан специальный штаб для разработки конкретного плана борьбы...» В штаб, возглавляемый Романовым, входили генералы Кутепов, Головин, Хольмсен и другие.

Белогвардейские организации готовили кадры для проведения подрывной работы. Сам Кутепов разрабатывал методы и способы засылки в СССР диверсантов, террористов и шпионов и впоследствии при участии генерала Краснова активно проводил свой план в жизнь.

Например, в Советский Союз с террористическими заданиями неоднократно пробирался бывший офицер царской армии Ларионов. Несколько раз перебрасывалась для сбора шпионских материалов и проведения террористических и диверсионных актов группа во главе с женой офицера— Захарченко-Шульц.

Но советской разведке удалось не только ввести своих агентов в РОВС, но и со временем поставить их там на ответственные посты. Все началось в далеком 1921-м, когда с ноября по апрель 1927 г. органами ОГПУ велось агентурное дело под названием «Трест», основными назначением которого являлась разработка РОВС. В целях обеспечения агентурного проникновения в монархические эмигрантские круги за границей и в разведки многих иностранных государств органами ОГПУ было слегендировано существование на территории СССР нелегальной организации под названием «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР). Советская разведка принимала все меры к тому, чтобы представить МОЦР за границей как мощную заговорщическую шпионскую организацию, охватывающую значительную часть командного состава РККА и способную возглавить контрреволюционные силы и свергнуть Советскую власть. «Создание» такой организации имело целью способствовать получению данных о белоэмигрантских воинских формированиях, их планах, а также для дезинформации иностранных разведок и пресечения деятельности их агентуры на территории СССР.

С 1924 по 1930 г. велась еще одна агентурная разработка «Синдикат-4». ОГПУ слегендировало перед белоэмигрантами и иностранными разведками существование на территории СССР нелегальной «Внутренней российской национальной организации» (ВРНО) с центром в Москве, которая ставит своей целью свержение советской власти.

В январе 1930 г. агенты ОГПУ Попов и Де-Роберти были направлены в Берлин, где встречались с Кутеповым и другими видными белоэмигрантами, а также членом германского рейхстага Бангом и берлинским уполномоченным «Стального шлема» майором Вагнером. Все эти лица обещали оказывать помощь мнимой «ВРНО». В воскресенье 26 января в 10.30 утра генерал Кутепов вышел из своей парижской квартиры на улице Русселэ, сказав жене, что идет в церковь Галлиполийского союза на улице Мадемуазель и вернется домой к завтраку в час дня. Домой он так и не вернулся, и «Синдикат-4» прекратил свое существование. Агенты ОГПУ были заподозрены в причастности к исчезновению белого генерала. Коллеги Кутепова не ошиблись.

В то время в недрах советской разведки существовала Особая группа, или «Группа Яши» (более десяти лет она возглавлялась Яковом Серебрянским). В ее задачу входило создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылу противника

в Западной Европе, на Ближнем Востоке, Китае и США в случае войны. Сам аппарат состоял из двадцати оперработников, отвечавших за координирование деятельности закордонной агентуры. Остальные сотрудники работали за рубежом в качестве нелегалов. Тем не менее руководство ОГПУпо выбору использовала как Особую группу, так

и Иностраный отдел для проведения особо важных операций, в том числе диверсий и ликвидации противников СССР за рубежом. Именно люди из «Группы Яши» организовали похищение в Париже генерала Кутепова.

Следующим был генерал Миллер... Таким образом, в 20-е годы благодаря действиям советской разведки удалось перехватить каналы связи иностранных разведок и белой эмиграции, а также наблюдать за планами противника, дезинформировать его и, умело маскируясь, проникнуть в лагерь эмиграции.

Советской разведке удалось нейтрализовать кутеповскую организацию, убедив ее руководителей в том, что «террор и диверсии» вредно отзовутся на подпольной организации внутри России. Уже во второй половине 30-х годов, в преддверии мировой войны, многим эмигрантам стало ясно, что Германия и западные демократии постараются разрешить острые противоречия, возникшие между ними, за счет СССР. По предложению П.Н. Милюкова, в Париже возникла инициативная группа по созданию так называемого «оборонческого движения» в составе Алексеева, Грекова, Лебедева, Пилипенко, Слонима, Ширинского, Петрова, которых поддержал Д.И. Деникин. Это движение ставило целью «объединять эмигрантов и содействовать в меру возможностей делу обороны России». Однако в Москве не понимали патриотических порывов бывших соотечественников. Начальник Разведуправления РККАкомкорМ.С. Урицкий докладывал руководству страны: «Это движение можно считать фактором разложения в эмигрантской среде...»

3. Деникин, Краснов, Шкуро, Быкадоров

Удар, нанесенный по белой эмиграции, был сокрушительным. В преддверии Второй мировой войны значительных фигур Белого движения осталось очень мало. Две из них, два генерала— Деникин и Краснов, чрезвычайно интересовали немецкую разведку:

Антон Иванович Деникин (1872—1947), оказавшись в эмиграции, достаточно внимательно присматривался к жизни русских во Франции. Его раздражали бывшие политические деятели ушедшей царской России, которые, так ничему и не научившись, продолжали сводить старые политические счёты. Он очень болезненно воспринимал эту картину раздора и потому все время продолжал держаться в стороне от «эмигрантской склоки», в том числе и от РОВСа. Будучи в курсе подпольной работы Кутепова в России, а также уважая последнего как прямого и храброго человека, отличного боевого офицера, Деникин искренне сомневался в его умении разбираться в сложных вопросах подпольной борьбы и политической конспирации, к которой у Кутепова абсолютно не было призвания. В итоге Антон Иванович замкнулся в себе и в своем писательском труде.

22 июня 1941 г., в день германского вторжения в Советский Союз, немцы в Париже, из «предосторожности», арестовали множество русских эмигрантов, лояльность которых им была неизвестна и сомнительна. А во французской провинции русских (в возрасте до 50 лет) задерживали на несколько дней раньше.

15 июня 1941 г. арестовали женуАнтонана Ивановича Деникина — Ксению Васильевну, которую, правда, вскоре отпустили. Но именно этот арест напомнил немцам о русском генерале. Политическое управление в оккупированной Франции хорошо знало точку зрения Антона Ивановича, его антигерманские настроения. Достаточно сказать, что некоторые брошюры генерала попали в германский «Указатель запрещенных книг на русском языке». Эти книги «подлежали изъятию из книжных складов, магазинов и библиотек». Тем не менее немцы очень хотели использовать имя А.И. Деникина в целях пропаганды. Однажды к русскому генералу приехал германский комендант Биарритца с предложением перебраться в

Германию, но Деникин отказался. Он был категоричен и в дальнейшем.

Только поэтому попытка сближения с ним врагов его исторической Родины не удалась.

Петр Николаевич Краснов (1869—1947) окончил Александровский кадетский корпус, а в 1888 г.— Павловское военное училище. Вот только почему-то в годы русско-японской войны будущий атаман Войска Донского был всего лишь корреспондентом газеты «Русский инвалид». В своей книге «Путь русского офицера» А.И. Деникин так охарактеризовал этого генерала: «Статьи Краснова были талантливы, но обладали одним свойством: каждый раз, когда жизненная правда приносилась в жертву «ведомственным» интересам и фантазии, Краснов, несколько конфузясь, прерывал на минуту чтение: —

Здесь, извините, господа, поэтический вымысел для большого впечатления... Этот элемент «поэтического вымысла» в ущерб правде, прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова— плодовитого писателя...»

Летом 1919 г. генерал Краснов оказался в Северо-Западной армии генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича, где руководил отделом пропаганды. В том же году после поражения Юденича он уехал в Германию. В эмиграции Петр Николаевич развил бурную литературную деятельность. Он издавал журнал, написал большое количество статей, воззваний, листовок, выпустил около 30 книг, таких как «От двуглавого орла к Красному Знамени», «За чертополохом», «Белая свитка», «Выпаш». Литературная деятельность давала генералу возможность безбедно жить даже за границей. В 1936 г. Краснов переехал

на постоянное жительство в Германию. Там особенно широко популяризировалось и распространилось его творчество. В нацистской Германии было распродано более 2 млн экземпляров его книг. Мечтая об уничтожении большевизма, Петр Николаевич сразу же

пошел на сотрудничество с немецким военным командованием. «Эмигрантские круги за границей, в том числе и лично я,— рассказывал он на суде,— встретили нападение гитлеровской Германии на Советский Союз довольно восторженно. Тогда господствовало среди нас мнение: хоть с чертом, но против большевиков...». Краснов явился «идейным

отцом» борьбы всей белоказачьей массы против Советского Союза на стороне Германии. Он установил тесную связь с немецкой разведкой, деятельно участвовал в работе казачьего отдела министерства восточных областей Германии, возглавляемого Розенбергом. «Знатока казака и его души», Краснов консультировал сотрудников министерства и немецкую разведку по всем вопросам антисоветской деятельности среди казачества. Его доклад об истории казачества слушали сотрудники СД, а затем с ним знакомились высшие германские военные круги. По предложению германской разведки П. Краснов выпустил воззвание, в котором призывал казаков объединиться вместе с немцами и участвовать в вооруженной борьбе против Советского Союза.

После поражения немцев под Сталинградом и на Северном Кавказе Краснов подготовил особую грамоту (впоследствии она называлась «Декларация казачьего правительства») с обращением ко всем казакам. 10 ноября 1943 г. она была опубликована за подписью начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Кейтеля и министра восточных областей Германии Розенберга. В обращении указывалось, что за оказанную немецким войскам помощь во время войны германское правительство признает казаков своим союзником и обещает после победы над СССР вернуть им землю, личную собственность и бывшие привилегии, а на время войны устроить казаков на временное поселение на свободных землях, имеющих в распоряжении немецких властей.

30 марта 1944 г. приказом командующего «союзными войсками» генерала Кестринга Краснов был назначен начальником управления казачьих войск (политический и административный орган Дона, Кубани и Терека). Управление существовало при министерстве Розенберга, а фактически им руководили начальник отдела этого министерства

доктор Химпель и генерал Кестринг. Затем Краснов вошел в подчинение главного штаба СС — генерала Бергера. Ближайшим помощником Краснова — старшего по руководству главным управлением и «казачьим станом» был его племянник Семен Краснов, до этого служивший в «комитете по делам русской эмиграции» в Париже. До этого ему пришлось строить дороги и рубить лес, работать грузчиком и шофером такси, заниматься разведанием кур.

Начальником резерва казачьих войск был назначен другой не менее известный белый генерал Шкуро. **Андрей Григорьевич Шкуро** родился в 1887 г. В 1907 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. В 1919 г. командир кавалерийского корпуса, генерал-лейтенант. В 1920 г. эмигрировал во Францию, жил в Париже. Оказавшись без денег, выступал антрепренером казацких джигитовок, играл в рулетку, занимался мелкими маклерскими делами, продавал личные вещи, затем уехал в Югославию, где работал частным подрядчиком по строительству дорог.

В 1931 г. Андрей Григорьевич посетил Марсель, где встретился с генералом Улагаяем (руководил последней крупной операцией армии Врангеля — десантом из Крыма и на Черноморское побережье Кавказа). Генерал-лейтенант Улагай теперь служил в албанской армии. В 1928 г. он со своим казачьим отрядом сыграл значительную роль в перевороте в этой стране. Переговоры Шкуро были связаны прежде всего с планом вооруженного выступления на Кавказе, поддержанному извне. Казачий генерал, активно контактирующий с Союзом горцев, очень хотел развернуть партизанскую войну на Северном Кавказе. Он выезжал в Белград, где прорабатывал настроения проживавших там казаков и их командиров. Заручившись поддержкой крупного нефтепромышленника Нобеля и председателя РОВС Миллера, Шкуро консультировался с кавказскими сепаратистами. Он предложил наследникам низвергнутого персидского шаха Каджарской династии (двум братьям) восстановить ее на престоле. Первую часть задачи он предполагал решить с помощью небольшого отряда верных и хорошо обученных казаков. В Чехословакии Шкуро посетил заводы «Шкода», где ему пообещали уступить 6000 русских винтовок, которые были вывезены Чехословацким корпусом из Сибири и в заводских условиях приведены в пригодное состояние (цена по 4 золотых рубля за единицу). Андрей Григорьевич пытался договориться и с казачьей верхушкой. Он вел переговоры с северокавказцами и даже с курдами, которых хотел использовать для

прорыва в район Бакинских нефтепромыслов. Но во время переговоров с последними в Швейцарии местные власти попросили генерала покинуть страну. Не получил он и поддержки казачества. Улагай также поспешил отказаться от авантюры. В результате идея оказалась нереализованной.

Это говорит о невозможности белой эмиграции действовать активно после похищения Кутепова. То есть в 30-е годы советская разведка полностью парализовала Белое движение.

Генерал-майор Исаак Федорович Быкадоров в начале 30-х жил под Прагой. Он создал и возглавлял организацию «Вольное казачество», объединенную идеей его самостийности и был фактическим лидером зарубежного донского казачества. «Генштабист, в свое время незаурядный казачий офицер, решительный, энергичный, умный, дальновидный, по убеждениям самостийник. Свои взгляды особенно никогда не афишировал, боясь ссоры с Деникиным, стоявшим за «единую», неделимую».

В Первую мировую войну он командовал сотней, полком, дивизией. Его «Вольное казачество» создавалось при участии министерства иностранных дел Польши, польского генштаба и французской разведки. Они же и финансировали — 25 тыс. чешских крон в месяц. Сам Юзеф Пилсудский вел с Быкадоровым переговоры относительно создания Донского государства. Премьер-министр Польши (в тот момент) просил подписать договор, по которому за Доном признавалась полная самостоятельность в границах, которыми располагает Донская область, с присоединением на востоке всего Поволжья

и Урала, а на юге нынешних советских Терекского, Армавирского, Ставропольского, Майкопского, Черноморского, от Туапсе до Гагр, округов и Калмыкии. За этой территорией признавалось право на самостоятельность «казацкого государства» с Исааком Быкадоровым во главе. Взамен Пилсудский просил дать письменное обязательство перевести всех донцов в Польшу, поселить в Галиции и начать комплектование Донского корпуса и работу внутри СССР.

После поляков были обращения чехов. Сам президент Чехословакии присылал за генералом свою машину. После чехов были французы, а если точнее— французский посол, который выложил перед генералом целых два варианта. Мы остановимся на одном из них. Донцам во главе с Быкадоровым дают убежище в Алжире, где им безвозмездно предоставляется земля для обработки. Признается и поддерживается самостоятельность Донского государства в границах, предложенных Пилсудским. За это требуется предоставить Франции право на железнодорожное и шоссейное строительство на Дону, на пользование туапсинским портом, сооружение Каспийско-Азовского канала и эксплуатацию Донецкого угольного бассейна. А впредь до образования казацкого государства Быкадоров должен был сформировать Донской корпус и с ним участвовать в случае войны против Италии на стороне Франции.

Посетил русского генерала и представитель английской разведки полковник Лоуренс, который в свою очередь предложил: «Все Закавказье, Дагестан, Абхазия и все современные советские горские республики поступают под протекторат его величества. Территория старого Дона, на западе добавленная Луганском, Озовкой, Бахмутом и

Мариуполем, на юге Кубанью, Калмыкией, Ставрополем, Терекком и Крымом; на востоке— нынешним Нижне-Волжским краем, старым Уралом и Оренбургским войском с городами Челябинском и Златоустом, составляет буферное государство новых донцов», под руководством Быкадорова. Это государство находится в союзе с соединенным королевством.

Исаак Федорович отказал всем. Однако тот же Лоуренс предложил вернуть 700 тыс. рублей, которые англичане забрали у Богаевского, наложив на них арест еще в начале эмиграции. Быкадоров же был неумолим и не хотел ввязываться в эти авантюры. Со временем он пришел к пониманию единого сильного Российского государства, за что

бывшие сподвижники стали называть его предателем казачьего дела. В своей замечательной книге Николай Александрович Бердяев написал: «В белое движение я не верил и не имел к нему симпатии... Я уповал лишь на внутреннее преодоление большевизма. Русский народ сам освободит себя». Белое движение так и останется в истории всего лишь безуспешной попыткой, не более того.

С началом войны на Восточном фронте немцы впервые привлекли офицеров старой русской эмиграции, главным образом добровольцев из Франции. Многие из них прошли через главный штаб группы армий «Центр», другие попадали непосредственно в корпуса, дивизии и полки. Так по сообщению уполномоченного по делам русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребкова, он, совместно с председателем французского отдела РОВСа генералом-профессором Н.Н. Головиным, зарегистрировал более полутора тысяч офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма. Вначале, было направлено около двухсот эмигрантов, которые получили придуманную для них форму. Но спустя несколько месяцев Главное командование вермахта отозвало офицеров-эмигрантов в Германию, им было запрещено ношение формы, а многие раненые и инвалиды были предоставлены собственной безнадежной участи.

4. ОУН

В 1921 г. из остатков офицеров «Западно-Украинской народной республики» и петлюровских «Украинских сечевых стрельцов» была создана «Украинская военная организация» (УВО) под руководством бывшего атамана галицийского корпуса полковника Коновальца. Его ближайшим помощником стал Мельник. УВО поставила своей целью борьбу против

Советского Союза под руководством польской дефензивы и немецкой разведки. Боевики «Украинской военной организации» засылались на советскую территорию со шпионскими и диверсионными заданиями, совершали раз-

бои и убийства.

В январе 1929 г. в Вене на съезде украинских националистов было принято новое название— ОУН. Но так как УВО являлась боевым ядром нового сообщества, то она была прикреплена к новому названию приставкой: ОУН—УВО. В 1930 г. во Львове Коновалец упразднил эту приставку.

В 1933 г. с приходом к власти в Германии Гитлера ОУН полностью переходит на службу фашизму. Гитлер, Геринг и Розенберг, с одной стороны, и Коновалец— с другой, вели переговоры о предоставлении зеленой улицы «Военно-политическому союзу между будущей фашистской Украиной и гитлеровской Германией». В своих секретных планах рейх предусматривал превращение Украины в немецкую колонию в качестве сырьевого придатка. Результатом переговоров оуновцев с фашистским руководством явилось издание в январе 1934 г. приказа о подчинении УВО гестапо на правах его рабочего отдела. Центральный провод ОУН тоже прописали в Берлине.

После убийства во Львове советского дипломата Майлова, совершенного террористом ОУН Лемеком в 1934 г., председатель ОГПУ В.Р. Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Украинское ГПУсообщило, что ему удалось внедрить в подпольную военную организацию украинских националистов в изгнании (ОУН) своего проверенного агента— Лебеда. В годы Первой мировой войны Лебедь и Коновалец воевали офицерами в австро-венгерской армии против России на Юго-Западном фронте в составе корпуса «сечевых стрельцов», а с 1915 по 1918 г. они находились в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну Лебедь командовал пехотной дивизией на Украине,

сражавшейся против частей Красной армии. После отступления Коновальца в Польшу в 20-м году Лебедь был направлен на Украину для организации подпольной сети ОУН, где его арестовали и завербовали. Так он стал ключевой фигурой в борьбе с бандитизмом на

Украине в 20-х годах, при том что его репутация в националистических кругах зарубежья оставалась высокой. Вскоре через Лебеда в качестве его «племянника» в ОУН был введен советский агент П. Судоплатов (Андрей), впоследствии начальник службы разведки и диверсий органов безопасности.

23 мая 1938 г. по поручению Сталина Павел Анатольевич ликвидировал в Роттердаме лидера ОУН Е. Коновальца. В результате ликвидации лидера был вызван раскол в ОУН. В ходе борьбы за власть внутри ОУН между Бандерой и официальным преемником Коновальца Мельником погибли видные боевики и соратники Коновальца. После разгрома польский армии и оккупации Польши гитлеровцы перестроили всю работу оуновцев в узко антисоветском направлении. Перед последними была поставлена задача: готовиться к нападению на Советский Союз.

В связи с этим Центральный провод ОУНдал указание своим организациям, находившимся в подполье в советских областях Западной Украины, активизировать антисоветскую националистическую агитацию, расширять сеть организаций, подготавливать националистические повстанческие кадры для вооруженной борьбы против большевиков на случай военного нападения на СССР фашистской Германии, то

есть организовать в советском тылу фашистскую «пятую колонну».

А между тем раскол в ОУН, спровоцированный советской разведкой, продолжался. В Центральном проводе в качестве его члена работал капитан гестапо Ярыга-Рихард (Ярый), который затем вошел в состав «бандеровского» провода. Через него немцы осуществляли

свои намерения ослабить националистическое движение, в развитии которого они совершенно не были заинтересованы.

В период германо-польской войны «бандеровцы» якобы захватили документы польской разведки и установили, что члены провода ОУН Сенник, Сциборский и Барановский являлись агентами польской разведки и что об этом знал Мельник, но никаких мер против них не принимал. Кроме того, «бандеровцы» обвиняли «мельниковцев» в их прогерманской политике, считая себя «представителями украинского народа», которые «без помощи немцев борются за самостоятельную Украину». А в августе 1941 г. немцы арестовали самого Бандеру и содержали на даче в пригороде Берлина под домашним арестом.

А раскол продолжался. В 1942—1943 гг. во Львове и в Житомире бандеровцы расстреляли Барановского, Сциборского, Грибивского и Сушко. Когда с помощью немцев был создан новый провод ОУН, его руководителем стал Лебедь.

5. Сепаратисты

К войне на Востоке фашистская Германия готовилась достаточно тщательно и заблаговременно. Об этом говорит и тот факт, что кроме документов (директив) чисто военного характера Верховное командование вооруженных сил 16 июня 1941 г. подготовило «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях», так называемую «Зеленую папку» (задачи и организация экономики). Здесь много интересного, изобретенного, но мы остановимся всего лишь на одном разделе: «Использование рабочей силы. Привлечение местного населения», где в пункте 2. «Обращение с населением по отдельным областям» есть характеристика некоторых народностей Советского Союза. Вот что там говорилось:

«1. Прибалтийские страны, Ленинградская и Северная области. В прибалтийских странах германским органам наиболее целесообразно опираться на оставшихся там немцев, а также на литовцев, латышей и эстонцев.

Напряженные отношения между этими национальными группами и оставшимися русскими следует использовать в интересах Германии. Особые условия в великорусском Ленинграде, городе, который весьма трудно прокормить с его ценными верфями и близлежащей алюминиевой промышленностью, требуют особых мероприятий,

которые будут предприняты своевременно.

2. Средняя полоса.

В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великороссов, евреев и поляков. С другой стороны, необходимо найти путь для использования в наших интересах запасов скота, ячменя, лошадей, древесины и т.д.

Московская область и области, находящиеся к востоку от нее, населенные великороссами и представляющие большой интерес в связи с ценными возможностями в отношении текстильного производства, составляют, в смысле подхода к населению, такую же трудную проблему, как и Ленинградская область, особенно вследствие того, что многомиллионный город потребует больших продовольственных дотаций. На основе первых недель войны будут даны указания в отношении подлежащих проведению мероприятий.

3. Юг.

В южных областях будут отличные предпосылки для продолжения нормальной хозяйственной жизни, если не произойдет больших __ тоже имеются на месте. Трудно сказать заранее, в какой мере можно будет использовать кавказскую нефть.

Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы сохранить важнейшую промышленность и

прочие хозяйственные предприятия и избежать разрушений.

Необходимо установить возможно лучшие отношения между местными жителями, то есть в данном случае между рабочими и служащими.

Возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами необходимо использовать в наших интересах (...).

4. Кавказ.

Продовольственное положение в важнейших нефтяных районах (Южный Кавказ) зависит от доставки зерна из плодородных районов Северного Кавказа, с населением следует поддерживать хорошие отношения, в особенности с рабочими нефтяной промышленности. Противоречия между туземцами (грузины, армяне, татары и т.д.) и

русскими следует использовать в наших интересах. При этом следует считаться с тем, что грузины и татары в противоположность армянам дружелюбно настроены к немцам...»

Таким образом, можно заметить особое отношение немцев к прибалтийским странам (немцы, литовцы, латыши и эстонцы), к Кавказу и населению юга (особенно к грузинам и татарам). Стоит обратить внимание и на использование немцами в своих интересах напряженных отношений между населением Прибалтики, украинцами, «туземцами» и русскими.

Немецкая разведка обнаружила напряженность в отношениях между русскими и другими национальностями, населявшими Советский Союз, и сделала ставку на эту напряженность.

Задачи абвера-2 (саботаж, диверсии, террор, поддержка повстанческих движений, разложение армий противника) предельно четко сформулировали еще в 1935 г., но практически до 1939 г. они не выполнялись. Сначала некоторые отделы абвера получили сотрудника для группы 2, который занимался подготовкой к действиям на случай

войны, но уже вскоре потребовалась подготовка к проведению диверсий в странах вероятных противников и особенно с целью нарушения важных тыловых коммуникаций.

Одной из новых задач стала деморализация противника на его территории. Для этого уже в мирное время в соответствующих странах следовало наладить контакты с отдельными лицами, согласными при необходимости оказывать тайное сопротивление своим правительствам и проводить мероприятия по подавлению воли населения к отпору.

Кроме подготовки диверсантов и террористов, их заброски в тыл противника, разработки и изготовления средств террора, организации диверсий и терактов абверу потребовалось— создание специальных отрядов из национальных меньшинств в тылу государств противника и организация воинских формирований из этого же числа для захвата в тылу противника стратегически важных объектов, с целью их уничтожения или сохранения до подхода передовых армейских частей.

Именно с этих задач началась практическая работа германской разведки с «пятой колонной» русской эмиграции и сепаратистов дореволюционной России.

В мае 1941 г. наряду со штабом «ВАЛЛИ» (для непосредственного руководства разведывательной деятельностью на советско-германском фронте) создаются боевые органы и в немецкой службе безопасности (СД). Это всего лишь несколько подразделений, так называемых рефератов в научно-исследовательских центрах по изучению стран Востока.

Отделение «А»— ведало материальным обеспечением (боеприпасы, радиоаппаратура, взрывчатые вещества для агентурно-диверсионных групп, которые планировалось забросить в тыл Красной армии.

Отделение «В»— агентурно-разведывательная работа на европейской части СССР.

Отделение «Н»— организация диверсий на Кавказе.

Подреферат «Д»— агентурно-разведывательная работа на территории советских республик Средней Азии.

По авторитетному мнению П.А. Судоплатова, координацией деятельности органов немецкой военной разведки службы безопасности СД и разведывательного бюро Риббентропа некоторое время руководил генерал Ф. Нидермайер, в прошлом видный немецкий дипломат и разведчик, авторитетный специалист по России. В 20—30-е

годы— он немецкий военный атташе в Москве. Действовал как двойник немецкой и советской разведок.

«Он выступал с предложением о создании в преддверии войны Туркестанского легиона— националистических мусульманских организаций для действий против советских войск. Речь шла о создании Туркестанского, Волго-татарского комитетов, Крымского центра,

Азербайджанского, Северо-Кавказского, Армянского, Грузинского штабов. У немецких разведывательных органов были большие планы по разыгрыванию мусульманской карты против Советского Союза».

Руководство немецкой разведки, по сути, было увлечено и даже ослеплено идеей «молниеносной войны». Оно абсолютно не сомневалось в том, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опираясь на раскулаченное крестьянство в тылу СССР немцам удастся создать «пятую колонну». Один из агентов немецкой разведки профессор «Идрис» был татарин. До Первой мировой войны проживал в Казани, где получил университетское образование. Во время войны попал в плен к немцам, потом в порядке обмена военнопленными вернулся в Россию. Но уже в 1922 г. вместе с Бухарской комиссией выехал в Германию, а после окончания ее работы отказался вернуться в СССР и остался в Берлине. Долгое время работал внештатным консультантом немецкого МИДа и по совместительству в министерстве пропаганды. «Идрис» часто выступал по радио с антисоветскими речами на турецком языке. Вокруг него группировались те, кого использовали на мусульманском направлении немецкой разведки. Немцы готовили Среднюю Азию в качестве театра военных действий. Немецкая разведка и разведывательное бюро Риббентропа активно использовали против Советского Союза также и грузинскую эмиграцию. Грузинский журналист М. Кедия с 1927 г. проживал в Париже, где примкнул к партии грузинских социал-демократов. В 1941 г. переехал в Берлин и вступил в немецкую армию, сотрудничал с гестапо, вошел в руководящий состав грузинского комитета. В период временной оккупации объявился в Пятигорске, где создал антисоветскую националистическую организацию «Ассоциация Грузии», которая оказывала помощь немецкой армии, готовила агентуру для заброски в Грузинскую ССР.

Русская эмиграция с южных территорий бывшей Российской империи, Северного Кавказа и Закавказья достаточно компактно распространилась в страны южного пояса— Турцию и Иран, отчасти Афганистан. После окончания Гражданской войны в Стамбуле был учрежден Объединенный комитет по борьбе с большевизмом, который призвал к созданию союза самостоятельных окраинных национально-государственных образований (Украина, Азербайджан, Грузия, а также казачьи области и территории под названием Горская республика (это Дагестан, Чечня и сопредельные территории)).

Однако комитет не прижился, потому что после освобождения всего Кавказа от большевиков считал необходимым постепенное создание империи под властью российского императора. Именно это и не устраивало тех, кто финансировал эмиграцию и оказывал ей поддержку.

Внук имама Шамиля, руководителя сопротивления горцев русским войскам в Кавказскую войну, Саид Шамиль долгое время проживал в Турции и руководил Комитетом

азербайджанско-горского объединения. Во время Первой мировой войны он воевал на русско-турецком фронте, на стороне кайзеровской Германии. По окончании войны, на родине предков, он пытался воевать и с советской властью. На Кавказе Саид-бей впервые появился в июле 1920 года, приехав из Константинополя в Тифлис. Со временем его ввели во французскую миссию и представили грузинскому правительству. После денежной поддержки последних в октябре Саид выехал в Дагестан, где встретился с Имамом Северного Кавказа Нажмутдин-эффенди, заключил с ним соглашение и открыл боевые действия против большевиков. Успех был недолгим. С подходом красных ему пришлось

оставить Дагестан и с небольшим окружением перейти в Чечню. Весной 21-го, когда Красная армия захватила всю Грузию, Шамиль бежал из Чечни в Турцию. Немецкая разведка вышла на Шамиля в феврале 1935 года.

Интересно, что одним из важнейших принципов совместной работы с немцами Шамиль считал резкое отделение деятельности кавказцев от деятельности украинцев, в которых он видел большую опасность: «Сильная Украина в общем представляла бы для Кавказа такую же опасность, что и сильная Россия, так как нежелательная политическая и экономическая экспансия Украины шла бы по направлению Кавказа. При таком положении грузины также представляют опасный, как объединенный с Украиной, элемент. Грузины— почти такие же враги кавказских мусульман, как и армяне, но в то время, как армяне высказывают открыто свое врожденное отношение к ним— грузины всегда играют с закрытыми картами...»

Партия Мусават, основанная в 1912 г., последовательно стремилась к приходу к власти в Азербайджане и отделению Кавказа от России.

В 1918 г., когда турецкая армия помогла азербайджанскому правительству перебраться в Баку, Мусават встала под покровительство Турции. Во главе партии со дня ее создания стал Расул-заде— туркофил, националист, русофоб. Когда власть в Азербайджане перешла к большевикам, мусаватисты бежали за границу. До 1934 г. эта партия была единой, но потом последовал ее раскол на Варшавскую и Стамбульскую группы. С середины тридцатых годов руководство Мусавата стало активно сотрудничать с немцами. После начала войны наиболее влиятельные деятели эмиграции были приглашены в Берлин. Представитель МИД Германии Шуленбург на совещании предложил всем течениям, сложившимся к тому времени, объединиться в единый азербайджанский комитет (мусаватистов Расул-заде, сторонников Векилова— отколовшихся старых

членов партии и Азербайджанскую народную партию). Вот только работу комитета наладить не удалось. Разговоры о независимости немцев не устраивали. Их больше интересовали вопросы формирования и подготовки национальных легионов...

14 июля 1934 г. в Брюсселе был подписан договор о создании конфедерации народов Кавказа. Текст документа подписали: за Азербайджан— Расул-заде; за Северный Кавказ— Чулик, Шакманов и Сунжев; за Грузию— Жордания, бывший председатель грузинского правительства...

Участники договора направили письмо армянскому национальному центру с сожалением, что «Армянская республика» не смогла присоединиться к кавказской конфедерации.

Но практически до 1942 г. работа влиятельных деятелей эмиграции сепаратистов сводилась к личным амбициям: недоверию, подсиживанию и провокациям.

С началом войны немцы взяли работу с эмиграцией под свой непосредственный контроль. Воплощение же плана создания общекавказского правительства началось осенью 1942 г. В Берлине было созвано совещание представителей национальных эмигрантских организаций с целью формирования правительства кавказской конфедерации из азербайджанцев, грузин, горцев и других. Армянских эмигрантов уговорить не удалось.

Использование немцами белой эмиграции было своеобразным. Долгие разговоры, переговоры и сотрудничество с началом оккупации советской территории свелось к формированию так называемых добровольческих частей и только потом к созданию национальных комитетов.

Так, военное командование совместно с восточным министерством создало: Волго-татарский центр, Крымский центр, Азербайджанский штаб, Северо-Кавказский штаб, Армянский штаб, Грузинский штаб и Калмыцкий центр. Все они являлись центрами подрывной работы против СССР..

Одним из лидеров Крымских татар в эмиграции был Джафар Сейдаметов. В 1918 г. он, председатель Крымского национального правительства и одновременно министр иностранных дел, возглавлял крымскую делегацию на переговорах с немцами. При отступлении Врангеля из Крыма эмигрировал в Турцию. Был лидером народной партии крымских татар. Через 2-й отдел польского генштаба Сейдаметов получал жалование 1000 злотых ежемесячно. Но накануне войны, как и многие лидеры других этносов, переключился на работу с немцами. В сентябре 1941 г. его принял Гитлер, а на следующий день в его доме состоялось совещание под председательством Саида Шамиля, на котором рассматривались вопросы, связанные с засылкой в Крым и на Кавказ через Сирию и Иран агентуры, которую можно было бы использовать для подготовки восстания при подходе немецких войск к этим регионам.

Но этим планам, как и многим другим, не суждено было сбыться.

6. Чечня и крымские татары

С самых первых дней советской власти и вплоть до своей ликвидации Чечено-Ингушская АССР по праву считалась самой «беспокойной» и всегда оставалась очагом бандитизма. После окончания Гражданской войны бандитизм на Северном Кавказе заметно пошел на убыль, но только не в Чечне. Например, в результате операции по разоружению населения района Ачхой—Катыр-Юрт—Шалажи—Гехи—Валерик—Шамиюрт (9-м стрелковым корпусом в 1923 г.) было изъято 1174 винтовки, а по окончании операции части корпуса с 16 по 19 декабря была проведена операция по разоружению района Чечень—Белгатой—Гельдыген—Цацын-Юрт—Центарой—Ишхой, где у населения было изъято 1715 винтовок.

А вот выводы из информационного обзора штаба 9-го стрелкового корпуса о развитии бандитизма в районах дислокации частей корпуса в июле—сентябре 1924 г. (3 октября):

«1. К концу второй половины отчетного периода бандитизм в Кабардино-Балкарской, Осетинской и, отчасти, Ингушской области значительно понизился.

2. Бандитизм в Чеченской области сохраняет прежний уровень, а периодами повышается, и область в отношении бандитизма нужно считать неблагонадежной.

3. Вообще бандитизм на территории корпуса не имеет ярко выраженной формы, по своему характеру— чисто уголовный, скрытый в массе горского населения, живущего своеобразными бытовыми условиями и традициями, воспитанный религиозным фанатизмом и бывшим политическим режимом (колонизаторство). Родовая вражда, кровная месть, национальная ненависть и неуважение, стеснительные земельные условия, обилие оружия у населения, географические условия— все это в той или иной степени влияет на развитие бандитизма...»

Летом 1925 г. началась следующая широкомасштабная операция по зачистке территории Чечни от бандформирований и изъятию оружия у местного населения. Но спокойствие после этой операции воцарилось ненадолго. В ноябре—декабре 1929 г. здесь вспыхнуло

крупное восстание, которое удалось подавить. Было изъято 450 бандитов.

Однако и этого оказалось недостаточно. К концу февраля 1930 г. «уцелевшие главари» начали

подготовку следующего восстания. Поэтому в марте 1930 г. была проведена повторная войсковая операция, в которой участвовало 3920 военнослужащих при 16 орудиях. В марте 1932 г. вспыхнуло новое крупное восстание в Ножай-Юртовском районе. Постанцы блокировали гарнизоны и пытались захватить их, но 28—29 марта были разбиты и рассеяны подошедшими частями Красной армии.

Факты упрямо говорят о том, что изначально в Чечне был просто уголовный бандитизм.

Из докладов о ликвидации контрреволюционного выступления в Чеченской, Карачаевской, Кабардинской и Ингушской национальных областях:

«Причинами выступления являются: крупнейшие ошибки старого партийного руководства области, проводившего совершенно неправильную линию на сплошную коллективизацию, без учета особенностей и уровня развития национальной области (наличие в значительной мере родовых пережитков, религиозный фанатизм, слабая классовая дифференциация, чрезвычайная культурная отсталость масс, скотоводческий тип хозяйства, находящийся в горных округах на весьма низком уровне развития). Административное насаждение колхозов, попытки коллективизации в горных районах, неправильное лишение избирательных прав середняков, а в ряде случаев и бедняков, превратившееся в некоторых местах (Итум-Калинский округ) в массовое явление, попытка административного закрытия мечетей».

Следующее обострение отмечено в 1937 г. По данным справки о результатах борьбы с террористическими группами в республике в период с октября 1937 по февраль 1939 г., на ее территории действовали 80 группировок общей численностью 400 человек и более

1000 человек находились на нелегальном положении. Однако благодаря принятым мерам в 1939 г., с их выступлениями в основном удалось покончить. В ходе операций были арестованы и осуждены 1032 участника бандитских групп и их пособников, 716 беглых, кулаков, изъяты 5 пулеметов, 21 граната, 8175 винтовок, 3513 единиц прочего оружия. В 1940 г. бандитизм в республике снова начинает действовать. Большинство групп пополнялось за счет беглых уголовников и дезертиров Красной армии. В октябре 1943 г. бригада работников госбезопасности во главе с заместителем наркома комиссаром госбезопасности 2-го ранга Б. Кобуловым выехала в Чечено-Ингушетию, а 9 ноября по результатам ее работы была подготовлена докладная записка на имя Л. Берии «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР». «Населенных пунктов в республике насчитывается 2288. Население за время войны сократилось на 25 886 человек и насчитывает 705 814 человек. Чеченцы и ингуши в целом по республике составляют около

450 000 человек. В республике 38 сект, насчитывающих свыше 20 тысяч человек. Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе—сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 человек членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов. Антисоветские авторитеты, связавшись с немецкими парашютистами, по указаниям немецкой разведки организовали в октябре 1942 г. вооруженное выступление в Шатоевском, Чеберлоевском, Итумкалинском, Веденском и Галангожском районах.

Отношения чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной армии. При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из

4733 человек 362 уклонились от призыва. В январе 1942 г. при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава. В марте 1942 г. из 14 576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13 560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам.

В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек.

Группа чеченцев под руководством Алаутдина Хамчиева и Абдурахмана Бельтоева укрыла парашютный десант офицера германской разведслужбы Ланге и переправила его через линию фронта. Преступники были награждены рыцарскими орденами и переброшены в ЧИАССР для организации вооруженного выступления. По данным НКВД и НКГБ ЧИАССР, на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов, 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой: 1410 членов фашистских организаций; 619 мулл и активных сектантов; 2126 дезертиров. За сентябрь—октябрь 1943 г. ликвидировано и легализовано 243 человека. На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп с общей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки.

Свыше 4000 человек— участников вооруженных выступлений 1941—1942 гг. прекратили активную деятельность, но оружие— пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки— не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

Даже по этим сухим строкам документа не трудно себе представить, что собой представляла Чечено-Ингушетия в 1943 г.! Массовое дезертирство и уклонение от призыва в Красную армию, вооруженные выступления, нападения на опергруппы и отряды НКВД, убийства, налеты, грабежи, а также пособничество немецким диверсантам.

Характерно, что захваченный НКВД полковник Губе Осман на допросе показал:

«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чечены и ингуши при Советской власти жили достаточно зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним

нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминая тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция. Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями,

изменческими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу, в возмещение которой оккупанты им оставили хотя бы часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища».

В своем обращении к народу 3 июля 1941 г. Сталин, говоря о целях немецко-фашистских захватчиков в отношении народов Советского Союза, назвал русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, молдаван, грузин, армян и азербайджанцев, то есть те нации, которые на тот период времени имели статус союзных республик. Не назвал он только татар. То ли специально не назвал, то ли забыл, теперь уже никто не расскажет. Хотя, как известно, слабостью памяти вожь не страдал!

Я же хотел бы сказать несколько слов о татарах крымских. Про них, самых обиженных до сих пор, есть что сказать. По данным за 1939 г., в Крыму проживали: русские 558 481 (49,6%); украинцы — 154 120 (13,7%); татары — 218 179 (19,4%); немцы — 51 299 (4,6%);

евреи — 65 452 (5,8%); болгары — 15 353 (1,4%); греки — 20 652 (1,8%); армяне — 12 873 (1,1%); прочие — 29 276 (2,6%). А всего: 1 126 385 человек. А теперь факты...

Все призванные в Красную армию из крымского населения составили 90 тыс. человек, в том числе 20 тыс. крымских татар, которые в 1941 г., при отступлении 51-й армии из Крыма, дезертировали. В одной только деревне Коуш из 132 призванных в Красную армию дезертировали 120 человек. Так что дезертирство татар Крыма было просто поголовным, а затем началось прислужничество немецким оккупантам, о чем мы обязательно поговорим позже.

7. Фольксдойче

Сразу же после окончания военных действий во Франции немецкая разведка активизировала свою работу против СССР. Абвер стремился координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, осевших в Западной Украине и Румынии. Их связи тянулись к немецким колониям, расположенным на территории Украины— в Одессу и Крым. Центром их деятельности были Черновцы.

«Немецкий народный совет германцев в Бессарабии возглавлял офицер абвера. Немецкая резидентура пыталась распространить свою деятельность на всю территорию Молдавии и Украины. Сельские колонисты— крестьяне, стали основным направлением в разведывательной деятельности абвера.

Накануне войны советская разведка зафиксировала стремление немецких разведывательных органов внедрить свою агентуру из числа местных жителей в службы Киевского особого военного округа, особенно в сфере материально-технического снабжения наших войск, вступивших на территорию Западной Украины. По воспоминаниям П.А. Судоплатова, после проведенного анализа попавших в руки советской разведки архивов польских, румынских, латышских, эстонских спецслужб, стало известно о проявлении большого интереса немцев к вербовке советских граждан и перемещенных лиц: «Главным критерием их вербовочных подходов был так называемый «принцип немецкой крови». Немецкая национальность считалась главным пропуском для установления связей с интеллигенцией, проживающей на территории Советского Союза».

В фашистской Германии в 30-е годы существовали две организации: заграничная организация НСДАП (АО) и «Фольксдойче миттельштелле», занимавшиеся вопросами возврата в лоно матери— родины всех людей немецкой крови. Фактически же эти организации были шпионскими гнездами, которые сначала содействовали созданию «пятой колонны» в Австрии и Чехословакии, а затем выявлению укрывавшихся за

границей немецких политических противников режима и слежке за ними. АО являлась секцией НСДАП, которая объединяла немцев, живущих за границей. Ее руководителем был партийный гауляйтер и статс-секретарь министерства иностранных дел Эрнст Боле. Эта специальная секция была создана в 1931 г. Грегором Штрассером в Гамбурге.

Выбор этого города в качестве местопребывания организации объяснялся тем, что из десяти более или менее длительных заграничных поездок немцев восемь осуществлялись через Гамбург, порт, из которого шли морские линии в обе Америки, где размещались крупнейшие пароходства и находилось около сотни иностранных консульств. На секцию возлагалась задача обеспечения связей с 3300 членами НСДАП, проживающими за пределами Германии. В октябре 1933 г. АО была поставлена под контроль Гесса, выступавшего в качестве представителя фюрера. За несколько лет эта организация создала около 350 региональных групп НСДАП, рассеянных по всему миру, не считая отдельных членов, с которыми также поддерживалась постоянная связь.

«Фольксдойче миттельштелле» полностью контролировалась СС. Руководителем этой центральной службы немцев чистой расы был группенфюрер Лоренц. Сфера деятельности этой организации, занятой защитой интересов немцев, принадлежащих к чистой расе и живущих за границей, распространялась в основном на соседние страны. Она сыграла огромную роль в подготовке аншлюса и в организации волнений в Судетах. Во время Второй мировой войны она выступила организатором перемещения населения в Польшу и на восточных территориях. Гиммлер, назначенный 7 октября 1939 г. имперским комиссаром по расселению германской расы, руководил проведением этих операций с

помощью СС и гестапо.

На начало 1939 г. немцев в СССР насчитывалось 1 427 222 человека, в том числе в Российской Федерации 700 231 человек. Первое решение о депортации немцев Поволжья было принято 12 августа 1941 г. Их предполагалось выселить в районы Новосибирской и

Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР и в другие соседние области.

27 августа появился приказ НКВД СССР «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». В республику были направлены 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев. Руководство операцией было поручено замнаркома внутренних дел СССР Серову. Считается, что переселение немцев проводилось в жесткой форме. Возможно и так, но о какой другой форме могла идти речь, если шла война, а как известно, в ее начале была катастрофа, связанная прежде всего с прорывом фронта и масштабным отступлением. Нельзя забывать и о том, что фашистская Германия возлагала определенные надежды на создание «пятой колонны» в тылу СССР. Одним из элементов этой «колонны» должны были стать немцы. Угроза участия русских немцев в войне на стороне Германии существовала вполне реально. И только благодаря переселению этого удалось избежать.

Давайте вспомним недавние события, когда в результате развала Советского Союза тысячи русских немцев стали возвращаться на свою историческую родину в объединенную Германию. Думаю, что это бегство не было случайным... Автор книги «По мощам и елей», Александр Николаевич Яковлев, считает: «Народ был обвинен только в том, что он принадлежал к на-ции, государство которой— фашистская Германия— вела войну против СССР». Такая позиция в корне неверна. Думаю, что народ был неблагонадежным в силу ряда причин, и чтобы избежать его использования противником в войне против Советского Союза, он был переселен.

Да, это было далеко не приятным мероприятием, но в тот момент, когда существовала реальная угроза поражения, других вариантов не было и быть не могло.

8. Разведывательно-диверсионные группы

Накануне войны абвер имел одно существенное преимущество перед советскими органами госбезопасности. В его структуре функционировал спецотдел по проведению разведывательно-диверсионных операций, а при нем был сформирован учебный диверсионный полк «Бранденбург-800». Еще перед началом Второй мировой войны абвер получил от генштаба задание предотвратить разрушения промышленности польской части верхней Силезии. Этот район, важный для германской военной экономики, как можно быстрее должен был включиться в германскую программу вооружений. Для подобной операции следовало подготовить людей, прекрасно владевших польским языком и хорошо знавших соответствующие объекты, чтобы непосредственно перед началом боевых действий вермахта скрытно перебросить их на место, чтобы спасти эти объекты от разрушения. В связи с возможным увеличением количества и масштаба подобных задач осенью 1939 г. в Чехословакии началось формирование роты под условным названием учебно-строительная рота (командир— капитан доктор фон Гиппель), которая впоследствии была развернута в учебно-строительный батальон, дислоцировавшийся в г. Бранденбург (командир— майор Кевиш). Батальон использовали во время кампании во Франции. Штаб оперативного руководства вооруженными силами и генеральный штаб проявили заинтересованность в дальнейшем развитии подразделений,

которые под соответствующей маскировкой могли бы использоваться в прифронтовом тылу противника. В октябре 1940 г. батальон переформировали в учебный полк «Бранденбург», а в декабре 1942 г. — в дивизию.

В первый период своего существования батальон «Бранденбург» комплектовался главным образом из немцев, владевших иностранными языками, и фольксдойчей.

Позднее эти подразделения пополнялись за счет добровольцев — военнопленных англичан и

французов, а также белоэмигрантов. Зимой 1940/41 г. 2-й отдел абвера сформировал в лагере Нейхаммер под Лигницем батальон из украинцев, служивших в польской армии и имевших хорошую боевую выучку. Этот батальон получил кодовое

наименование «Нахтигаль» (Соловей). В 1938 г. были созданы тренировочные центры для украинских эмигрантов под Берлином и Бранденбургом для подготовки кадров «пятой колонны» на случай начала боевых действий против Польши и СССР.

В 1939 г. 250 украинских добровольцев проходили спецподготовку в учебно-тренировочном лагере под Дахштайном. В полку «Бранденбург 800» подготовку проходили члены украинской секции русской фашистской организации РОНД. Одним из первых украинских формирований абвера был так называемый «легион полковника Романа Сушки» — отряд членов ОУН численностью 200 человек. С созданием же дружин украинских националистов: 1-го батальона «Роланд» и 2-го батальона «Нахтигаль» общая численность легионеров достигла 700 человек.

В преддверии военных действий в России абвер приступил к вооружению групп ОУН и фольксдойчей на советской территории, контрабандным путем переправляя им оружие через границу. В 1940 г. один из лидеров «правой белорусской эмиграции» предложил немецкому руководству проект организации деятельности белорусских национал-социалистов, который включал в себя переподготовку военнопленных белорусов и переправку обученных кадров на территорию СССР для ведения диверсионной работы.

Формирование 1-го белорусского подразделения началось весной 1941 г. 1-й штурмовой взвод (50 человек) был подготовлен в составе полка в Бранденбурге-800. Точно так же немцами готовились десантники Варшавского-Белорусского комитета. В их число включали добровольцев-белорусов из лагерей военнопленных польской армии. Два

подразделения вошли в оперативное подчинения штаба «Валли». Диверсантам поручалось проведение диверсий в ближнем советском тылу, истребление командного состава РККА, передача военных сведений по радио. Уже перед началом военных действий против СССР абвер привлек к сотрудничеству грузинских эмигрантов (5-я рота полка «Бранденбург-800»). Согласно секретному распоряжению № 53/41 отдела иностранной контрразведки немцы готовили силами грузин восстание на территории Грузии. Эта организация разделилась на две агентурные группы: первая — «Тамара-1» (16 грузин для саботажа) и вторая — «Тамара-2» (80 грузин — оперативная группа). Группы были сформированы во Франции при активном участии руководителя грузинского военного комитета Михаила Кедия.

Кроме украинцев, белорусов и грузин абвер использовал и эстонцев. После присоединения Прибалтики к Советскому Союзу многие эстонские военнослужащие оказались в Финляндии. В 1940 г. 2-й отдел абвера направил туда нескольких офицеров

эстонцев с целью отбора из их соотечественников наиболее подходящих для работы в разведке. За несколько месяцев до начала кампании в России немцам требовалась точная информация о русских войсках в Прибалтике. Около 80 эстонцев готовили к заброске в СССР. Для этой цели был организован центр подготовки на полуострове Сека, 40 километров западнее Хельсинки. Предполагалось после первых успехов кампании на Востоке с моря высаживать эстонские диверсионные группы на советскую территорию. В состав полка «Бранденбург-800» входили штабная рота, рота связи, учебный лагерь, пять батальонов четырехротного состава и учебный батальон. Подразделения полка предназначались для ведения диверсионной и разведывательной работы в тылу советских войск.

Они осуществляли захват стратегически важных объектов до подхода основных сил вермахта, организацию «повстанческого движения», ведение войсковой разведки на передовой линии фронта с целью захвата «языков» и подрыва оборонительных сооружений, совершали террористические акты в отношении командного, административного и политического состава армии противника. Например, спецрота 2-го батальона «Нахтигаль»

была переброшена в Румынию для охраны нефтескважин и сопровождения транспорта, то есть немцы использовали специальные подразделения как

для диверсий, так и для охраны стратегических объектов. В 1940 г. спецназ использовался абвером преимущественно в прифронтовой полосе. Так полк «Бранденбург» во время операций против Греции и Югославии захватил мост через реку Вардер в Северной Греции и удерживал его до подхода авангарда прорвавшихся к Солоникам немецких танковых дивизий.

На советской территории диверсионные подразделения абвера первоначально действовали так же, как в Югославии. Например, в ночь на 22 июня 1941 г. абвергруппы полка «Бранденбург-800» появились на участках Августов— Гродно— Колынка— Рудинка — Сувалки и захватили десять стратегических мостов. Сводная рота батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм и сумела воспрепятствовать эвакуации и уничтожению документов советских военных и гражданских учреждений в Брест-Литовске и в Литве.

Начиная с февраля 1941 г. и до 15 июня диверсионные подразделения абвера были развернуты против СССР. Штаб-квартирой полка «Бранденбург-800» стали Краков и местечко Аленштайн в Восточной Пруссии. 7 июня 1941 г. батальон «Роланд» прибыл из Вены в Румынию, где был включен в состав 11-й немецкой армии. 26 июля батальон «Роланд» перешел под командование 54-го армейского корпуса и принимал участие в прочесывании территории и охране дорог у р. Днестр. Батальон насчитывал 269 человек (4 роты). На занятых территориях его предполагалось пополнить 150 добровольцами-украинцами.

29 июля батальон «Роланд» оперировал в районе Кишинев —Вадулуй— Вода. Батальон «Нахтигаль» (350 человек) за четыре дня до вторжения в Советский Союз был передислоцирован к границе. В ночь с 22 на 23 июня батальон перешел границу у Перемышля и, не вступая в бой с частями РККА, двигался в направлении Львова.

15—17 июля переодетые в красноармейскую форму украинские националисты из батальона «Нахтигаль» и немцы 1-го батальона «Бранденбург-800» под Даугавпилсом совершили нападение на штаб одной из частей Красной армии в лесу под Винницей, но их атака была отбита.

28 июля диверсанты 8-й роты полка «Бранденбург-800» захватили и разминировали подготовленный к взрыву отступающими советскими войсками мост через Даугаву.

Во Львов батальон «Нахтигаль» вступил вместе с 1-м батальоном «Бранденбург-800» 30 июля в 4 часа 30 минут и взял под контроль стратегические объекты и транспортные узлы города. К тому времени в городе закончились основные бои между местными оуновцами и отступающими советскими частями. Затем весь личный состав батальона «Нахтигаль» под руководством офицеров абвера, по специальным спискам, составленным агентами краковского отделения абвера, осуществлял массовые казни еврейского населения, а потом и польской интеллигенции во Львове.

Первые парашютисты из состава 1-го штурмового белорусского взвода (41 человек в форме РККА) были сброшены на советскую территорию 18 июня 1941 г. в районе г. Сувалки для совершения диверсии на железнодорожной ветке Столбцы— Барановичи партиями по 5—11 человек. Большая часть группы была ликвидирована органами

госбезопасности. Вторая группа была десантирована в ночь с 21 на 22 июня западнее Минска, где провела диверсию на железной дороге и выступила навстречу немецким передовым частям. Десантники Варшавского комитета были заброшены на советскую территорию близ р. Буг. После выброски вся группа была замечена и атакована пограничниками. Входе боя их взяли в плен. 1-й штурмовой взвод после расформирования

был включен в Минскую городскую полицию порядка. С началом боевых действий против СССР абвер развернул активную работу по созданию диверсионных групп из эстонцев для захвата стратегически важных объектов и организации повстанческого движения на территории Эстонии.

Группа «Эрна» была подготовлена в составе 14 агентов и 70 бывших военнослужащих эстонской армии. Первые 40 человек на трех катерах успешно достигли эстонского побережья. Оставшаяся в Финляндии часть «Эрны» ввиду невозможности пробиться к побережью морским путем была пополнена и сброшена на парашютах в Эстонию. Находящаяся на месте группа провела необходимую подготовку: подыскала подходящую площадку и подготовилась к приему своих коллег в ночное время, что подтверждал и радиообмен. Затем транспортные самолеты точно произвели выброску парашютистов. Операция прошла блестяще. Результаты своей работы (наблюдение за путями сообщения, наблюдение за передвижением частей армии, разведка оборонительных рубежей вокруг эстонской столицы) группы передавали по радио.

По оценке немецких экспертов, использование эстонских добровольцев в этой операции оказалось весьма эффективным.

А вот что написал в своих воспоминаниях личный помощник Канариса Оскар Райле: «Возможность боевого применения эстонских добровольцев в деле, получившем кодовое обозначение «Операция Эрна», в Эстонии была крайне полезной для Германии. Среди населения распространилась весть, что соотечественники, участвовавшие в войне Германии против Советского Союза, первыми ступив на родную землю, боролись за освобождение своей страны».

К концу июля 1941 г. общая численность эстонских добровольцев достигла 900 человек.

В октябре 1941 г. эстонский батальон был расформирован, а его личный состав передан в полицию, службу самообороны или органы местного самоуправления. В это же время абвером-2 был создан батальон «Бергманн» (1500 человек):

1-я рота— грузины и немцы;

2-я рота— уроженцы Северного Кавказа;

3-я рота— немцы и азербайджанцы;

4-я рота— грузины и армяне;

5-я рота— штабная (около 30 человек) из белоэмигрантов всех национальностей. Командный состав— немцы.

В конце августа 1942 г. батальон был переброшен в Россию на Кавказ. 1-я и 3-я роты действовали в районе Моздока, 2-я рота— в районе Майкопа, 4-я рота— в районе Эльбруса. Из состава 2 и 4 рот назначались бургомистры и старосты в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача захвата Военно-грузинской дороги. Подразделения батальона «Бергманн» перебрасывали в тыл советских войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и создания паники.

Роты вели добычу языков и разбрасывали листовки за линией фронта и вели передачи, призывая переходить к немцам. Во время немецкого наступления на Северном Кавказе 30 диверсантов в советской военной форме проникли в тыл Красной армии (под видом раненых, идущих с переднего края обороны) и взорвали стратегически важный мост

в районе Минеральных Вод, чтобы сорвать организованный отход советских войск. Другая группа проникла в Майкоп, устроила на мосту засаду и сорвала плановый отход советских частей.

В октябре 1941-го при «Бранденбурге-800» в 60 километрах от Берлина была сформирована

зондеркоманда капитана Ланге. Команда находилась в непосредственном подчинении отдела абвер-2 и состояла из агентов, подготовленных для проведения подрывной работы в тылу советских войск на территории Кавказа. В конце июля 1942 г. группа агентов из адыгейцев, карачаевцев, кабардинцев и черкесов под руководством фельдфебеля Морица была направлена в г. Сталино для переброски в район Майкоп —

Краснодар. 25 августа 1942 г. из Армавира группа Ланге в количестве 30 человек (чеченцы, ингуши и осетины) были десантированы с самолетов в районы селений Ататинского района для организации повстанческого движения. В сентябре 1942 г. на территорию Чечено-Ингушетии была выброшена вторая группа диверсантов из 12 человек под руководством унтер-офицера Реккерта. Группа Ланге была целиком ликвидирована, а сам Ланге в ноябре возвратился с тремя немцами к своим.

Грузинские диверсанты принимали участие в составе подразделений лейтенанта Ланге в операции «Шамиль», организованной абвером для захвата Грозненского нефтеперерабатывающего завода. После провала операции диверсантам удалось установить связь с чеченскими бандами...

9. Выводы

С началом войны на стороне Германии действовала малочисленная «пятая колонна».

Во-первых, это объясняется эффективной работой советской разведки.

Во-вторых, обострение взаимоотношений между эмигрантскими группировками, явившееся результатом деятельности советской разведки, породило у спецслужб противника недоверие к русской эмиграции.

Существовало противоборство между украинской, российской и кавказской эмиграцией. Русских эмигрантов раздражала деятельность украинцев по созданию «самостийного государства». Грузинские меньшевики, укрывавшиеся с их «Независимой Грузией» в Париже, вызывали беспокойство в монархическом крыле российской эмиграции, которая не питала симпатий к этой публике и считала их деятельность вообще антирусской.

В-третьих, при подготовке к вторжению на территорию СССР абвер ориентировался прежде всего на ведение диверсионных операций в ближайшем тылу и на выполнение заданий по тактической разведке. П.А. Судоплатов писал в своей книге: «Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 года»: «Но в своей работе противник вынужден был опираться, как я уже писал, на эмигрантские формирования. Аони-то как раз были нам известны по оперативным учетам. Таким образом, мы обладали большими возможностями им противодействовать».

К тому же непосредственным планированием разведывательных операций противника и их руководством занимались люди, не компетентные в русских делах. В результате интриг из немецкой разведки были изгнаны специалисты по России, а ее руководство было фактически «ослеплено» первыми успехами «молниеносной войны». Их уверенность, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опоры на раскулаченное крестьянство в тылу нашей страны им удастся создать «пятую колонну», как в странах Западной Европы, оказалась просто нереальной. Массовая вербовка, при хроническом недоверии к эмиграции, исключалась, что существенно ограничивало сферы разведывательно-диверсионной деятельности абвера на Восточном фронте. Тем более что диверсий в глубоком тылу, за исключением бакинских нефтепромыслов, немецкое командование не планировало. После выполнения конкретных задач личный состав национальных частей и подразделений разоружался самими немцами и перебрасывался либо далеко за пределы восточного фронта, или же включался в полицию и оккупационную администрацию. Это объяснялось недоверием по отношению к национальным формированиям украинцев, белорусов и др.

В-четвертых, террор двух десятилетий советской власти и сталинская политика безжалостной расправы с любыми врагами «отбили охоту» бороться с режимом даже у

недовольных. Те, кто заменял репрессированных, становились более преданными режиму, так как своим возвышением были обязаны власти. Социальная инерция насилия порождала доноительство, ложь, клевету, беспринципность. Все это в совокупности лишь увеличивало преданность государству, Родине, вождю— Сталину. Когда в зоне оккупации оказалось более 20 миллионов советских людей, невероятные испытания нашего народа раскрыли глаза на истинное лицо фашизма. Даже обиженные на советскую власть становились на ее защиту. В результате «пятую колонну» внутри Советского Союза немцам создать не удалось.

Правда, в ходе войны и даже после нее на советской территории действовали отдельные бандформирования, малочисленность и разрозненность которых не позволяет причислить их к организованному движению, способному изнутри каким-либо образом свергнуть существующую власть.

По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, за первые три года войны в СССР ликвидированы 7163 повстанческие группировки, объединявшие 54 130 человек. Их распределение по Северному Кавказу было следующим: на территории Дагестана — 148 групп (3380 человек), в Кабардино-Балкарской АССР — 50 (3241 человек), в Северо-Осетинской АССР — 39 (323 человека), в Краснодарском крае — 303 (2985 человек), в Ставропольском крае — 88 (3316 человек), в Грозненской области — 185 (4368 человек).

А 23 февраля 1943 г. Берия доложил Сталину о начале операции по выселению чеченцев и ингушей. По 29 февраля были выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей. Интересная деталь. По данным НКВД СССР, численность спецпереселенцев, призванных в армию с Северного Кавказа, составляла: 8894 человека (офицеры — 710, сержанты — 1698, рядовые — 6488), из них чеченцев — 4248 человек (офицеры — 238, сержанты — 724, рядовые — 3286)!!!

На беспокойном Северном Кавказе для некоторых народностей служить в армии, видимо, не считалось престижным. Более 4000 чеченцев, служивших в Красной армии, — это более 1% всего выселяемого чеченского населения. А теперь несколько слов о троцкизме и о троцкистах-сионистах, составляющих, по мнению В.В. Карпова, ту самую «пятую колонну»... Авторитетный специалист советской разведки генерал Судоплатов утверждал: «То же самое можно сказать и о разгроме еврейского националистического подполья на территории СССР накануне войны. Сейчас все это преподносится с позиций антисемитизма. Нередко можно услышать, что в борьбе Сталина с Троцким имели место и

антисемитские мотивы. Однако это не совсем так. Шла борьба за власть, было личное соперничество, а уж потом ко всему этому добавлялись антисемитские нюансы, если они действительно имели место. По крайней мере, в 30-е годы не могло быть и речи о каких-либо антисемитских установках или настроениях в работе советского разведывательного аппарата».

Глава 2

В плену и в оккупации

...Русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражаются, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывая форменное обмундирование, и пытаются выйти из окружения под видом крестьян.

Гальдер. 29 июня 1941 г.

1. С началом войны

За 5—6 дней июня 1941 г. немецкая армия продвинулась в глубь советской территории на 150—200 км. Советские войска первого эшелона не сумели остановить противника у границы, не получилось и развертывание подходящих войск. Великая Отечественная начиналась с катастрофического поражения фронтов, с громадных потерь в людях и технике. Цифры потерь впечатляют своими масштабами. За три недели войны перестали существовать около 30 дивизий, около 70 дивизий потеряли более половины личного состава. За три недели было уничтожено около трех с половиной тысяч самолетов на земле и в воздухе, более половины складов горючего и боеприпасов. Тем не менее мощь удара вермахта была значительно ослаблена именно в первые дни, в первые недели. Немцам не удалось главное: уничтожить основные силы Красной армии. Армия сражалась до последней капли крови, до последнего патрона... 22 июня 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой. Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа). После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа».

Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан вспоминал: «В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений, вопреки моему указанию, бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

Эрих фон Манштейн, фельдмаршал: «Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен... Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как

наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат».

Нет, отнюдь не как легкая прогулка начиналась война и для немцев! Она действительно застала нас врасплох. Армия отступала сражаясь и сражаясь отступала. Тысячи, десятки тысяч солдат погибали, но еще больше бойцов и командиров попадало в плен и пропадало без вести.

В 1941 г. только Западный фронт потерял убитыми и умершими на этапах санитарной эвакуации 106 997 человек (8,24%), а пропавшими без вести и попавшими в плен — 798 465 человек (61,52%). Северо-Западный фронт — 31 511 (11,67%) — убитыми и умершими и 142 190 (52,64%) — пропавшими без вести и попавшими в плен. Юго-Западный фронт — 60 016 (7,05%) — убитыми и умершими и 607 860 (71,36%) — попавшими в плен и

пропавшими без вести. Таким образом, три фронта в 1941 г. в общей сложности потеряли убитыми и умершими 198 524 человека и 1 548 515 пропавшими без вести и попавшими в плен!

На фронт Иван Рудаков попал в 1941-м.

— Через полтора месяца «учебки» нашу минометную роту отправили на передовую, — вспоминал Иван Алексеевич. — На весь эшелон — несколько пистолетов, у старших офицеров, нам же только противогазы выдали. Так и пробирались потом по ночам безоружными. На Старосалковском направлении, неподалеку от украинской речки Малый Донец, уже шли тяжелейшие бои. Нас послали в лес искать оружие. Мне винтовка пятизарядная досталась, кому-то штык, большинству вообще ничего. На всю роту — ни одного автомата! Полгода они то наступали на Харьков, то вновь возвращались на прежние позиции. Наконец в августе 42-го пришел окончательный приказ об отступлении. Минометная рота осталась в засаде — дожидаться врага. Пока бойцы готовили свои «ячейки», фашисты уже прорвали оборону. Приказ отходить опоздал на сутки, и рота попала в окружение...

Снаряд разорвался в 10 метрах от рудаковского миномета. У него — осколок в ноге, сломана ключица. Рядом стонет друг-киргиз: голову задело по касательной. Перемотались какими-то тряпками — и давай прорываться.

— Только бежать уже было некуда: кругом фрицы. Прыгал, пока мог, на одной ноге. Под деревней Знаменкой нога так опухла, что даже наступать на нее не мог. Там-то нас немцы и взяли, — вздыхает Иван Алексеевич.

— Вы-то хотите про плен услышать, а я не мог у об этом говорить — комок к горлу подступает, — смахивая слезу, отворачивается старик. — Загнали всех в конюшню, человек 120 нас было. Насыпь мы делали на дороге, а охраняли нас латыши. Попытались бежать, да, видно, кто-то сдал — всех поймали. Каждого пятого расстреляли: не фрицы убивали — свои, украинцы. Так и стоят перед глазами их лица... Потом была пересылка в Кировограде и новый эшелон — в Германию. Лагерь в городке Кюстрин на Одере. Следующий пункт — Цейдуник, и с утра до ночи — тяжелейшая работа на кирпичном заводе. Оттуда Рудаков снова бежал. Через три недели скитаний его поймали и «вернули» в Цейдуник. К счастью, начальство в лагере уже сменилось, беглеца никто не узнал, и его не расстреляли.

Дмитрий Андреевич Тараненко попал в плен 26 мая 1942 г., под Днепропетровском.

— Когда немец прорвал линию фронта, мы держали оборону в Гусаровке. Одна винтовка на троих, гранат не было вообще. Ждали, когда убьют товарища, чтобы взять в руки хоть какое-то оружие... Нас тогда в окружение попало 75 тысяч человек, — вспоминает Дмитрий Андреевич. — Погнали пешком по всей Украине, на Умань. Первый лагерь — во Владимире-Волынском. За колючкой — 15 тысяч человек, 60—80 военнопленных каждый день подыхали от голода, каждого пятого ежедневно расстреливали... Я бы и сам умер от истощения, да молодость спасла, хотя в изолятор попал уже без памяти. За 15—60 дней пребывания в плену в первый год войны от голода и болезней в лагерях умирало до 80—90% захваченных на поле боя. Еще 10% от оставшихся в живых гибли при этапировании. «Путь на небеса» — так называли фашисты эту смерть. Пленных держали скученно, по 10—15 тысяч человек, на открытых площадках с двумя-тремя рядами колючей проволоки, без медпомощи, еды и даже воды. За несколько дней на такой территории съедалось все — от коры деревьев до червей, и она превращалась в пустыню, загаженную экскрементами. Во многих лагерях процветало людоедство.

— В нашем лагере, под Смоленском, ели друг друга, — опустив глаза, говорит другой бывший военнопленный Петр Иванович Баринов. В окружение он попал под Ржевом: там из-за неправильной команды об отступлении фактически были пленены три наши армии. — Мы

два месяца хлеба не видели, жуткая бурда казалась манной небесной. Не люди мы уже были, а так— голодное зверье. Уж потом, когда меня отправили в Германию, я узнал, как немцы относились к другим невольникам. В соседних бараках, за колючкой, сидели итальянцы и французы. Они находились под охраной Красного Креста. Им постоянно приходили посылки. Ребята они были нежадные и старались нас подкармливать...»

2. Карательная машина (советские документы)

В чрезвычайно сложной обстановке войны карательная машина военных властей очень быстро находила и расправлялась с теми, кто смалодушничал, проявил растерянность, кто дрогнул. Случаи трусости и паникерства подавлялись беспощадно. И нельзя забывать о том, что невиданный героизм и самоотверженность советских людей только лишь в совокупности с массовым террором на фронте и в тылу, сталинскими приказами № 270 (о трусах и дезертирах, сдающихся в плен) и № 227 (Ни шагу назад!), в конце концов, способствовали стабилизации обстановки уже в 1942 г. Всего в 1941—1942 гг. военными трибуналами фронтов и армий было приговорено к расстрелу «за паникерство, трусость и самовольное оставление поля боя» 157 593 человека.

В книге «Семь вождей» Д.А. Волкогонов писал: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей «упереться», призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары».

Если бы этого не было, то военнопленных было бы еще больше. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с некоторыми документами той эпохи:

Спецсообщение особого отдела НКВД 33-й армии о политико-моральном состоянии военнослужащих— уроженцев областей, временно занятых противником

24 ноября 1941 г. Совершенно секретно

НАЧАЛЬНИКУОО НКВД

ЗАПАДНОГО ФРОНТА

КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

3 РАНГА

тов. БЕЛЯНОВУ

Из материалов, поступавших в особый отдел НКВД 33 армии, установлено, что в частях и подразделениях 33 армии среди военнослужащих, являющихся уроженцами областей, временно занятых противником, проявляются нездоровые и антисоветские настроения. Отмечены случаи, когда отдельные военнослужащие этой категории высказывают упаднические и пораженческие взгляды. Так например: Красноармеец разведвзвода 774 сп 222 сд Суворов, уроженец Могилевской области БССР, 12.11.41 г. бросил пост и ушел в блиндаж, где заявил: «Почему меня не убивают, хотя бы немецкая пуля убила, чтобы на белом свете не мучиться». На вопрос, откуда у него появились такие настроения, Суворов ответил: «Что мне жить, у меня семья оккупирована». Суворов взят в... разработку.

Боец 2 батареи озад 110 сд Шувалов В.М., уроженец Гжатского района, Смоленской области, в разговоре 22.11. заявил ___: «Немец очень здорово прет, а у нас нет настоящего оружия. Лучше бы сразу сдаться в плен, все равно он победит», Шувалов взят в... разработку.

Красноармеец 774 сп 222 сд Юрченко Г.М., 1915 г. рождения, беспартийный, уроженец г. Криштовка, Могилевского района, Винницкой области, 17.11. выстрелом из винтовки совершил саморанение в левую руку. Юрченко настроен антисоветски, систематически выражает недовольство службой в Красной Армии. 14.11. в присутствии красноармейца Смирнова Юрченко заявил: «Из нас здесь в живых никто не останется. Всех нас все равно

перебьют и домой нам никому не вернуться». Юрченко арестован. Ведется следствие.

Начальник боепитания отд. сап. батальона 110 сд техник-интендант Прохоров Т.Р., 1900 г. рождения, уроженец Смоленской области, беспартийный, 7.11. в присутствии мастера Митрофанова сказал: «Наша армия воевать не может, а только отходит».

За Прохоровым установлено... наблюдение.

Зарегистрированы факты, когда среди красноармейцев своих подразделений военнослужащие — уроженцы занятых областей, распространяют провокационные слухи, восхваляя отношение немцев к пленным и населению временно оккупированной территории.

Красноармеец 300 озад 1 гмсд Нечта П.А., 1918 г. рождения, уроженец Днепропетровской области, член ВЛКСМ, 23.11. с.г. в разговоре заявил: «Я был в плену у немцев. Они очень хорошо обращаются с пленными. Хорошо кормят, там бутылка вина стоит 50 коп. Наше правительство обманывает нас, что якобы немцы издеваются над пленными. Наоборот, они всех пленных с занятой ими территории отпускают по домам».

Особдиву дано указание арестовать Нечта и привлечь к уголовной ответственности. Красноармеец 3 сп 113 сд Павлов В.П., 1921 г. рождения, уроженец г. Сычевка Смоленской области, беспартийный, 21.11 в беседе сказал: «Я бежал с родной земли, когда был в окружении и думал, что здесь лучше. В действительности наши обращаются хуже, чем немцы. Жить у немцев гораздо лучше, легче, чем у нас при Советской власти. Как получу валенки, уйду домой на родину, там я проживу, так как есть мясо, картошка и др. продукты».

Особдиву дано указание произвести... расследование и при подтверждении привлечь Павлова к уголовной ответственности.

Красноармеец 479 сп 222 сд Васильев Т.Ф., 1914 г. рождения, уроженец Бавского района Смоленской области, беспартийный, 1.3.11 говорил: «У немцев находится много наших пленных, которые работают на транспорте и по исправлению дорог. Их кормят так же хорошо, как и немецких солдат. У населения отбирают скот только в тех случаях, если он лишний».

Особдивом производится расследование.

Среди рядового состава частей уроженцами временно занятой территории распространяются клеветнические и провокационные разговоры, также отмечены факты, когда красноармейцев они призывают к сдаче в плен противнику и дезертирству. Так например: Адъютант начальника артиллерии 1 гмсд красноармеец Коваль

Ф.И., 1914 г. рождения, по национальности украинец, член ВЛКСМ, 23.11 с.г. явившись в зенитный дивизион, где он раньше служил, в разговоре с партгором этого дивизиона Куцак М.К., красноармейцем Невмывако В.И. клеветал на вождя партии и верховное командование, причем заявил: «Немцы на нашем участке вывесили объявление, в котором обещают всех, кто перейдет в плен, демобилизовать из армии и распустить по домам. Наши генералы и командиры не годятся, они не умеют воевать. Наша пехота, как пойдет в наступление, так и сдается в плен. Если наши сдадут Москву, я первый также сдамся в плен».

Особдиву дано указание арестовать Ковалья.

Красноармеец 479 сп 222 сд Ткачев И.В., 1912 г. рождения, беспартийный, уроженец с. Ивановское, Рыльского района Курской области, в конце октября месяца с.г. в разговоре заявил: «Все, что говорят об издевательствах немцев — это ложь. Это командиры и партийцы защищают свою шкуру и распространяют всякую нелепость про немцев. Они продали всю страну, а сейчас хотят одержать победу. Я еще раньше хотел уйти в плен, но решил немного подождать и сдаться в следующем месяце».

Особдивом производится расследование.

В подразделениях [и] частях 33 армии установлены неоднократные случаи дезертирства красноармейцев [из числа] уроженцев временно оккупированной территории.

Например, за ноябрь, по неполным данным, дезертировали:

- 1) красноармеец 1 сп 113 сд Датских С.М., уроженец Львовской области;
- 2) красноармеец дивизиона РС 1 гмсд Махнориллов И.М., уроженец Сумской области;
- 3) красноармеец 1287 сп 110 сд Мищенко К.Н., уроженец Западной области;
- 4) красноармеец 457 сп 222 сд Новожилов С.П., уроженец Можайского р-на Московской области;
- 5) красноармеец 774 сп 222 сд Гусаров А.В., уроженец Смоленской области;
- 6) красноармеец 774 сп 222 сд Подобед И.Н., уроженец Могилевской области;
- 7) красноармеец 774 сп 222 сд Шалабин А.М., уроженец Могилевской области.

По всем случаям дезертирства объявлен розыск.

По существу изложенных в спец. сообщении фактов мною проинформирован Военный совет 33-й армии.

НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 33 АРМИИ

КАПИТАНГОСБЕЗОПАСНОСТИ

КАМБУРГ

Сообщение УНКВД Московской области

о настроениях призывников

2 декабря 1941 г Сов. секретно

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО

КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ

БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА

тов. АБАКУМОВУ

В обработанной корреспонденции призывников, направляющихся по шоссе Энтузиастов для формирования, отмечены следующие факты отрицательных настроений:

Гор. Москва,... Червяковой Л.В. «... Иду по той самой дороге, по которой шли разные люди: идеалисты всех мастей, декабристы, революционеры всех направлений,

политические шарлатаны, разные уголовники— каторжане и много всяких русских людей— с Запада на Восток, в далекую, глухую, как русская душа, бескрайнюю Сибирь. Я не помню из биографии С... и М... шли ли они по этой дороге и каковы были условия их пешего хождения, но мне думается, что их ссылка была немного легче, чем

наше геройское путешествие в борьбе за их славу. С... в последней речи сказал, что тыл в последнее время стал крепче, чем был раньше. Пусть утешается! Если бы он прошел бы по этому тылу, также как я, он сказал бы другое». («К» 10.XI.41 г. 65-й км, шоссе Энтузиастов— Величко П.Д.).

Гор. Ош, Киргизской ССР,... Величко А.М.

«...Мне приходится наблюдать жуткие картины, и когда? На 24 г. хвастливой революции. Но я с ужасом думаю о том, что меня ждет впереди. А ходят слухи, что в Горьком, куда было согнано большое количество мобилизованных (пушечного мяса), распространились эпидемии, включая и тиф...

...Предстоит гибель неисчислимых резервов пушечного мяса, задолго еще до гибели на фронте, или в плену. Началась величайшая трагедия, уже 3-я по счету в этом веке— гибели и физического истребления русского народа в угоду торжества сомнительных идей, в защиту интересов кого угодно, но только не в интересах русского народа...

...Россия тронулась и поползла, испуская матюки по всем адресам! Будет буря! □. (□К □. 105-й километр, шоссе Москва—Горький —Величко П.Д.)

Москва,... Орлову А.Г.

□..Насчет харчей очень плохо, хлеб на руках стоит 30 руб. за кг., но нам дают только по четыре сухаря в день. Гонят народу очень много и пошла болезнь тиф. Народу много, но ничего не дают и так все бегут обратно... □. (□К □. Дер. Липна Петушинского р-на (проходом)).

Москва, Западная ж.д., ст. Голицино,... Пискареву Т.А.

□..Над народом мытарятся как над собакой. До Владимира 75 км и идти пешком, и дают на этот переход три сухаря, одну воблу и два кон-центрага: суп и кашу и все... □. (□К □. Гор. Покров Московской области.)

Москва, 105, Верхние Котлы, поселок ЗИС,... Филатову А.М.

□..Гонят по несколько сот километров пешком. Говорят, из Муромы бегут обратно, что там сидят все голодные и вшивые, вот от Москвы до гор. Владимира примерно 200 км и нам дали только на эти километры 700 гр. черного хлеба и 3 сухаря, 20 гр. сахара и 2 шт.

воблы □. (□К □. 18.XI.41 г. Петушки, Московской области.)

Москва, 33,... Симаковой Е.С.

□..Идем селами и лесом. Гонят нас как скотину... Застала нас зима, холод и голод и болезнь тиф брюшной и сыпной □. (□К □. 19.XI.41 г.

Петушки Московской области.)

Гор. Ногинск, МО, п/о ст. Купавна,... Лепашкиной З.П.

□..Я нахожусь 2 дня в Петушках потому, что хлеба не дают, а дают деньгами. Но на деньги купить нечего потому, что коробочка спичек стоит очень дорого. В деревнях, через которые идем, хлеба тоже нет. Нас встречают очень плохо. Случалось, что даже милиционера приводили для того, чтобы пустили нас переночевать □. □К □. МО, Петушки.

Москва,... Маркину Ф.М.

□..До Ногинска шли пешком, идти очень трудно с вещами. Не знаю, что будет дальше. Питаемся своими продуктами. Командиры сухих пайков не дают, настроение плохое из-за того, что идти очень много по направлению к гор. Горькому... □. (□К □. Г. Ногинск, МО (фамилия неизвестна.)

Москва...

□..Взяли направление на шоссе Энтузиастов. Шли без остановок, километров за 16 от Москвы выяснилось, что мы идем по Рязанскому шоссе. Началась неразбериха: часть повернула обратно на Москву, другие направились в Кусково, третьи стояли среди дороги и, пользуясь темнотой, ругали командиров во всю глотку.. □. (□К □,

21.X.41 г. Ногинск МО, от Кирилла.)

Москва,... Рябушкину Павлу.

□..Дорогие _____ родные, мы сейчас пока в гор. Ногинске. Идти дорогой очень плохо, кормить не кормят. Все измучены. Все время идем пешком до самого Горького, это как мы переносим просто невыносимо сказать. Это просто измываются над добрыми людьми, как над собаками. Но мы не знаем, как мы перенесем, без фронта умрешь, не только на фронте... □. (□К □, 22.X.41 г. По штампу г. Ногинск, МО —

Рябушкин.)

Москва,... Кулаковой К.В.

□..Мне очень трудно, идем пешком, продуктов у меня ничего не осталось, совсем голодный... В Москве говорил начальник, что □продуктов не нужно, будете обеспечены, все будет □. Вот идем уже 8 дней, ничего нет... Ночуем в деревнях, если дадут что-нибудь: картошки и то спасибо, не дадут— идем голодные. Хлеба дают одну буханку на 5 человек, что это за хлеб?.. В городе Е. мы пообедали хорошо за свои деньги... Еще дают кашу сухую 70 гр. на два дня, прямо заключенные, гоняткак баранов... □. (□К □. КоробовоМосковской области— Кулаков.)__

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД МО

МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЫНЬКО

С 15 по 30 декабря 1941 г. в Москве в ходе мероприятий по проверке документов в жилом секторе, в которых принимало участие 2.279 комендантского надзора и милиции, было задержано:

- а) дезертиров, бежавших с поля боя или умышленно отставших от своих частей— 580 человек;
- б) отставших от своих частей — 1716 человек;
- в) уклонившихся от воинской службы — 946 человек;
- г) лиц без определенных занятий и уголовного элемента —531 человек.

Отчет коменданта гарнизона г. Москвы

о работе военной комендатуры

30 апреля 1942 г. Сов. секретно

№ 841 СС

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗАССР

ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ

ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Товарищу Б Е Р И Я

Выполняя Постановление Государственного Комитета Оборона от 19 октября 1941 г. по охране строжайшего порядка в городе Москве в прилегающих районах, работниками комендатур, комендантскими патрулями и сотрудниками милиции за период с 20 октября 1941 г. по 1 мая 1942 г. задержано 531 401 человек, из них:

1. За воинские преступления и нарушения — 183 519 человек.

При проверке и фильтрации из данной категории задержанных выявлено:

а) дезертиров — 9406 человек;

б) уклонившихся от воинской службы — 21 346 человек. Остальные оказались отставшими от проходивших через город частей без увольнительных записок, нарушителями приказов НКЮ и уставов Красной Армии.

2. За контрреволюционную деятельность задержано 4881 человек, из них:

а) шпионов — 69 человек;

б) диверсантов — 8 человек;

в) распространителей провокационных к/р слухов — 885 человек;

г) расхитителей социалистической собственности — 3919 человек.

Задержанные шпионы и диверсанты в подавляющем большинстве являются военнослужащими, бывшими в плену у противника, завербованные немецкой разведкой и переброшенные для работы в нашем тылу и войсковых частях.

3. За нарушение установленного, в связи с осадным положением, порядка и уголовные преступления — 252 982 человека, из них:

а) за нарушение правил светомаскировки — 28 591 человек;

б) без документов — 33 112 человека;

в) за нарушение паспортного закона — 62 907 человек;

г) за убийства — 78 человека;

д) за кражи — 5763 человека;

е) за спекуляцию — 2204 человека;

ж) за нарушение общественного порядка — 73 915 человек.

Из общего количества задержанных расстреляно на месте 13 человек,

осуждено военными трибуналами к ВМН — 936 человек, на разные сроки — 48 472 человека (подробные данные см. в приложении), подвергнуто административным взысканиям (штрафам) в отделениях милиции — 118 563 человека, взята подписка о выезде из Москвы у 120 598 человек.

98 018 человек военнослужащих направлено через Московский военно-пересыльный пункт в маршевые роты.

За истекшие семь месяцев комендатурой и райотделениями милиции изъято оружия:

а) огнестрельного: у военнослужащих — 11 677 единиц, у гражданских лиц — 2048 единиц. Всего — 13 725 единиц;

б) холодного: у военнослужащих — 129 единиц, у гражданских лиц — 496 единиц. Всего — 625 единиц.

В связи с изменившейся обстановкой на фронтах и все более крепнущим порядком в городе за последние месяцы уменьшается количество задержаний по основным видам преступлений и правонарушений (см. сравнительные данные). Это дало возможность, на основании Вашего распоряжения, с 25-го марта сего г. снять воинские патрули на дневное время, усилив действенность милицейских постов и нарядов.

В настоящее время принимаются меры по усилению охраны общественного порядка в пригородных районах, особенно в ночное время, по проведению систематических проверок всего жилого сектора и по борьбе с фактами несоблюдения военнослужащими на улицах города приказов народного комиссара обороны и уставов Красной Армии...

3. Советские военнопленные (немецкие документы)

Судьба советских военнопленных в годы войны была трагической. Подвергаясь бесчеловечному обращению, они тысячами умирали от голода и физического истощения.

Подготовка же к этим массовым убийствам советских солдат и офицеров началась практически параллельно с подготовкой к военной кампании на Востоке. А с началом боевых действий и оккупацией советских территорий система истребления советских людей лишь совершенствовалась.

1 июня 1941 г. в Берлине был подписан документ (секретное дело командования), озаглавленный как «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращение с русскими». Давайте ознакомимся с несколькими из них.

«1. Для вас, работников, посланных на Восток, главное заключается в том, что работа является решающим фактором. Поэтому я требую от вас упорной и неустанной работы...

8. Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал «склонность к философствованию». Меньше слов и дебатов. Главное — действовать. Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женствен-

нен и сентиментален. «Наша страна велика и прекрасна, а порядка в ней нет, приходите и владейте нами». Это изречение появилось уже в самом начале образования русского государства, когда русские звали норманнов приходить и управлять ими. Эта установка красной нитью проходит через все периоды истории русского государства: господство монголов, господство поляков и литовцев, самодержавие царей и господство немцев, вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда хотят быть массой, которой управляют. Так они воспримут и приход немцев, ибо этот приход отвечает их желанию: «...приходите и владейте нами». Поэтому у русских не должно создаваться такое впечатление, будто вы колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без всяких дебатов, без долгих бесплодных разговоров и без философствования устанавливают и проводят необходимые мероприятия. Тогда русский охотно подчинится вам. Не применяйте здесь никаких немецких масштабов и не вводите немецких обычаев, забудьте все немецкое, кроме самой Германии.

Не будьте мягки и сентиментальны. Если вы вместе с русским поплачете, он будет счастлив, ибо после этого он сможет презирать вас. Будучи по натуре женственными, русские хотят также и в мужественном отыскать порок, чтобы иметь возможность презирать мужественное, поэтому будьте всегда мужественны, сохраняйте вашу нордическую стойкость.

Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля должна быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне. Не устраивайте никаких попок с русскими. Не вступайте ни в какие связи с женщинами и девушками подчиненных вам предприятий. Если вы опуститесь до их уровня, то потеряете свой авторитет в глазах русских. Исходя из своего многовекового опыта, русский видит в немце высшее существо, заботьтесь о том, чтобы сохранить этот авторитет немца. Поднимайте его своими спокойными, деловыми приказами, твердыми решениями, высмеиванием дебатующих и невежд.

Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция обманывает, она ни на что неспособна, однако обладает особым обаянием и искусством влиять на характер немца. Этим свойством обладает и русский мужчина, и еще в большей степени женщина.

9. Не заражайтесь коммунистическим духом. Русская молодежь на протяжении двух десятилетий воспитывалась в коммунистическом духе. Ей незнакомо иное воспитание. Поэтому было бы бессмысленно наказывать за прошлое. Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует или не выполняет этих задач.

Проверка и расследование прошлого и разбор ходатайств отнимает у вас время, необходимое для выполнения ваших немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача.

Россия всегда была страной подкупов, доносов и византизма. Эта опасность может проникнуть к вам, особенно через эмигрантов, переводчиков и т.д. Русские, занимающие руководящие посты, а также руководители предприятий, старшие рабочие и надсмотрщики проявляют всегда склонность к подкупам и вымогательству взяток у своих подчиненных. Пресекайте взяточничество, будьте сами всегда неподкупны и корректны.

10. Мы не несем русским никакой новой религии. По своей натуре русский религиозен и суеверен, с этим вы должны считаться. Однако разрешение религиозных вопросов не входит в круг ваших задач.

11. В течение столетий испытывает русский человек нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему. Не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособивая его к немецкому жизненному стандарту...

Несмотря на то что лагеря военнопленных были поставлены под контроль военных, гестапо все же удалось проникнуть и в эту сферу деятельности. При этом Верховное командование не только не сопротивлялось такому вмешательству, но и активно сотрудничало с ведомством Гимmlера. В начале июля 1941 г. было проведено совещание с участием начальника административной службы при Верховном командовании вермахта генерала Рейнеке, представителя службы, занятой военнопленными, Бройера, представителя Канариса Лахузена, представителя РСХА, шефа гестапо Мюллера. Решения этой встречи были изложены в документе, опубликованном 8 сентября 1941 г. В нем говорилось: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его

распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение, как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собою и советскими военнопленными. Обращение должно быть холодным, хотя и корректным. Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для окарауливания советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих... По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности X/ДФ 38/11, стр. 13, и т.д., в связи с этим отменяются. С другой стороны, запрещается всякий произвол. С военнопленным,

желающим работать и проявляющим послушание, следует обращаться корректно. Вместе с тем никогда не следует упускать из виду необходимости осторожности и недоверия к военнопленному. Применение оружия по отношению к советским военнопленным, как правило, считается правомерным...

Следует сделать невозможным всякое общение между командным и рядовым составом, даже при помощи знаков. Командирам следует организовать из подходящих для этой цели советских военнопленных лагерную полицию как в лагерях военнопленных, так и в больших рабочих командах, с задачей поддержания порядка и дисциплины. Для успешного выполнения своих задач лагерная полиция внутри проволочной ограды должна быть вооружена палками, кнутами и т.п., применять эти орудия избиения немецким солдатам безоговорочно запрещается. Следует создать в лагере исполнительный орган из самих военнопленных, члены которого снабжаются лучшим питанием, с которыми лучше обращаются и предоставляют лучшее размещение, чем будет значительно облегчена деятельность немецких караульных команд.

II. ОБРАЩЕНИЕ С ЛИЦАМИ ОТДЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

В соответствии с ранее изданными приказами в тылу (в генерал-губернаторстве и в 1-м военном округе) точно так же, как в лагерях империи, уже произошло разделение военнопленных по признаку их национальной принадлежности. При этом имеются в виду следующие национальности: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, румыны, финны, грузины. В тех случаях, когда это разделение из особых соображений еще не было произведено, нужно его при первой возможности производить. Это особенно относится к новым военнопленным, попадающим в военные округа.

Лица следующих национальностей должны быть отпущены на Родину: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, литовцы, румыны, финны.

О порядке роспуска этих военнопленных последуют особые приказы.

В тех случаях, когда есть основания предполагать, что отдельные лица этих национальностей в соответствии с их убеждениями могут оказаться опасными для Германии и для национал-социализма, их следует исключить из ряда отпускаемых военнопленных и с ними следует поступать в соответствии с изложенным в разделе III.

III. ВЫДЕЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ВЗЯТЫХ В ПЛЕН ВО ВРЕМЯ ПОХОДА НА ВОСТОК

(...)

2. Пути к достижению цели

А. Помимо разделения в лагерях военнопленных по национальному признаку (см. раздел II) военнопленные (в том числе и националы), а также находящиеся в лагерях гражданские лица должны быть разделены следующим образом: а) политически нежелательные, б) политически безопасные, в) заслуживающие особого политического доверия (которых можно использовать для восстановления оккупированных областей). (...)

IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВЕТСКИХ

ВОЕННОПЛЕННЫХ НА РАБОТЕ

1. Общие вопросы

Советские военнопленные могут быть поставлены на работу только в составе закрытых колонн, строжайшим образом изолированно от гражданских лиц и от военнопленных других национальностей (использование колоннами). Речь может идти только о таких предприятиях, где военнопленные могли бы работать под постоянной охраной караульных команд. Изоляция от гражданских лиц и военнопленных других национальностей должна иметь место не только в общежитиях, но и на местах работы. Следует при этом считаться с тем, что присутствие третьих лиц не должно помешать караульным командам в немедленном применении оружия...»

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма: «Задачей командиров ЗИПО иСД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая «обработка»:

а) всех политически преступных элементов, находящихся среди них;

б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий...

Далее эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должны продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены».

15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнике 8 сентября 1941 г. Он заявил: «Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену является

не мстью, не наказанием, а исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей

или наносить им вред противоречит военной традиции...»

НачальникштабаВерховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель на этом меморандуме начертал: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

Берлин, 10 июля 1941 г[ода]

Канцелярия Розенберга.

Пост[ановление от]

14 июля 1941 г[ода] № 170

О т ч е т

О лагере для военнопленных в Минске

В лагере [для] военнопленных в Минске располагаются приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных. Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят.

Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат, по количеству составляющих роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы. Военнопленным, проблема питания которых с трудом разрешена, живущим по 6—7 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом,— достать что-либо съедобное.

Гражданские заключенные в возрасте от 15 [до] 50 лет происходят из Минска и его окрестностей. Эти заключенные питаются, поскольку они из Минска, благодаря своим родственникам. Питанием обеспечены, конечно, только те, у которых есть родственники, тянущиеся длинными рядами с утра до вечера к лагерю [для] пленных. Ночью голодные пленные нападают на тех, кому приносят передачу, чтобы силой добыть себе кусок хлеба.

Единственным доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое применяется беспощадно.

В 1945 г. контрразведкой «Смерш» был арестован генерал-лейтенант Курт фон Остеррайх, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа. Командир 207-й пехотной дивизии во Франции Курт Остеррайх 1 февраля 1941 г. был назначен на новую должность, а в марте 1941-го его вызвали в Берлин, в ставку верховного главнокомандования на секретное совещание. Начальник управления по делам военнопленных при ставке генерал-лейтенант Райнеке под большим секретом сообщил присутствующим начальникам отделов по делам военнопленных всех округов и офицерам ставки о том, что ориентировочно в начале лета 1941 г. Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте. В частности, бывший немецкий генерал дал достаточно подробные показания об обращении с советскими военнопленными: «Я лично получил от генерала Райнеке задание подготовить на территории Данцигского военного округа лагерь на 50 тыс. русских военнопленных. В связи с ограниченным сроком генерал Райнеке приказал быстро провести все мероприятия по организации лагерей. При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагерь с крытыми бараками, то устраивать лагерь для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой. Далее Райнеке дал нам инструкцию об обращении с русскими военнопленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег. Спустя примерно 8—10 дней после возвращения с указанного совещания в Данциг я получил совершенно секретный приказ ставки, подписанный генерал-лейтенантом Райнеке, в котором говорилось,

что мне в соответствии с указаниями, данными на совещании в Берлине, надлежит организовать на территории Данцигского военного округа лагерь для военнопленных, присвоив ему номер 312-А. В соответствии с этим приказом мною в гор. Торн на военном учебном плацу был организован стационарный лагерь под открытым небом, огороженный колючей проволокой. Для сооружения этого лагеря я использовал английских военнопленных, содержащихся в подчиненных мне шталагах XX-Б. Одновременно мною был подобран штат лагерной администрации.

Через некоторое время после получения упомянутого выше приказа я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Райнеке о

расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к побегу. Кто подписал это распоряжение, я не помню. В июне 1941 г. через два дня после вторжения Германии на территорию Советского Союза я получил еще один приказ ставки верховного германского командования, подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Райнеке.

В этом документе, так называемом «комиссарен-эрлас», именем фюрера немецким воинским частям, находившимся в походе, и администрации лагерей для военнопленных приказывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной армии, коммунистов и евреев. В последующих приказах ставки говорилось о том, что трупы расстрелянных указанных категорий военнопленных следует закапывать массами в ямах, а при возможности сжигать, снимая при этом с них опознавательные медальоны.

Полученные мною приказы ставки я передал для исполнения подчиненным мне комендантам шталагов ХХ-Б майору Зеегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнигу. Подполковник Дульниг, выполняя этот приказ, сразу же расстрелял свыше 300 человек военнопленных— политических работников Красной армии, коммунистов и евреев. Трупы расстрелянных были зарыты в массовых могилах на кладбище в районе расположения лагеря ХХ-С.

Выявленных среди военнопленных политработников Красной армии, коммунистов и евреев в соответствии с указанием ставки верховного германского командования коменданты лагерей передавали в зондер-команды СД, где их расстреливали.

Так... комендантом шталагов Данцигского военного округа было передано зондер-команде СД для расстрела около 1200 человек советских военнопленных.

В конце 1941 г. или начале 1942 г. я опять был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах. Совещанием руководил новый начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майор фон Гревенитц. На совещании обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах. По предложению Гревенитца, по этому вопросу высказалось несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте— лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей.

Возвратившись в Данциг, я через Зеегера, Больмана и Дульника проводил эти указания в жизнь, причем я предупредил их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей.

Летом 1942 г. я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы «Б». Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется. В октябре 1942 г. во время посещения ДУЛАГа в районе Чира комендант лагеря доложил мне, что в течение только одной недели им было умерщвлено при помощи яда 30—40 истощенных и больных советских военнопленных.

В других лагерях неспособных к труду русских военнопленных просто расстреливали. Так, например, во время посещения летом 1942 г. ДУЛАГа № 125 в гор. Миллерово комендант лагеря на мой вопрос о том, как он поступает с нетрудоспособными русскими военнопленными, доложил, что в течение последних 8 дней им было расстреляно по указанным выше мотивам около 400 русских военнопленных. Находясь на Украине, я

получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 г. должно производиться клеймение русских военнопленных определенными знаками.

Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и заболеваний. Так, в шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 40 тыс. человек, а в подчиненных мне шталагах на Украине 6—9 тыс. русских военнопленных, трупы которых зарывались массами или одиночками в ямах в районах

расположения лагерей.

Особенно велика была смертность военнопленных, взятых на работу из лагеря в районе гор. Острогжска. Из этих военнопленных вследствие содержания их в окопах и ямах (октябрь, 1942), истощения и развития тяжелых желудочных и инфекционных заболеваний ежедневно умирали десятки и сотни людей. Аналогичное положение русских военнопленных имело место и при этапировании их. Многие поступавшие ко мне военнопленные были в тяжелом физическом состоянии, обессилены и неработоспособны, в рваном обмундировании и без обуви вследствие того, что военнослужащие германской армии отбирали у военнопленных сапоги, обмундирование, белье и другие вещи.

Пленных привозили в крытых или открытых товарных вагонах, где им приходилось и оправляться. Десятки дней они не могли умываться из-за отсутствия воды, получали голодную норму пищи.

В начале 1942 г. при следовании эшелона с русскими военнопленными с Украины в гор. Торн умерло приблизительно 75 человек, трупы которых не убирались и лежали в вагоне вместе с живыми людьми. В этих вагонах стоял зловонный трупный запах. Около 100 человек военнопленных, не выдержавших такого положения и пытавшихся

бежать, были расстреляны.

За время моей деятельности в Данцигском военном округе ко мне поступило 12—13 эшелонов по 1000—1500 русских военнопленных в каждом. В этих эшелонах по пути следования умирало приблизительно 50—100 человек русских военнопленных. В октябре 1942 г. в Харьков прибыл эшелон с русскими военнопленными. В Харькове выяснилось, что в этом эшелоне из 1500 человек недостает около 150. При выяснении оказалось, что 75 человек умерло в пути следования от голода, а их трупы находились неубранными в вагонах. Остальные 75 человек пытались бежать, но были схвачены охраной и расстреляны на месте.

Не лучше обстояло дело и в лазаретах для русских военнопленных. При посещении Харьковского лазарета для русских военнопленных я видел, что тяжелобольные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200—300 человек...»

Следующий документ касается непосредственно обращения с военнопленными. Такое обращение периодически менялось, и далеко не в лучшую сторону. Затянувшаяся война на Востоке требовала огромных жертвоприношений. Судя по фактам, с каждым месяцем вопрос усиленного использования советских военнопленных имел особо важное значение для гитлеровской Германии.

ОКВ номенк[атура] № 24

73[-го] Управл[ения] общих дел

Гл[авного] штаба воор[уженных] сил

(общий отдел по делам военнопленных) — 1-а

Берлин, Шенберг

24.3.[19] 42[года]

Баденштрассе, 51.

Секретно

№ 389/42

Необходимость усиленного использования советских военнопленных в работах требует нового урегулирования вопроса об обращении с ними. В связи с отменой распоряжения об обращении с советскими военнопленными в дальнейшем действует следующее:

а) обращение с военнопленными вообще

Большевизм— смертельный враг нац[ионал] -соц[иалистической]

Германии. Советского солдата следует рассматривать как носителя большевизма. Поэтому в соответствии с политической необходимостью, значимостью и достоинством германской армии каждый немецкий солдат должен держаться на большом расстоянии от советских военнопленных.

Чувство гордости и превосходства германского солдата, который призван патрулировать советских военнопленных, должно быть очевидным в любое время также и для общества. Рекомендуется беспощадное и энергичное вмешательство при непослушании, уклонении от работ и небрежности в работе, а особенно по отношению к подстрекателям-большевикам. Отказ или активное сопротивление следует устранять немедленно с применением оружия (штыком, прикладом, огнестрельным оружием, но не палкой).

Кто при выполнении этого приказа не пользуется оружием или пользуется им недостаточно, тот должен быть наказан. Использование на работах и производительность труда советских военнопленных должны находиться под строжайшим контролем.

Всякое уклонение от работы следует строго наказывать. Низкая или средняя производительность труда, не вызванная слабостью конституции, переутомлением и т.п., должны немедленно повлечь за собой соответствующие карательные меры.

Запрещается привлечение священников, не военнопленных. Запрещается распространение религиозной литературы. В лагерях военнопленных в отношении изоляции советских военнопленных и гражданских лиц, за исключением разделения по национальным признакам, действуют по п[ункту] IV нижеприведенные правила.

Изолировать надлежит: а) политически неблагонадежных, б) офицеров, в) политически неопасных, г) политически особо благонадежных, которые могут быть использованы на восстановлении оккупированных областей.

Насколько возможно, согласно п[ункту] 9, первое разделение проводится самими органами лагеря, рейхс-фюрер СС предоставляет в распоряжение оперативные команды полиции и службы безопасности для изоляции советских военнопленных в зависимости от их политических установок.

Они непосредственно подчиняются начальнику полиция безопасности СД и специально обучаются согласно своим особым задачам. Они проводят свои мероприятия до использования советских военнопленных на работах в рамках лагерного порядка по установкам, полученным от начальника полиции безопасности и СД.

Ходатайство о выдаче советских военнопленных возбуждает оперативная команда в стационарном лагере.

Офицеры подлежат изоляции не всегда, но часто, как политически нежелательные. Если советский военнопленный совершает в лагере убийство другого военнопленного, наносит смертельный удар или совершает какое-либо другое преступление, не предусмотренное германским уголовным кодексом, которое, однако, требует более строго наказания (например, людоедство, отсутствие работоспособности, как следствие членовредительства), то преступника передают в распоряжение тайной государственной полиции (гестапо).

При других наказуемых действиях советских военнопленных, например, при бегстве, комендант лагеря должен передать преступника тайной государственной полиции, если он не уверен в воспитательных мерах или законном наказании после переговоров с судом соответствующего военного округа с целью сохранения дисциплины в лагере.

При выдаче военнопленных тайной государственной полиции, их следует отчислить из числа военнопленных и доложить о выдаче в справочный стол вооруженных сил, поскольку последует соответствующая регистрация.

Мероприятия в случаях бегства и при наказуемых действиях

По убегающим советским военнопленным следует стрелять немедленно без предварительного предупреждения. Об этом следует вывесить объявление и поставить их в известность при перекличке. Предупредительных выстрелов не давать. Если патруль убивает советского военнопленного, то для соблюдения дисциплины и предотвращения неоправданной стрельбы в каждом отдельном случае следует коротко доложить командиру военнопленных об обстоятельствах дела и указать:

а) что явилось поводом, б) оказалось ли необходимым вмешательство, в) будет ли представлен письменный отчет о происшедшем.

Гражданские лица, а также военнопленные других национальностей награждаются за привод бежавших советских военнопленных.

Нач[альник] верх[овного] ком[андования]
вооруж[енных] сил.

По поручению подп[исал] Рейнеке
(Подпись).

8 октября 1941 г. верховное командование сухопутных сил подготовило документ о норме питания советских военнопленных, если это вообще можно назвать нормой.

Снабжение по приказу от 8.X.1941 г.

При использовании на работах (в лагере для военнопленных и вне его) в рабочей команде, включая сельское хозяйство.

На 28 дней Проз. по сравн[ению]

с нормой для несовет-

[ских] пленных

Хлеба 9 кг 100

Мяса 800 г 50

Жиры 250 г 50

(в среднем)

Сахар 900 г 100

В лагерях военнопленных, но на менее значительных работах:

Хлеба 6 кг 66

Мяса - 0

Жиры 440 г 42

Сахар 600 г 66

П р и м е ч а н и е. Если снижается норма для несоветских военнопленных, то соответственно снижается норма и для советских военнопленных. Для восстановления работоспособности. Если состояние питания в лагерях военнопленных, поступивших

в лагеря в районе оперативных действий, требует, по мнению лазаретного врача, для восстановления работоспособности и предотвращения эпидемий, добавочного питания, то каждому выдается на 6 недель:

до 50 г.— трески в неделю

[до] 100 г.— искус[ственного] меда в неделю

[до] 3500 г.— картофеля.

В середине января 1943 г. наши войска захватили у села Алексеевка под Сталинградом пересыльный лагерь военнопленных «ДУЛАГ —205».

По факту обнаружения тысяч трупов военнопленных красноармейцев и командиров, умерших от истощения и холода, Главное управление «Смерш» произвело расследование.

Так, бывший офицер контрразведки (абвер-офицер) при лагере «ДУЛАГ— 205», капитан, 1891 г. рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне, из семьи чиновника, член национал-социалистической партии с 1933 г., Лянгхельд Вильгельм на допросе 1 сентября 1943 г. показал: «Немецкое командование рассматривало русских военнопленных, как

рабочий скот, необходимый для выполнения различных работ. Русских военнопленных, содержащихся в Алексеевском лагере «ДУЛАГ— 205», как и в других немецких лагерях военнопленных, кормили впроголодь лишь для того, чтобы они могли на нас работать.

...В Германской армии по отношению к русским существовало убеждение, являющееся для нас законом: «Русские— неполноценный народ, варвары, у которых нет никакой культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России...» Мы знали также, что русских людей много и их необходимо уничтожить как можно больше, с тем чтобы предотвратить возможность проявления какого-либо сопротивления после установления нового порядка в России.

...Этим объясняется, что в Алексеевском лагере, рассчитанном на 1200 человек, было заключено до 4000 советских военнопленных, размещенных в невероятной тесноте и в жутких антисанитарных условиях».

С 5 декабря 1942 г. смертность среди военнопленных от голода достигла 50—60 человек в день, и к моменту освобождения лагеря советскими войсками погибло около 3000 человек.

Далее Лянгхельд показал: «Обыкновенно я избивал военнопленных палками диаметром 4—5 см, но это было не только в Алексеевке. Я работал в других лагерях военнопленных: в Дарнице близ Киева, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и в Россоши. Во всех этих лагерях практиковалось избиение военнопленных...

...В Полтавском лагере германские солдаты из числа охраны стреляли из мелкокалиберных винтовок в военнопленных за то, что они мочились не в том месте, где это было предусмотрено».

А вот показания военнопленного из лагеря у села Алексеевка А.А. Алексеева: «...В лагере

была большая смертность, причиной этому было следующее: военнопленным за все время моего пребывания в лагере вовсе не выдавалось хлеба, воды... Вместо воды выгребали грязный окровавленный снег в зоне лагеря, после чего были массовые заболевания военнопленных. Медицинская помощь отсутствовала. Я лично имел 4 раны и не смотря на мои неоднократные просьбы— помощь оказана не была, раны гноились...

Спали на земле в грязи, от холода согреться абсолютно не было места. Валенки и теплую одежду у военнопленных отбирали, взамен давали рваную обувь и одежду, снятую с убитых и умерших. Многие из военнопленных, не перенеся ужасов обстановки лагеря, сошли с ума. Умирало в день по 150 человек, а в первых числах января 1942 г. в один день умерло 216 человек, о чем я узнал от работников санчасти лагеря.

Немецкое командование лагеря травило военнопленных собаками-овчарками. Собаки сбивали с ног ослабевших военнопленных и таскали их по снегу, а немцы стояли и над ними смеялись. В лагере практиковались публичные расстрелы военнопленных...»

4. Статистика

К сожалению, точных данных о советских военнопленных нет.

И на сегодняшний день имеется несколько вариантов приблизительных цифр.

Например, по данным Управления уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации — в 1941 г. их было 2 млн (49%); в 1942 г. — 1 млн 339 тыс. (33%); в 1943 г. — 487 тыс. (12%); в 1944 г. — 203 тыс. (5%); в 1945 г.—40,6 тыс. (1%), а кроме того, свыше 900 тыс. бойцов и командиров Красной армии в 1941—1942 гг. оказались в окружении. Следовательно общая цифра военнопленных составляет 4 408 600, а с окруженцами — 5 308 600. По данным Генерального штаба Вооруженных сил Российской

Федерации, 4 559 000 человек пропало без вести и попало в плен. В эту цифру вошли:

3 396 400— пропавших без вести и попавших в плен по донесениям войск и данным органов репатриации.

1 162 600 составляют неучтенные потери первых месяцев войны: погибло, пропало без вести в боевых операциях, когда донесений от фронтов и армий не поступало.

(Из числа потерь было исключено 2 775 700:

939 700— призвано на освобожденной территории и направлено в войска из числа военнослужащих, ранее признанных пропавшими без вести.

1 836 000— вернулось из плена по окончании войны (по данным органов репатриации.)

Только офицеров пропавших без вести и попавших в плен в годы Великой отечественной войны, насчитывается 392 085 (38,32%).

Из них в сухопутных войсках — 366 043 офицеров (в том числе в пехоте 180 327), в Военно-воздушных силах — 20 684 офицера и в Военно-морском флоте— 5358. Немецкие документы, содержащие сведения о числе советских военнопленных до начала 1942 г., практически отсутствуют. Дело в том, что в 1941 г. вся отчетная документация с Восточного фронта поступала неполной и неточной. Только 1 января 1942 г. было отдано распоряжение о представлении достоверных сведений, касающихся советских военнопленных. За состояние лагерей, содержание и использование военнопленных отвечали Верховное главнокомандование (ОКВ) и главное командование сухопутных сил (ОКХ). На территории рейха за эти вопросы отвечал отдел по делам военнопленных главного штаба вермахта, а на территории оккупированных областей Советского Союза— отдел военной администрации начальника тыла сухопутных сил. С начала кампании на Востоке Главный штаб вермахта (ОКВ) не проявлял никакого интереса к статистическим данным о числе советских военнопленных. Организационное указание отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941

г. не относило такие сведения к категории обязательных.

Только 2 июля 1941 г. этот порядок изменили, но касался он учета пленных, находившихся на территории рейха. Когда в конце июля 1941 г. на сборных пунктах и в пересыльных лагерях, расположенных в зоне ответственности сухопутных

сил, скопилось большое число военнопленных, был издан приказ генерал-квартирмейстера от 25.07.41 г. № 11/4590 об освобождении советских военнопленных ряда национальностей (немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а затем и белорусов). Но уже распоряжением ОКВ от 13.11.41 г. № 3900 действие этого приказа было приостановлено.

Всего в этот период было освобождено 318 770 чел., из них в зоне ОКХ — 292 702 чел., в зоне ОКВ — 26 068 чел. В общем числе освобожденных находилось 277 761 чел. украинцев.

В 1942—1944 гг. из плена освобождались в основном лица, которые вступали в добровольческие охранные и другие формирования, в полицию. До 1 мая 1944 г. всего было освобождено 823 230 военнопленных, из них в зоне ОКХ — 535 523 чел., а в зоне ОКВ — 287 707 чел.

По зарубежным источникам число советских военнопленных определяется в 5 200 000—5 750 000 человек, причем основная их масса относится на первый период войны (июнь, 1941 — ноябрь, 1942). Однако здесь нужно учитывать, что в число военнопленных немцы

включали всех сотрудников партийных и советских органов, а также мужчин независимо от возраста, отходивших вместе с отступавшими, а затем окруженными войсками.

Следовательно, зарубежные данные, в том числе Германии, не являются самыми достоверными. В статистическом исследовании «Гриф «секретно» снят» под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева сообщается:

«...На основе имеющихся документов общее число советских военнослужащих, пропавших без вести и попавших в плен (4559 тыс. чел.), можно распределить следующим образом. Достоверно известно, что 1 836 тыс. человек вернулись из плена после окончания войны, 939,7 тыс. военнослужащих из числа ранее пропавших без вести и бывших в плену были призваны вторично на освобожденной от оккупации территории, а 673 тыс., по немецким данным, умерли в фашистском плену. Из оставшихся 1 110,3 тыс. человек, по нашим данным, больше половины составляют тоже умершие (погибшие) в плену. Таким образом, всего в плену находилось 4 059 тыс. советских военнослужащих, а около 500 тыс. погибло в боях, хотя по донесениям фронтов они были учтены как пропавшие без вести».

Известно, что подавляющее большинство советских солдат и офицеров попало в плен из-за невозможности дальнейшего сопротивления — ранеными, больными, не имеющими продовольствия и боеприпасов, в отсутствие управления со стороны командиров и штабов.

Тем не менее сам факт пленения в нашем государстве рассматривался как преднамеренно совершенное преступление. Под подозрение попадали военнослужащие и гражданские лица, даже непродолжительное время побывавшие за линией фронта. А тех, кто хотя бы на короткое время оказался в плену и был допрошен, судили за измену Родине и шпионаж.

Репрессиям подвергались и семьи предполагаемых «изменников Родины». Их ссылали, приговаривали к длительным срокам лишения свободы.

С 27 декабря 1941 г. было издано постановление ГКО СССР №1069 сс, регламентирующее проверку и фильтрацию освобожденных из плена и вышедших из окружения «бывших военнослужащих Красной Армии». Теперь они направлялись в специальные лагеря НКВД. А в конце 1943 г. спецлагеря были переданы в ведение ГУЛАГА, то есть всех бывших военнопленных уравнивали в правах с заключенными.

Начиная с 1944 г. из освобожденных из плена или вышедших из окружения офицеров

Красной армии начали формировать «штурмовые батальоны», где в качестве рядовых они должны были искупить «свою вину» кровью. Через «штурмовые батальоны» прошло более 25 тысяч офицеров. По результатам проверки более 72 тысяч офицеров, вернувшихся из плена, были разжалованы и уволены из армии...

5. Яков Джугашвили

Выпускник Артиллерийской академии РККА старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили с 9 мая 1941 г. проходил службу в 14-м гаубичном артиллерийском полку 14-й танковой дивизии в должности командира батареи.

Историческая справка.

Яков Иосифович Джугашвили Родился в 1908 г. в г. Баку. В 1936 г. закончил транспортный институт имени Дзержинского. С 1936 по 1937 год работал на электростанции завода им. Сталина дежурным инженером— трубочистом. В 1937 г. поступил на вечернее отделение Артакадемии РККА. В 1938 г. поступил на 4-й курс 1-го факультета Артакадемии РККА. В 1941 г. попал в плен. В 1943 г. в концлагере Заксенхаузен был убит часовым. К концу 9 июля 14-я танковая дивизия, 14-й мотострелковый полк, 14-й гаубичный артиллерийский полк и 220-я стрелковая дивизия

вышли на рубеж Вороны— Фальковичи и были отрезаны противником от основных сил. К вечеру 11 июля части и соединения перешли к обороне Лиозно. 12 июля войсковая группа, несколько дней как переподчиненная командиру 34-го стрелкового корпуса 19 армии, заняла и удерживала противотанковый район у станции Лиозно, а с рассветом 13-го на рубеже Вороны— Поддубье вела бой с танками и пехотой противника, после натиска которого подразделения 14-й танковой дивизии отошли. В это время 14-й мотострелковый полк и 14-й гаубичный артполк во взаимодействии с частями 220-й стрелковой дивизии наступали на Витебск. Они овладели селом Еремеево, но, не

выдержав танковых и авиационных атак, начали отход к Лиозно.

Последующие два дня 14 и 15 июля 14 мсп и 14 гап вели бой в районе восточнее Лиозно, но вследствие больших потерь отошли одной группой на север, второй— на юг.

Батарея, которой командовал Джугашвили, вместе с соседней батареей своим огнем прикрывали отходившие на юг войска. К утру 16 июля 14 тд, находящаяся в окружении, вышла из подчинения 34 стрелкового корпуса и вошла в состав 7 мехкорпуса 20 армии. Первые группы военнослужащих 14 тд появились в местах сбора 17—19 июля. Вечером 19 июля 1941 г. из окружения вышли бойцы и командиры 14 гап (из 1240 человек вышло 413, а 675 пропали без вести). Среди них не оказалось Якова Джугашвили. Только на следующий день, 20 июля 41-го, командующий 20-й армией генерал Курочкин получил приказ шифртелеграммой от начальника штаба Западного направления: «выяснить и донести в штаб фронта, где находится командир батареи 14-го гаубичного полка, 14-й танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович».

В этот же день на поиски старшего сына вождя «была послана группа мотоциклистов во главе со старшим политруком Гороховым, которая у озера Каспля встретила красноармейца Лопуридзе, вместе с которым Яков выходил из окружения. По словам Лопуридзе, 15 июля они вместе с сыном Сталина переоделись в гражданскую одежду, закопали свои документы, после чего, убедившись, что немцев поблизости нет, Яков решил передохнуть, а Лопуридзе пошел дальше, пока не встретил группу мотоциклистов. После этого старший политрук Горохов, решив, что Яков, наверное, уже вышел к своим, прекратил дальнейшие поиски и вернулся в дивизию».

Приказом Главного управления кадров НКО СССР № 060 от 25 января 1942 г. старший лейтенант Джугашвили Я.И. признан без вести пропавшим с 15 июля 1941 г. Таким образом, 15 июля некий Лопуридзе последним якобы видел сына Сталина. Но именно слова этого

человека вызывают сомнения. С 15 до 20 июля прошло несколько дней, и если он действительно выходил вместе с Яковом, то как же получилось, что Джугашвили остался отдыхать, а Лопуридзе бросил командира в звании старшего лейтенанта, грузина, сына вождя и пошел один дальше? Думаю, что Лопуридзе, если он действительно красноармеец, а не дезертир, просто соврал для своего собственного прикрытия, ведь

он выходил один в гражданской одежде и без оружия, а личность его так и осталась не установленной... Кем он был, этот Лопуридзе? Теперь уже никто не сможет ответить на этот вопрос. Старший политрук Горохов просто упустил его, потому что халатно отнесся к выполнению приказа командования. Так как же все-таки Яков Джугашвили попал в плен? До нас сохранилось вот такое свидетельство: «В июле 1941 г. я был в прямом подчинении у старшего лейтенанта Я. Джугашвили. По приказу командования наш взвод броневиков БА-6 26-го танкового полка был назначен в полевое охранение гаубичной батареи 14-го артиллерийского полка. Нам было приказано: в случае прорыва немцев и при явной угрозе увезти командира батареи Я. Джугашвили с поля боя.

Однако так случилось, что в ходе подготовки его эвакуации ему был передан приказ срочно явиться на командный пункт дивизиона. Следовавший с ним адъютант погиб, а он оттуда уже не вернулся. Мы тогда так и решили, что это специально было подстроено. Ведь был приказ уже об отступлении, и, видимо, на КП дивизиона уже никого не было.

По прибытии на разъезд Катынь нас встретили сотрудники особого отдела. Нас троих— командира 1-го огневого взвода, ординарца Я. Джугашвили и меня, командира взвода броневиков полевого охранения, неоднократно допрашивали: как могло случиться, что и батареи, и взвод охранения вышли, а Я. Джугашвили оказался в плену? Майор, допрашивавший нас, все говорил: «Придется кому-то оторвать голову». Но, к счастью, до этого дело не дошло».

А вот что показал сам Яков Иосифович на допросе у немцев

18 июля 1941 года:

Вопрос: Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

Ответ: Не добровольно, я был вынужден.

Вопрос: Вы были взяты в плен один или же с товарищами и сколько их было?

Ответ _____: К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую

панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

Вопрос: Вы были командиром дивизии?

Ответ: Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены, я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? (сегодня 18-е). Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лясново, в 11/2 км от Лясново, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами.

Вопрос: Я хотел бы знать еще вот что! На нем ведь сравнительно неплохая одежда. Везил он эту гражданскую одежду с собой, или получил ее где-нибудь. Ведь пиджак, который сейчас на нем, сравнительно хороший по качеству.

Ответ: Военный? Этот? Нет, это не мой, это ваш. Я уже вам сказал, когда мы были разбиты, это было 16-го, 16-го мы все разбрелись, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули меня. Не знаю, может быть, вам это и не интересно, я расскажу вам об этом более подробно! 16-го приблизительно в 19 часов, не позже, позже, по моему в 12, ваши войска окружили Лясново. Ваши войска стояли несколько вдалеке от Лясново, мы были окружены, создалась паника, пока можно было, артиллеристы отстреливались, отстреливались, а потом они исчезли, не знаю куда. Я ушел от них. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его. Его не было. В это время ваши войска стали обстреливать остатки нашей 14-й танковой дивизии. Я решил поспешить к командиру дивизии, чтобы принять участие в обороне. У моей машины собрались красноармейцы, обозники, народ из обозных войск. Они стали просить меня: □Товарищ командир, командуй нами, веди нас в бой!□ Я повел их в наступление. Но они испугались, и когда я обернулся, со мной уже никого не было. Вернуться к своим уже не мог, так как ваши минометы открыли сильный огонь. Я стал ждать. Подождал немного и остался совсем один, так как те силы, которые должны были идти со мной в наступление, чтобы подавить несколько ваших пулеметных гнезд из 4—5 имевшихся у вас, что было необходимо для того, чтобы прорваться, этих сил со мной не оказалось. один в поле не воин. Начало светать, я стал ждать своих артиллеристов, но это было беспечно, и я пошел дальше. По дороге мне стали встречаться мелкие группы, из мотодивизии, из обоза, всякий сброд. Но мне ничего не оставалось, как идти с ними вместе. Я пошел. Все начали переодеваться, я решил этого не делать. Я шел в военной форме, и вот они попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать с самолета, а следовательно, и их будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались. Я решил присоединиться к одной из групп. По просьбе этих людей я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку, я решил идти вечером к своим. Да, все это немецкие вещи, их дали мне ваши, сапоги, брюки. Я все отдал, чтобы выменять. Я был в крестьянской одежде, я хотел бежать к своим. Каким образом? Я отдал военную одежду и получил крестьянскую. Ах нет, боже мой! Я решил пробиваться вместе с другими. Тогда я увидел, что окружен, идти никуда нельзя. Я пришел, сказал: «Сдаюсь».

Все!.. Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне, которые хотели меня выдать. Они не знали точно, кто я. Я им этого не сказал, они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

Вопрос: Его товарищи помешали ему что-либо подобное сделать или и они причастны к тому, что он живым попал в плен?

Ответ: Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: — «Уходите». Я просто зашел в избу. Они говорили: «Уходи сейчас же, а то мы донесем на тебя!» и уже начали мне угрожать. Они были в панике. Я им сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы. Выхода не было. Итак, человек должен бороться до тех пор, пока имеется хотя бы малейшая возможность, а

когда нет никакой возможности, то... Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом...

Следовательно, 15—16 июля 1941 г. старшего лейтенанта Джугашвили вызвали на командный пункт дивизии, куда он и прибыл в тот момент, когда началась паника, неразбериха, а дальше все было так, как рассказал сам Яков Иосифович.

При этом надо учитывать, что первый раз немцы переводили с русского на немецкий, а второй раз наши— с немецкого на русский, в результате чего текст изобилует многочисленными искажениями. Например, Лиозно называется Лясново и т.д.

Нельзя забывать и о психологическом состоянии военнопленного в момент допроса, когда мысли не собраны, когда трудно определить дату и время, когда забываются подробности. Сегодня по прошествии десятилетий каждый раз мы узнаем все новые сенсации. Дожили мы

и до той, в которой ставится под сомнение вообще пребывание Якова Джугашвили в плену. Сначала была передача в программе «Человек и закон», потом появилась и печатная версия в книге Галины Джугашвили-Сталиной «Внучка вождя» — Валентина Жилиева. Данный господин утверждает: «Дело №Т-176» и другие немецкие материалы 1941—1943 гг. — профессионально выполненная подделка. Фальсификацию можно определить не только по содержанию, но и по техническому исполнению».

Что ж, попробуем разобраться.

Первое. Были исследованы четыре рукописных текста сына Сталина, исполненные им с 19 июля 1941 г. по 30 сентября 1942 г., а также 11 фотоснимков, изображающих пленного Якова Джугашвили. При этом специалисты центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации установили, что только две записки из четырех исполнены самим Я. Джугашвили, а две других писал не он. Далее, из одиннадцати немецких фотоматериалов семь являются фото- и типографской репродукцией, на восьми снимках установлено наличие ретуши изображения, три изготовлены путем фотомонтажа. На одном из снимков выявлено применение в фотомонтаже зеркального изображения. Вот что показал на допросе сам Я.И. Джугашвили:

Вопрос: Известно ли ему, что красное правительство сбрасывает листовки, и думает ли он, что эти листовки побудят немецкого солдата перебежать на сторону красного правительства, на сторону Красной Армии?

Ответ: А если я вам задам такой же вопрос, будут ли иметь ваши листовки успех в Красной армии или нет? (я очень прошу меня не фотографировать).

Вопрос: Почему он не хочет, чтобы его фотографировали? Может быть, он думает, что снимок будет опубликован?

Ответ: Фотографируют всегда в самых безобразных позах. Я не потому это говорю, что всегда нужно сниматься только в красивых позах. Не потому я это говорю, но мне это не нравится, я вообще этого не люблю.

Яков Джугашвили не хотел фотографироваться в отличие от генерала Власова, поэтому немцам пришлось прибегать к фотомонтажу в целях агитации и пропаганды, что вполне естественно.

То же самое и с одной из двух записок. Самую первую, адресованную к отцу, он как раз и не писал, потому что не мог и не хотел писать. И тогда немцы ее просто состряпали сами. Это тоже объяснимо.

«19.7.41. Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германии. Обращение хорошее. Желая здоровья. Привет всем. Яша».

Во второй записке: *«Джугашвили Яков старший л-нт Москва улица Грановского 3—84.20.9.41».*

«Господину поручику Венцлевич».

Я достал у г-на подпоручика Коррадини суконный материал, и если Вас не затруднит, то прошу отдать распоряжение в мастерскую, чтобы мне сделали полушинель. Я тороплюсь, так как слышал, что мастерская скоро переедет в запбостель, говорят, что мастерская перегружена заказами, так что если найдется какая-либо возможность, то прошу Вас не отказать мне в просьбе. ст л-нт Джугашвили».

«Поручику Венцлевич— на память в знак уважения ст. л-нт Джугашвили 30.9.42 г».

Второе. Господин Жилиев утверждает, что протокол первого допроса был подшит в дела 4-й танковой дивизии корпуса Гудериана, а другой протокол допроса оказался в архиве Люфтваффе, что также внушает сомнение в их подлинности.

Дело в том, что хоть и допрашивали Якова Иосифовича у командующего авиацией 4-й армии, тем не менее допрос вели офицеры 3-й мотострелковой роты военных переводчиков от различных «ведомств». Заметим, не один офицер, а несколько. Поэтому один документ составлен как вопрос—ответ для командующего авиацией 4-й армии, а другой обзорный документ— описание, более „{кПятое. В. Жилиев: «Среди пленных, общавшихся с «сыном Сталина» в концлагерях, не было никого, кто знал бы реально Якова Джугашвили».

Но позвольте, уважаемый господин, есть для Вас еще один аргумент:

В представительство уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан в Западной Европе. г. Париж, 16-е, ул. генерала АППЕР, 4.

СПРАВКА

Капитан артиллерии Яков Иосифович Джугашвили (сын маршала СССР товарища Сталина) находился со мной в плену в Южной Баварии, около маленького города Гоммельбурга. Лагерь военнопленных был международного характера, где были заключены в застенки советские, французские, английские и бельгийские офицеры. В этом лагере были заключены 27 советских генералов и много старшего начальствующего состава РККА. Яков Джугашвили в этом лагере был заключен с апреля месяца 1942 г. и был в нем по июнь 1942 г., после чего был переведен в другой мне неизвестный лагерь. Яшу Джугашвили лично знали многие советские офицеры. За короткий промежуток времени нахождения в Гоммельбургском лагере показал себя стойким, а своим поведением— мужественным и непоколебимым советским офицером, достойным сыном Великого отца, Маршала товарища Сталина. Питание он получал такое же, как и остальные советские офицеры, т.е. 150 гр. отварного — «хлеба», в день один раз брюквенный суп без всякой приправы.

Немцы его использовали на хозяйственных работах внутри лагеря, воспользовавшись его способностями;— он работал резчиком по кости. Из лошадиных костей он резал фигуры, шахматы, табачные трубки и т.д.

Ежедневно приезжали к нему фотокорреспонденты фашистских газет с сотрудниками гестапо, чтобы принудить Яшу и получить от него им выгодные сведения, на что всегда встречали твердый отказ: «Я люблю свою Родину, я никогда ничего не скажу плохого о моей Родине!»— таков был ответ Яши. Яшу Джугашвили одели немцы в «камуфлет». На его красноармейском мундире в 12-ти местах большими буквами разноцветными красками было написано «S.U» «Советский Союз».

Начальник штаба 1-го сов. партизанского полка майор (Минасян)

12 марта 1945 г.

г. Ним.

Верно: Начальник отдела по работе за границей

полковник Филатов.

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 1554. Л. 108—109. Заверенная копия.

Таким образом, старший сын Сталина Яков Джугашвили в плену был, вел себя там мужественно и не пошел на сотрудничество с немцами. Только зачем доказывать обратное, зачем поднимать шум, зачем делать сенсацию и переписывать историю.

22 апреля 1943 г. Гиммлер направил письмо в нацистское министерство иностранных дел:

«Дорогой Риббентроп!

Посылаю Вам рапорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был расстрелян при попытке к бегству из особого блока «А» в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

Хайль Гитлер!

Ваш Генрих Гиммлер».

6. Леонид Хрущев

В своей новой книге «Генералиссимус» В.В. Карпов уделит внимание сыну Хрущева:

«Удивительные совпадения случаются в жизни: сын будущего Генерального секретаря ЦК КПС Хрущева— Леонид Хрущев оказался в плену у немцев, так же, как и Яков Сталин, только несколько позже— в марте 1943 г. Сходство ситуации на этом начинается и на этом же заканчивается; все, что было до пленения и после, диаметрально противоположно: Леонид и Яков абсолютные антиподы по характеру, по поступкам и по убеждениям». Так ли это? Давайте по-пробуем разобраться.

Сын Никиты Сергеевича Хрущева от первого брака— Леонид Хрущев родился 10 ноября 1917 г. Ему было два года, когда умерла его мать. В 1932 г. он закончил семь классов и поступил в ФЗУ. Затем работал слесарем на рентгеновском заводе, откуда по комсомольской путевке в декабре 1933 г. был направлен на учебу в Балашовскую школу Гражданского воздушного флота. В 1937 г. Леонид Никитович, после окончания школы учился в Ульяновске на курсах усовершенствования командного состава, месяц работал инструктором Центральных авиационных курсов в Москве, а потом в Киеве. В Москве Леонид женился на девушке из Московского аэроклуба. Она работала штурманом-летчиком. В феврале 1939 г. его зачислили слушателем подготовительного курса командного факультета Военно-воздушной академии, а в 1940-м перевели в Энгельсскую военную авиационную школу.

Из выпускной аттестации 21 мая 1940 г.:

«По теоретическим дисциплинам учится отлично, материальную часть самолета СБ знает отлично и эксплуатирует грамотно. Летную программу усваивает легко и отлично закрепляет. Техника пилотирования на самолете СБ отличная, ориентировка хорошая».

Думаю, что это не пустые слова, так как Леонид Хрущев летал с 1933 г. Только до войны его налет равнялся 1268 часам, из которых на У-2—600 часов, на Р-5—300 часов, на УТ-1—8 часов, на СБ —250 часов, на АР-2—110 часов.

Даже если судить по проведенному в воздухе времени, Л.Н. Хрущев был летчиком, достаточно опытным для лейтенанта. Великая Отечественная война для Леонида Хрущева началась в 134-м скоростном бомбардировочном авиационном полку. Уже на 16 июля 1941 г. он имел 12 боевых вылетов, а в воздушном бою 6 июля храбро дрался с истребителями противника. Из боя вышел с изрешеченной машиной. Командир 46-й авиадивизии ходатайствовал о награждении Леонида Хрущева орденом Красного Знамени. За месяц войны, когда полк летал без прикрытия, Л.Н. Хрущев совершил 27 боевых вылетов, иногда в день вылетая по три-четыре раза. 26 июля два звена и два экипажа из состава 1, 2 и 3-й эскадрилий полка вылетели на бомбардировку вражеского аэродрома в районе ст. Изога (3 км северо-западнее ст. Чернуха) и уничтожение пехоты и артиллерии в районе Хикало. Не обнаружив самолетов противника на аэродроме, звено 3-й авиаэскадрильи бомбило аэродром и расстреляло из пулеметов аэродромные объекты и пехоту противника. Задание было выполнено, но при возвращении их атаковали восемь Ме-109. В результате боя были потеряны 4 экипажа. Но командир одного из них лейтенант Хрущев сумел посадить поврежденную машину, правда, при посадке сломал ногу. Вскоре его отправили в тыл на излечение в госпиталь. Через несколько месяцев командир и военный комиссар дивизии снова ходатайствовали о награждении Леонида (исх. № 0207 от 5.11.41 г.):

«Командующему ВВС Западного фронта. Прошу представить к награде перечисленных ниже товарищей, представленных 14— 17/VII — 41 г., но до сих пор не отмеченных вследствие того, что наградной материал застрял в 22-й армии.

1. Лейтенанта Хрущева Леонида Никитовича, имеет 27 боевых вылетов, к ордену Красного Знамени...

В своей книге В.В. Карпов пишет:

«С 1 июля 1941 г. по март 1942 г. Леонид находился на лечении в Куйбышеве— повредил ногу при посадке самолета и на фронт совсем не спешил— на собственных ногах гулял отменно!»

Как мы уже говорили, Л. Хрущев 26 июля 1941 г. выполнял 27-й боевой вылет, а писатель Карпов взял, да и лишил летчика почти целого месяца боевой работы.

А теперь ознакомимся с воспоминаниями генерала Степана Микояна, которые тоже цитирует В.В. Карпов:

«В Куйбышеве я ходил на процедуры в поликлинику, где познакомился с двумя старшими лейтенантами, тоже проходившими амбулаторное лечение после ранения: Рубеном Ибаррури, сыном вождя испанской компартии знаменитой Долорес, и Леонидом Хрущевым. Леонид Хрущев был хороший, добрый товарищ. Мы с ним провели,

встречаясь почти ежедневно, около трех месяцев. К сожалению, он любил выпивать. В Куйбышеве в гостинице жил в это время командированный на какое-то предприятие его товарищ, имевший «блат» на ликероводочном заводе. Они покупали там напитки в расчете на неделю и частенько распивали их в гостиничном номере. Я, хотя почти не пил, часто бывал там. Бывали там и другие гости, в том числе и девушки. Леонид, даже изрядно выпив, никогда не буйнил, он становился еще более добродушным и скоро засыпал. Мы познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации, Валеи Петровой и Лизой Остроградской. Когда меня уже в Куйбышеве не было, там произошла трагедия, о которой я узнал от одного приятеля Леонида, приехавшего в Москву, а потом рассказ подтвердила и Валя Петрова, которой этот приятель рассказал сразу после случившегося. По его рассказу, однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно «под градусом», в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным, сказал, что надо попасть в саму бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в голову. Леонида Хрущева осудили на восемь лет с отбыванием на фронте (это тогда практиковалось в отношении осужденных летчиков). Недолечив ногу, он уехал на фронт, добившись переучивания на истребитель Як-7Б...»

Далее В.В. Карпов продолжает вводить читателя в заблуждение: «...опираясь на документ (журнал учета боевых вылетов), скажем: 11 марта 1943 г. был первый и последний день боевой работы летчика Леонида Хрущева. С утра он вылетел в составе группы истребителей, «Заморин» сам боя не вел, а охранял своего ученика и наблюдал за его поведением». Собственно, и боев-то не было, а вся группа совершала тренировочный полет».

А теперь ознакомимся с тем, как было на самом деле. В феврале 1942 г. лейтенанту Хрущеву вручили орден Красного Знамени, а в марте после нелепого случая, который уже давно вошел в нашу историю, его выписали из госпиталя и направили в 3-й от-

дельный учебно-тренировочный смешанный авиаполк. 4 апреля 1942 г. приказом НКО СССР № 02520 ему присвоили очередное воинское звание старшего лейтенанта. До декабря Леонид проходил программу переучивания на истребитель Як-7, после чего был назначен в распоряжение командующего 1-й воздушной армией (3.11.42 г.— окончил программу переучивания с оценкой «отлично», а 4.12.42 г. был проверен по технике пилотирования. Общая оценка «хорошо»). Следует отметить, что Л.Н. Хрущев переучивался со скоростного бомбардировщика на истребитель, что независимо от уровня подготовки летчика является делом непростым. Непросто было и Леониду, с его опытом и отличной техникой

пилотирования бомбардировщика. Так сказать, со штурвала перейти на ручку... Потому-то и оценка с отличной стала хорошей.

Тем не менее он был назначен в 18-й гвардейский истребительный авиаполк, который базировался на аэродром еХатенки, что в 10 км севернее города Козельска. До 11 марта 1943 г., о котором упоминает В.В. Карпов, старший лейтенант Хрущев с момента прибытия для дальнейшего прохождения службы в часть произвел 28 учебных полетов с налетом 13 ч 01 мин, 6 боевых вылетов на прикрытие войск 16-й армии с налетом 4 ч 26 мин и провел 3 воздушных боя. Один раз ему даже удалось зайти сзади в хвост «фрицу» и расстрелять его в упор...

Командующий 1-й воздушной армией генерал Худяков предложил Леониду должность в Управлении армии, но тот категорически отказался.

Итак, 11 марта 1943 г. в 12.13 девятка Як-7Б под командованием гвардии капитана Мазурова вылетела на перехват бомбардировщиков противника. Вылетела, чтобы не допустить бомбометания по наступающим войскам в район Кожановка, Ашково, Нижнее, Ясенок, Дынное, Жеребовка, в 7—9 км севернее Жиздра. Пять самолетов под командой Мазурова летели на высоте 2000 м, четыре самолета под командой гвардии младшего лейтенанта Ляпунова — на высоте 2500 м. При подходе к линии фронта радиостанции наведения сообщили: «Самолетов противника нет, будьте осторожны». Через 3—5 минут в воздухе появились до 10 «фоккеров» (ФВ-190), которые под прикрытием дымки начали выполнять групповые атаки. Вступив в бой, наши истребители разделились на три группы. Гв. ст. л-нт Заморин (ведущий) и гв. ст. л-т Хрущев (ведомый) вступили в бой против двух Фокке-Вульф-190, парой на пару на высоте 2500 м, постепенно отгесняя их на территорию противника. Заморин атаковал и огнем с 50—70 м сбил одного ФВ-190. Ведомый Хрущев в это время находился справа, прикрывая ведущего. Его атаковал второй «фоккер». Остальные в это время вели воздушный бой: пара Ходаковского в районе Жиздра с 2 ФВ-190 (оба были сбиты) и пятерка Яков и 4 ФВ-190 (один сбит) в районе Акимовка. Когда Заморин увидел, что самолет Хрущева атаковал ФВ-190, он открыл огонь под углом и преследовал противника, уходящего с пикирования на юг, продолжая атаковать.

После неудавшейся атаки немецкого пилота Хрущев с переворота под углом 65—70° вдруг пошел к земле. По мнению Заморина, Леонид мог перетянуть ручку и сорваться в штопор. Вероятнее всего, ошибка в технике пилотирования истребителем подвела Леонида. Ведь на нем он имел очень незначительный налет: общий — 17 ч 27 мин. Однако этим моментом, этой ошибкой Леонида воспользовались многие.

Теперь они (в том числе и В.В. Карпов) утверждают, что Леонид Хрущев ушел в сторону противника и бесследно пропал. Оказавшись в плену (?), активно сотрудничал с врагом, затем по приказу Сталина его выкрали, судили и расстреляли. Но поверьте, все это не более чем вымысел, бред, сплетня и т.д. При этом не приводится ни одного документа, потому что их нет!

Во-первых, если бы Л.Н. Хрущев попал к немцам в плен, то они раструбили бы об этом буквально сразу же. Были бы листовки и фотографии. Германская пропагандистская машина не упустила бы такого шанса. Во-вторых, обменять или выкрасть именитого военнопленного было практически невозможно. Он буквально через несколько дней

оказался бы в Германии, где такая возможность практически исключалась.

В-третьих, 3 апреля 1943 г. командир 18 ГВ ИАП гв. майор Голубев подписал наградной лист на Хрущева. 4 апреля на этом документе поставил свою подпись генерал-майор Захаров, командир 303-й ИАД. В конечном счете орден Отечественной войны 1-й степени

№ 56428 был вручен на хранение отцу Леонида Н.С. Хрущеву. Ничего бы этого не было, если бы Леонид был предателем.

В-четвертых, спустя 17 лет на территории Жиздринского района Калужской области велись поиски мест падений самолетов Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. А конкретно, с 6 по 15 декабря 1960 г. проводился поиск останков летчиков в этом районе. По докладу Главкому ВВС Главному маршалу ВВС К.А. Вершинину, было «найдено 35 мест падения советских самолетов, осмотрено на месте— 30 (остальные не осматривались, как явно не подходящие по типам машин, срокам и удалению)».

Следовательно, искал Н.С. Хрущев самолет сына, но не нашел. Этот список можно было бы продолжить еще, но как можно заклеить мертвого человека и возвести в ранг предателя боевого летчика, не имея на то абсолютно никаких документальных доказательств! По всей видимости, Леонид Хрущев в плену не был.

7. Кто ждал немцев

В 1941 г. немцев ждали. Сегодня это уже не является государственной тайной. Другое дело, сколько их было: бывших кулаков и членов их семей, уцелевших торговцев «нэпманов», уголовников, репрессированных и других «обиженных» советской властью.

Немцев ждали, но не многие, как об этом пишут теперь историки и журналисты.

В Новгороде первым начальником города был археолог Василий Понамарев, до немцев работавший научным сотрудником в местном музее. В Пскове начальствовал бывший учитель математики Черепенкин. В Харькове последовательно начальниками были: профессор технологического института Алексей Крамаренко, затем адвокат Александр Семененко, а третьим по счету стал профессор физической химии Павел Козакевич. «Начальником» Смоленска недолго был профессор физики и астрономии Борис Базилевский. В кресле городского головы его сменил известный смоленский адвокат Борис Меньшагин. После эвакуации из Смоленска в 1943 г. он некоторое время занимал такую же должность в Бобруйске. В Гражданскую войну 17-летним юношей Меньшагин вступил в Красную армию и прослужил в ней 8 лет. В связи с религиозными убеждениями был уволен. Получив юридическое образование, работал юрисконсультom в Москве,

затем— адвокатом в Смоленске. Защищал крестьян в период коллективизации, «врагов народа» в годы массовых репрессий. Входе «дела» о вредительстве в животноводстве дошел до генпрокурора Вышинского и добился пересмотра ряда смертных приговоров.

«Начальником» Ялты служил при немцах некий Виктор Мальцев. Он родился в 1895 г. в Гусь-Хрустальном, в 1919 г. окончил Егорьевскую школу военных летчиков. В 1925 г. он— начальник Центрального аэродрома под Москвой. С 1927 г. пом. начальника Управления ВВС Сиб. ВО, затем— в резерве РККА. Приказом НКО СССР № 1916 от 26 ноября 1936 г. ему присвоено звание «полковник». В 1937 г. он был назначен начальником Туркменского управления Гражданского воздушного флота. За умелое руководство Управлением в 1938 г. был представлен к ордену Ленина, но награжден не был, так как 11 марта его арестовали органы НКВД. 5 сентября 1939 г. освобожден, а 1 декабря назначен начальником санатория Аэрофлота в Ялте. Осенью 1941 г. эвакуироваться не стал. 8 ноября явился в немецкую комендатуру и предложил свои услуги. В начале декабря начал писать книгу «Конвейер ГПУ», в июне 1942 г. передал законченную рукопись в отдел пропаганды 11-й армии вермахта в Симферополе.

С марта 1942 г.— бургомистр Ялты. 9 марта принял дела городской управы, организовал городское самоуправление, налаживал быт в оккупированном городе и распределение продуктов. А опубликованная книга, ставшая «бестселлером» на оккупированных территориях, принесла автору гонорар в 500 марок... В период оккупации на территории нескольких районов Орловской (Брянской) областей с центром в поселке Локоть с разрешения немецких властей был создан так называемый Локотский автономный округ. Первым его главой был инженер Константин Войскобойников, преподававший физику в местном техникуме. В 30-е годы был репрессирован.

Его заместителем работал Бронислав Станиславович Каминский. Этот поляк родился в 1899 г. В 1917 г. он был студентом Петроградского политеха. С 1918 по 1921 г. служил в Красной армии. В 1930 г. направлен на учебу в химико-технологический институт, по окончании которого работал инженером-технологом на химзаводе «Республика». В 1935 г. исключен из партии за критику коллективизации.

В 1937 г. был арестован и отбывал срок в г. Шадринске, где работал на спиртзаводе. В начале 41-го освобожден и переехал в г. Локоть. Работал инженером на спиртзаводе. Летом—осенью 41-го организовал эвакуацию предприятия, а сам остался в Локте. После гибели Войскобойникова в январе 1942 г. Каминский возглавил местные силы самообороны и Локотский автономный округ, к которому впоследствии были присоединены новые районы. В конце 1942 г. переформировал местные отряды милиции и самообороны в 29-ю штурмовую пехотную бригаду войск СС РОНА («Русская ос-

вободительная народная армия»), с которой в январе—феврале 1943 г. принимал участие в боях против Красной армии. В «Локотском автономном округе» было налажено производство товаров первой необходимости, возрождена структура местной власти. С помощью немецкого командования Каминскому удалось создать и собственное воинское формирование. Осенью 43-го ему удалось организовать эвакуацию Локотского округа и бригады в Лепель, затем из Лепеля— в Дятлово. В июне 1944 г. (более 50 тысяч человек)

в Польшу. Погиб в 1944 г. при невыясненных обстоятельствах. По некоторым данным, РОНА насчитывала 11—12 тысяч человек. В оккупированном Киеве некоторое время жил и работал В. Блюменталь-Тамарин. Он руководил театром русской драмы. Он был одним из самых популярных драматических артистов довоенной поры, играл Рогожина и Дон-Карлоса, Чацкого и Гамлета. Сын знаменитой актрисы Марии Блюменталь-Тамариной, которая в числе первых десяти советских актеров была удостоена звания «Народный артист СССР», сам он не признавал казенной «службы» в каком-то одном театре и разъезжал с гастролями по стране.

В октябре 1941-го В. Блюменталь-Тамарин оказался в занятом городе Истра, рядом с которым находилась его дача. Когда немцы отступили, он вместе с еще несколькими дачниками—соседами, в том числе знаменитым вахтанговским актером Освальдом Глазуновым, ушел на Запад. Самой знаменитой его ролью «Киевского периода» стал советский генерал Горлов в злой сатире «Так они воюют». В основу спектакля легла пьеса «Фронт» советского драматурга Корнейчука. Блюменталь-Тамарин выступал на радио и в печати и очень хлестко критиковал режим Сталина. Правда, до Германии артист не дошел. По пути он погиб при невыясненных обстоятельствах.

Достоверно известно, что с нетерпением ждали германскую армию крымские татары. Из газеты «АЗАТ Крым» («Освобожденный Крым»), издававшейся в оккупированном Крыму с 1942 по 1944 г.: 3 марта 1942 г. «После того как наши братья—немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1943 г.

«Алушта. На собрании, устроенном мусульманским комитетом, мусульмане выразили свою благодарность Великому фюреру Адольфу Гитлеру-Эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру-Эфенди».

«Великому Гитлеру—освободителю всех народов и религий! 2 тыс. татар дер. Коккозы и окрестностей собрались для молебна... в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву... Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей

души, от всего нашего существа, верьте нам!

Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!»

10 апреля 1942 г.

Из послания А. Гитлеру, принятого на молебне более 500 мусульман г. Карасубазара: «Наш освободитель! Мы только благодаря Вам, Вашей помощи и благодаря смелости и самоотверженности Ваших войск сумели открыть свои молитвенные дома и совершать в них молебны. Теперь нет и не может быть такой силы, которая отделила бы нас от немецкого народа и от Вас. Татарский народ поклялся и дал слово, записавшись добровольцем в ряды немецких войск, рука об руку с Вашими войсками бороться против врага до последней капли крови...»

«С первых же дней своего прихода немцы, опираясь на татар националистов, не грабя их имущество открыто, так, как они поступали с русским населением, старались обеспечить хорошее отношение к себе местного населения»,— писал начальник 5-го партизанского района Красников.

Уже в декабре 1941 г. немецкое командование приступило к организации так называемых «мусульманских комитетов». В Крыму стали формироваться вооруженные отряды «самообороны». Многие татары использовались в качестве проводников карательных отрядов против партизан.

После освобождения Крыма Л. Берия 10 мая 1944 г. докладывал

И. Сталину:

«Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента. По состоянию на 7 мая с.г. арестовано таких лиц 5381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет...

Из Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тысяч татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии...

Учитывая предательские действия крымских татар против Советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения государственного Комитета Оборона о выселении всех татар с территории Крыма...»

По данным на 1 июня 1943 г., в крымских партизанских отрядах численностью 262 человека было всего 6 татар.

Поэтому 140—160 тыс. татар выселили из Крыма и расселили в качестве спецпереселенцев в районах Узбекской ССР. Во время боев на Харьковском направлении в числе других документов особым отделом НКВД 38-й армии был захвачен дневник капитана немецкой армии— командира батальона 294-й пехотной дивизии. До перевода на Восток этот офицер служил в составе гарнизона какого-то острова на Западе. Вот что он записывал о своих первых впечатлениях о России:

«Из Перемышля ехали по Украине. Вот она, Россия. Далекие, неизмеримо огромные поля не обработаны. Леса нет, только иногда несколько деревьев. Печальные колхозы с разрушенными домами. Немногие люди, грязные и завернутые в тряпье, стояли с безучастными лицами у железной дороги. Дороги грязные настолько, что оси

экипажей застревают в грязи. Следов войны мало, только у вокзала видны последствия налетов пикирующих бомбардировщиков: сожженные здания и депо, перевернутые товарные вагоны, от которых остались только остовы».

В документе, подготовленном командованием 6-й армии вермахта «О поведении войск на Востоке», разъяснилось: «Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру...»

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных, не находящихся на службе в германской армии из воинских кухонь, и раздача папирос и хлеба является ненужной гуманностью.

Все, в чем отечество отказывает себе и руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже в том случае, если это является трофеями...

Пассивность многочисленных антисоветских элементов, занимающих выжидательную позицию, должна быть ликвидирована путем разъяснения, и они должны быть привлечены к активному сотрудничеству в борьбе против большевизма.

Если они не идут на это, то пусть не жалуются на то, что с ними обращаются как с приверженцами советского строя. Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнять двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженной силы.

2. Беспощадное искоренение вражеского коварства и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России».

И вот как она обеспечивалась (из спецсообщения особого отдела НКВД Западного фронта от 1 ноября 1941 г.):

«Ряд населенных пунктов противником не занимается, но в подавляющее большинство населенных пунктов враг посылает по 2—4 автомашины с солдатами, которые забирают у населения продукты, белье, швейные машины и т.д., вылавливают выходящих из окружения красноармейцев и уводят их с собой. Необходимо отметить, что штабы противника размещаются в небольших деревнях или дачах. При занятии деревень противником колхозники в большинстве случаев из домов выгоняются. Командиров и красноармейцев, выходящих из окружения, противник старается захватить без боя. Отмечены неоднократные случаи, когда при оказании сопротивления бойцами немцы в бой не вступают. Характерно, что одиночки или группы немецких солдат, заметив красноармейцев и крикнув «Рус сдавайся», сами бегут или же стоят, не принимая никаких мер к преследованию».

Из разведсводки № 7 4-го управления НКВД СССР можно узнать о положении в городе Сталинграде и Сталинградской области при немцах (18 ноября 1942 г.):

«В оккупированных районах гор. Сталинграда немцами установлен строгий режим. Хожение по улицам воспрещено. Центр города усиленно охраняется, туда никого из жителей не пускают...

Все трудоспособное население города принудительно мобилизовано на разные работы: восстановление мостов, сооружение оборонительных укреплений, обслуживание солдат (стирка белья, работа на солдатской кухне)...

В здании Третьего Дома Советов, на углу улиц Чапаевской и Ладужской, размещается

германская комендатура. Последняя начала свою деятельность с того, что объявила мобилизацию женщин для работы в немецких госпиталях и «сдачу» населением теплых вещей и обуви для германской армии.

В оккупированных районах города немцы приступили к созданию местных органов власти.

Бывший зав. хирургическим отделением железнодорожной больницы доктор Макушин, 50—55 лет, назначен немцами старостой одного района или всей оккупированной части города.

Оккупационный режим в сельских местностях Сталинградской области так же жесток, как и в городе. В изданных германским командованием приказах было объявлено, что колхозы, совхозы и МТС являются теперь собственностью германской армии. Колхозное и государственное имущество и ценности не подлежат никакому разделу. Колхозники и рабочие совхозов и МТС превращаются, по существу, в рабочую силу, работающую под надзором и руководством германских военных властей. Так, в хуторе Раскопкино, Клетского р-на, немецкое командование собрало все население во дворе МТС и приказало идти на уборку хлебов. Встретив решительное сопротивление колхозников, немецкие офицеры начали избивать их плетками, понуждая, таким образом, к тому, чтобы они взялись за работу...

Отношение к немцам со стороны местного населения враждебное. Даже отдельные, ранее доброжелательно настроенные к немцам жители хуторов и станиц теперь не верят им и нередко открыто высказывают свое враждебное отношение к оккупантам...

В конце июля и начале августа с.г. немцы проводили активную кампанию по выборам сельских старост. Там, где немцам не удалось «избрать» старост, они их назначили через представителей военных частей, посланных на собрания, где «избирались» старосты.

В таких случаях одного слова немецкого офицера достаточно, чтобы старостой был тот, кого он назовет. Обычно— это старики из кулацкой среды, антисоветски настроенные».

Оккупация даже для тех, кто ее ждал, показалась адом. Одна из жительниц Ростовской области, в прошлом считавшаяся антисоветски настроенной, как-то сказала по секрету: «Советская власть в тысячу раз была лучше, чем эти ироды, немцы». На захваченной территории Сталинграда немцы застали более 200 тыс. жителей. С первых же дней они установили жестокий режим, объявив восточную сторону центральной части города запретной зоной для местных граждан.

Правом беспрепятственного передвижения по всей оккупированной части города в любое время суток пользовались только старосты и полицейские, имевшие специальные нарукавные повязки и удостоверения от комендатуры. С середины октября 1942 г. немецкие военные комендатуры приступили к принудительной эвакуации населения. В городе были оставлены жители, необходимые для обслуживания воинских частей и проведения оборонительных работ, а значительное число было отправлено на работу в Германию, на Украину и в Донбасс, на восстановительные работы в промышленности.

Туда направлялись только здоровые мужчины и бездетные женщины, проходившие медосмотр в лагерях в гор. Калаче, на ст. Чир и Гумрак, где были собраны все изгнанные из города.

На 1 января 1943 г. в оккупированной части Сталинграда оставалось не более 12—15 тыс. человек.

До этого в трех районах города немцы провели «главную регистрацию» и учет всего оставшегося населения. На всех зарегистрированных были заполнены учетные карточки и сделана отметка в паспорте. Таким образом, комендант города пытался затруднить пребывание в городе военнопленных, партизан и других категорий жителей, стремившихся проникнуть в черту города. В трех других районах города в связи с поголовным

выселением жителей регистрация сначала не проводилась, но потом ее прошли только 2000 человек. А 10-го числа немцы сделали перерегистрацию.

Лица, не имевшие документов, представили письменные поручительства от прошедших ранее «главную регистрацию». В виде платы за перерегистрацию взималось 2 кг пшеницы, 3 кг ржи или пшено, овес, соль, мыло. Голодные немецкие солдаты и офицеры перехватывали по дороге в комендатуры жителей и отбирали у них эту дань. Однажды комендант города генерал Леннинг заявил своим сотрудникам: «город Сталинград официально предназначен открытому грабежу из-за его удивительного сопротивления». Сам генерал прибрал себе 14 ковров, много фарфора, столового серебра и других предметов, которые затем увез с собою в Харьков.

В Сталинграде размеры проводимых немцами грабежей превзошли все, что имело место в других оккупированных городах и населенных пунктах Советского Союза. Но особо широкие масштабы они приняли с момента окружения.

Тогда даже создавались специальные команды, имевшие официальные разрешения. При активном содействии старост, полицейских и пособников из числа уголовных элементов и «обиженных» они отбирали у населения зерно и продукты питания. С той же целью в грабежах участвовали и «украинские добровольческие полицейские отряды».

Ограблениям не подвергались лишь прямые пособники, добровольно поступившие к ним на службу. Они имели документы, запрещающие немецким солдатам производить у них какие-либо изъятия. У их домов или квартир вывешивались дощечки с надписью: «Не трогать!»

В тыл немецкой армии и Германию из города вывозились цветные металлы, часть черного металла, смазочные масла и жиры, кожа и химические вещества. Из Сталинградского элеватора было вывезено около 20 тыс. тонн хлеба. При этом культурно-просветительные и коммунально-бытовые учреждения города для гражданского населения не восстанавливались, не работали театры, кино и радио, не издавались газеты.

После освобождения города советскими войсками в городе находилось всего 7 655 человек (в шести районах). 502 человека были выявлены как агенты, предатели и пособники. В том числе 68— работников полиции, 28— служащих, старост и помощников, 10— прочих служащих, 172— добровольца немецкой армии, 52 предателя, 19 дезертиров, 46 агентов разведки и т.д.

Характерно, что по социальному прошлому 166 человек были служащими, 186— рабочими, 129— колхозниками, 16— репрессированными и их родственниками, 2— торговцами и только 3— кулаками.

Судя по документам, свидетельствам и фактам, жизнь в оккупации была жуткой. Даже те, кто не понял это сразу, осознали буквально в считанные дни.

По далеко не полным данным с временно оккупированной территории Советского Союза было насильно угнано на работы в Германию 4 794 087 советских граждан: из РСФСР — 1 906 661, Украины — 2 102 234, Белоруссии — 399 374, Литвы — 160 019, Молдавии — 84 475, Эстонии — 74 226, Латвии — 67 098.

Здоровые мужчины, женщины и дети в основном вывозились в принудительном порядке— на работы в промышленности или сельском хозяйстве, в порядке очистки оккупированной территории от еврейского населения, в качестве наказания за участие в сопротивлении.

Правда, были и желающие. Известно, что первый поезд в Германию из Киева, набранный досрочно, состоящий из добровольцев, отправился 22 января 1942 г. под гром оркестра. Но как только стало известно об истинном положении этих добровольцев, отправки стали саботировать. Первые письма из рейха стали свидетелями невероятной трагедии.

8. Полиция и ее формирования

В оккупированных районах, находившихся под контролем немецкой администрации, территориальные органы полиции безопасности и СД были единым аппаратом, исполнявшим обязанности гестапо, полиции и СД. Управление этими органами осуществляли командующие или начальники полиции безопасности и СД.

Управления полиции безопасности и СД генеральных округов располагались в крупных городах. Например, управление округа «Белоруссия» было в Минске, два подчинявшихся ему отдела — в Барановичах и Вилейке. В каждом по три отделения. Полиция безопасности и СД генерального округа «Сталино» в своем составе имела всего три отделения: в Ворошиловграде, Артемовске и Мариуполе. Ворошиловградское состояло из 12 сотрудников.

Структура управления соответствовала структуре РСХА:

1-й отдел — подготовка и комплектование;

2-й отдел — материальное обеспечение;

3-й отдел — служба безопасности (СД);

5-й отдел — КРИПО — криминальная полиция.

Сразу после оккупации значительной европейской части СССР в январе 1942 г. ОКХ издало приказ по формированию вспомогательных охранных частей. Директива ОКВ №46 от 18 августа 1942 г. «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке» рекомендовала командованию сухопутных сил принять срочные меры к разработке положений, определяющих статус полицейских формирований. Эти подразделения создавались исходя из обстановки в конкретном тыловом округе. Привлекаясь к охране путей сообщения, промышленных предприятий, к обеспечению общественного порядка, они позволили освободить для фронта значительное количество солдат и офицеров.

Еще 6 ноября 1941 г. указом Гимmlера все носившие униформу полицейские части, сформированные в оккупированных областях из местного населения, были объединены в так называемую вспомогательную охранную службу полиции порядка. Всех, кто входил в нее, и называли полицаями.

А 1 сентября 1942 г. вся немецкая полиция порядка и ее вспомогательная полицейская служба перешли в ведение судебной системы СС и полиции.

Личный состав вспомогательной полицейской службы делился на четыре категории:

1) полицейские на службе «вне сплоченных подразделений» — в городских и сельских полицейских участках;

2) полицейские на службе «в сплоченных подразделениях» — в батальонах и полках для борьбы с партизанами;

3) охранная пожарная служба;

4) вспомогательная охранная служба.

В штат каждого батальона вспомогательной полицейской службы входил штаб (5 чел.) и 4 роты (в каждой по 3 стрелковых и 1 пулеметный взвод). Всего батальон насчитывал 501 человек. Численность роты составляла 124 человека. До 1942 г. в батальонах было только по 3 стрелковые роты (460 чел). Фактическая же численность могла быть больше или меньше штатной. Иногда она достигала 700 человек.

В группе армий «Север» полицейские подразделения именовались «местными боевыми соединениями», в группе армий «Центр» — «службой порядка», в группе армий «Юг» — «охранными вспомогательными частями».

На Украине полиция именовалась «Украинско шццманство», в Белоруссии — «Самооборона»

и «Белорусская краевая оборона».

В феврале 1943 г. численность таких подразделений достигала 70 тыс. человек.

Отличительными признаками служащих полицейских формирований могли быть белые нарукавные повязки с черными надписями. Каждая такая повязка нумеровалась порядковым номером и заверялась оттиском печати местной комендатуры. Такие же пронумерованные повязки выделялись для волостной и сельской охраны. В некоторых округах самоуправление полицейских дополнительно вооружали резиновыми дубинками и выдавали удостоверение, где указывалось, что данный полицейский является членом волостной вспомогательной полиции и ему разрешается носить оружие во время службы с хождением по улицам в запрещенное время.

Обычно полицейские подразделения выполняли обязанности местной полиции. Это и охрана порядка, и «освещение местного населения» для органов немецкой власти, регистрационные налоговые функции, проведение карательных операций и т.д.

Численность полиции и ее формирований была самой различной. Так, в Бобруйской городской полиции зимой 1943 г. состояло 228 человек боевого состава и 20 человек обслуживающего персонала (начсостав — 11 чел., следственный отдел — 35 человек, полицейский состав — 160 чел.). Численность службы порядка Смоленского района была увеличена до 3 тыс. человек. Личный состав всех полицейских формирований набирался из числа военнопленных, людей, имевших «претензии» к советской власти и уголовного элемента. Набор в полицию производился самыми различными способами. Зачастую молодые люди выбирали службу в полиции вместо представившейся возможности быть угнанными в Германию.

Полиция в основной своей массе была настроена антисоветски. В полиции Россоши служили 480 человек. Начальником районной полиции был бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции — бывший бухгалтер аптечной базы Стотик. По свидетельствам очевидцев, состав работников полиции включал убежденных антибольшевиков, боровшихся против большевизма, а не служивших немцам; антибольшевиков, считавших, что они должны мстить; людей, работавших в полиции, чтобы не умереть с голоду и не ехать в Германию; людей под масками непримиримых антибольшевиков, но из партизанской и подпольной агентуры. В конце 1943 г. все батальоны вспомогательной полиции были переименованы в полицейские батальоны.

Минская городская полиция порядка была сформирована немецкими оккупационными властями из людей, прямо говоря, не друживших с моралью: «пьяницы, злодеи и разбойники». Поэтому через некоторое время ее ряды были вычищены от уголовного элемента, а некоторые оказались в тюрьме. На их место стали принимать жителей деревень.

Уже осенью 1941 г. для борьбы с партизанами начал формироваться «Корпус Белорусской Самааховы» (БСА) (1-я дивизия в Минске, 2-я — в Барановичах и 3-я — в Вилейке).

На местах успели сформировать 20 батальонов и несколько подразделений, но уже весной 1943 г. БСА была ликвидирована, а все подразделения перевели в состав полиции.

Летом 1942 г. началось формирование 49-го Белорусского полицейского батальона (2 тыс. чел.), но после нападения партизан многие безоружные новобранцы бежали и обратно вернулось около 800 человек. После прихода в него командиров эстонцев численность сократилась аж до 200 человек...

В 1944 г. полиция в количестве 20 тыс. человек и несколько батальонов «самообороны» не могли при необходимости противопоставить должного отпора партизанам.

Поэтому в шести округах было принято решение о формировании частей Белорусской краевой обороны (БКА). Предполагалось, что каждый район Белоруссии выставит один

батальон БКА численностью до 600 человек. Однако после окончания мобилизации множество добровольцев немцы забрали в «организацию Тодта» для восстановления разрушенных путей сообщения. Это послужило толчком к началу «формирования 6 белорусских саперных батальонов. Всего планировалось организовать 12 таких частей.

Помимо саперных частей было организовано 39 пехотных батальонов БКА численностью 600—800 человек каждый. К концу апреля 1944 г. формирование БКА было закончено. А уже в июне немецкие командиры БКА объявили солдатам об их демобилизации. Летом 1941 г. командование немецкой 17-й армии издало распоряжение о создании группы самообороны и полиции в украинских селах. Число полицейских не должно было превышать 1 полицая на 100 жителей.

В первые дни войны на Волыни, в местечке Степань, был организован отряд (100 человек) украинской милиции. Летом 1941 г. начал формирование батальон украинского войска, уже с августа получивший статус «Восточного учебного батальона» и впоследствии послуживший центром создания охранно-полицейских формирований, действовавших на Украине и в Белоруссии.

Киевский курень. Его ядром стал Буковинский курень ОУН и батальон, сформированный в Житомире из числа военнопленных (700 человек). В ноябре к куреню присоединилось еще 250 добровольцев из Галичины. К концу 1941 г. курень насчитывал 1500—1700 человек. В начале февраля 1942 г. киевское гестапо произвело многочисленные аресты членов ОУН. После репрессий члены киевского куреня влились в состав 109, 115 и 116 украинских охранных батальонов. Общая численность украинских полицейских батальонов составило 35 тысяч человек. В 1943 г. часть полицейских батальонов была

включена в состав полицейских стрелковых полков (№ 31—38 трехбатальонных составов).

С первых же минут немецкого вторжения в СССР вступило в действие литовское подполье. Его вооруженные группы нападали на подразделения Красной армии и милиции, подавали сигналы немецким самолетам. При том, что в каждом населенном пункте существовала группа диверсантов. После полной оккупации Литвы разрозненные

повстанческие группы были реорганизованы в 24 стрелковых батальона самообороны численностью 500—600 человек. Общая численность этих формирований достигала 13 тысяч человек.

По данным отчета СС от 1 декабря 1941 г.: «...литовскими партизанами и оперкомандами айнзатцгруппы А было уничтожено с 2 июля 1941 г. 99 804 еврея и коммуниста.» Органами Смерша 3-го Белорусского фронта после освобождения в 1944 г. Литвы было установлено, что практически все еврейское население Литвы было уничтожено гитлеровцами и их литовскими пособниками.

Всего в Литве было сформировано 22 литовских батальона «шумы».

В августе—октябре 1942 г. шесть батальонов действовали на Украине и один в Белоруссии. В июле 1944 г. четыре батальона были объединены в Каунасе в 1-й литовский полицейский полк. В последние дни большая часть литовских батальонов уходила

вместе с немцами, которые разоружили и расформировали шесть батальонов, распределив их личный состав по различным наземным частям люфтваффе. На 1 марта 1944 г. в рядах литовской полиции порядка и полицейских батальонов служило 8 тыс. литовцев.

Первая латышская полицейская часть была создана в июле 1941 г. Формировавшиеся в Латвии полицейские батальоны насчитывали в своем составе от 500 до 550 человек. До конца 1943 г. были сформированы 45 латышских батальонов. Общая их численность оценивалась в 15 тысяч человек. 18-й охранный батальон в количестве 395 человек принимал участие в уничтожении гетто в г. Слоним Барановической области в Белоруссии. 25-й латышский

батальон численностью около 450 человек принимал участие в карательных операциях против партизан на юге Белоруссии. Летом 43-го началось формирование 1-го латвийского полицейского полка «Рига»; в его состав были включены четыре полицейских батальона. Затем был сформирован 2-й полицейский полк «Лиепая» (из четырех батальонов) и 3-й полицейский полк (из трех батальонов).

К лету 1944 г. общая численность латвийских полицейских пограничных, вспомогательных, строительных частей и СД составляла 54 504 человека. Еще 32 418 человек служили в рядах СС, 628— в авиационном легионе, 10 584— в организации Тодта, 12 159— в немецких частях.

В отличие от Литвы и Латвии местные эстонские полицейские силы не проводили массовых репрессий против еврейского населения. Организация погромов для СД здесь оказалась невозможной. Осенью 1941 г. началось создание полицейских формирований,

и уже в сентябре было сформировано шесть эстонских охранных подразделений. Всего за время оккупации в Эстонии было создано 26 батальонов «шумы» общей численностью 10 тыс. человек.

Органы полиции безопасности и СД насаждали агентурную сеть среди местного населения. В качестве агентов использовались старосты деревень, волостные старшины, полицейские, лесники, владельцы буфетов, закусочных и ресторанов. На оккупированной территории действовали еще и так называемые эйнзатцгруппы и их подразделения, которые укомплектовывались служащими полиции, гестапо и СД. Каждая такая группа насчитывала примерно 600 человек. Оперативные и особые команды СД насчитывали 120—170 человек.

Оперативные группы СД создавались в мае 1941 г. Всего было создано четыре группы— А, Б, Ц, Д. Каждая состояла из штаба специальных команд, действовавших в районах расположения армейских частей и оперативных команд, действовавших в оперативном тылу армии.

Из оперативной сводки № 6 специальных отрядов полиции безопасности и СД, действовавших на захваченных территориях СССР (с 1 по 31 октября 1941 г. Р-102, США—470), можно узнать, что под «антипартизанской деятельностью» фашисты фактически понимали уничтожение людей, ненадежных с их точки зрения в политическом отношении, и евреев.

В каждом районе (Прибалтика, Белоруссия, Украина) специальные отряды обычно решали три задачи: 1) партизанские действия и контрмеры; 2) аресты и казни коммунистов и чиновников; 3) уничтожение евреев.

«В операциях участвовали следующие подразделения: специальные отряды «А» начиная с 7 октября 1941 г. в Красногвардейске. Продолжают действовать в Смоленске специальные отряды «Б» с 27 сентября 1941 г., действуют в Киеве специальные отряды «Ц» начиная с 27 сентября 1941 г., в Николаеве— специальные отряды «Д». Специальные эйнзатцкоманды и зондеркоманды, прикомандированные к специальным отрядам, продолжают двигаться вместе с наступающими войсками в районы, которые им предписано занять».

Из раздела «Прибалтийские территории», подраздел «Евреи»: «Все мужчины еврейского происхождения старше 16 лет, кроме старост и врачей, были уничтожены. Сейчас эта чистка все еще продолжается. После того как она будет закончена, на восточной территории останется только 500 евреев и детей».

Подраздел раздела «Белоруссия» заканчивается следующим абзацем: «За период, охватываемый этим отчетом, ликвидировано 37 180 человек».

А вот это докладывал уполномоченный по Слуцкому району 30 октября 1941 г. генеральному уполномоченному в Минске, без излишней предвзятости критикуя деятельность

эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД, действовавших на его территории, в связи с умерщвлением еврейского населения:

«27 октября 1941 г. утром примерно в 8 часов обер-лейтенант полицейского батальона № 11 посетил меня и представился адъютантом командира батальона полиции безопасности. Обер-лейтенант пояснил, что полицейский батальон получил задание провести ликвидацию всех евреев в городе Слуцке в течение двух дней. Сюда направлен батальон численностью в четыре роты, две из которых были сформированы из литовцев, и операция должна начаться немедленно. Я ответил обер-лейтенанту, что должен, во всяком случае, обсудить этот вопрос сначала с командиром батальона. Примерно через полчаса полицейский батальон прибыл в Слуцк. Немедленно по прибытии батальона я разговаривал с командиром(...)».

«Что касается самого проведения этого мероприятия, я должен с глубоким сожалением заметить, что оно граничило с садизмом. В течение этих действий город являл собой ужасную картину. С неопишуемой жестокостью со стороны офицеров немецкой полиции и особенно литовцев евреев, а также белорусов выгоняли из их жилищ и сгоняли вместе. В городе повсюду слышались выстрелы, и на улицах валялись груды трупы расстрелянных евреев. Белорусы безуспешно пытались вырваться из окружения. Помимо того, что с евреями, среди которых были также и торговцы, обращались с ужасающей жестокостью в присутствии белорусов, последних избивали резиновыми дубинками и прикладами ружей. Это были уже действия не только против евреев. Это выглядело, скорее, как стихийное бедствие...»

9. «Зондерштаб-Р»,

«Боевой союз русских националистов»

В 1942 г. для борьбы с советским партизанским движением и для создания антисоветского «партизанского» движения в советском тылу был создан «специальный штаб «Россия» («Зондерштаб-Р»): эту структуру возглавил Борис Алексеевич Смысловский белоэмигрант и бывший офицер царской армии.

Б.А. Смысловский: родился в семье офицера. После окончания кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища поступил на службу в гвардейскую артиллерию. С 1915 г. поручик Смысловский принимает участие в мировой войне, после окончания которой в чине штабс-капитана уходит со службы, женится на польской

подданной, принимает польское гражданство и живет в Варшаве. В 1928 г. он переезжает в Германию, где поступает на высшие курсы Академии генштаба Рейхсвера и принимает деятельное участие в работе польского отдела РОВС, где занимает должность начальника штаба варшавского отдела под руководством генерала Трусова. В начале войны на Востоке Смысловский был принят немцами на службу в качестве зондерфюрера, переводчиком отдела 1Ц (разведка) штаба группы армий «Север» под псевдонимом «фон Регенау». В июле 1941 г. он создал при штабе этой группы армий «1-й русский зарубежный учебный батальон», который находился под опекой штаба «Валли». Батальон создавался как база для развертывания других русских разведывательных подразделений и частей. В течение 1941—1942 гг. на его базе были развернуты 12 русских батальонов,

объединенных в так называемую «северную группу». Кадры в батальон подбирались из военнопленных. Помимо набора из лагерей, кадры для Смысловского поставляла Варшавская разведшкола абвера.

В марте 1942 г. при штабе «Валли» был сформирован «Зондерштаб-Р» — специальное отделение для ведения борьбы с партизанским движением, а также для ведения разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Спецштаб находился в непосредственном подчинении начальника «Валли-1» майора Бауна. Его адрес: Варшава, ул. Хмельная, дом 7 (позднее улица Н. Свет, дом 5) был легендирован

вывеской «Восточная строительная фирма «Гильген». Начальником «Зондер-штаба» был назначен зондерфюрер (майор) Смысловский. В 1943 г. он подполковник и полковник. Заместителем начальника «Зондер-штаба-Р» был М.М. Шаповалов. Его биография заслуживает внимания.

Михаил Михайлович Шаповалов: родился в 1898 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА— с 1918 г. Командир эскадрона, временный командир полка. Учился на Харьковских кавалерийских курсах, в Киевской высшей педагогической военной школе, в Московской высшей военно-химической школе РККА, на

химических курсах командного состава РККА. С 1932 г.— начальник химической службы Владивостокского Ура (Укрепрайона), майор в 1936 г., а с 27 августа 1937 г.— полковник. В этом же году он— начальник штаба Владивостокского УРа. Осенью 1937 г. арестован НКВД и провел в заключении восемь месяцев. После освобождения— начальник артиллерийской школы в Севастополе. В 1939—1941 гг.— слушатель ВАФ. С августа 1941 г. командир стрелковой дивизии под Феодосией, затем моторизованной группы под Керчью. 2 июня 1942 г. назначен заместителем командира 1-го отдельного стрелкового корпуса особой армии, 2 июля— командиром корпуса. 30 июля корпус переброшен

на Кубань и в начале августа разбит под Армавиром. 14 августа сдался в плен (1 октября постановлением СНК СССР присвоено воинское звание генерал-майор).

Всю практическую работу «Зондерштаб-Р» проводил через межобластные резидентуры, имевшие наименование «разведывательно-резидентские области». Вся оккупированная советская территория делилась до июля 1943 г. на пять, а позднее— на четыре области. На Украине, в Белоруссии, в Крыму, в Прибалтике, в Ленинградской области областные

и районные резидентуры создавались в местах активной деятельности партизанских отрядов и действовали под прикрытием различных хозяйственных организаций— дорожных и строительных отделов, заготконтор и т.д.

Через сеть информаторов и разведчиков из местных жителей резидентуры вели работу по выявлению дислокации партизанских отрядов, их руководящего состава, численности партийной прослойки, наличия работников НКВД, средств связи, районов действий, баз снабжения и вооружения. С целью разложения и склонения партизан к переходу на сторону немцев резидентуры внедряли агентов в состав партизанских отрядов.

3-й отдел (пропаганда) «Зондерштаб-Р» в 1942—1943 гг. возглавлял председатель польского отдела Народно-трудового союза (НТС) А.Э. Вюртлер. За попытку создать «третью силу» его убили двумя выстрелами в затылок по приказу (возможно) Смысловского.

* * *

В марте 1942 г. в лагере военнопленных в Сувалках возникла «антибольшевистская организация» военнопленных «национальная партия русского народа». 25 человек «организации» возглавил бывший подполковник Красной армии Владимир Владимирович Гиль— начальник штаба стрелковой дивизии, попавший в плен при обороне Минска.

В апреле 1942 г. организация (название партии поменялось на «Боевой союз русских националистов» (БСРН) попала в поле зрения разведывательно-диверсионного органа VI управления РСХА. После установления «опеки» все члены БСРН были переведены в предварительный лагерь «Цеппелина», размещавшийся на территории концлагеря «Заксенхаузен». В то же время был создан центр БСРН. Он разделялся на четыре отдела: разведки и контрразведки, по военным делам, по партийным делам и работе с молодежью, агитации и пропаганды. Центру БСРН были подчинены территориальные центры, располагавшиеся во всех оккупированных областях Советского Союза и в лагерях военнопленных.

К июню 1942 г. в Берлине было сформировано боевое подразделение «1-й русский национальный отряд СС», или «Дружина №1», численностью около 500 человек под командованием Гиля, взявшего псевдоним Родионов. Отряд состоял из трех рот (по 100 человек) и подразделений обслуживания. Первая рота была укомплектована бывшими офицерами РККА и использовалась как резерв для развертывания других подразделений. Личный состав был одет в чешскую униформу, знаки различия были аналогичны войскам СС, однако погоны были собственного образца, на обшлагах мундиров офицерского состава имелась черная лента с надписью: «За Русь!» На вооружении насчитывалось 150 автоматов, 50 ручных и станковых пулеметов, 20 минометов. «Дружина» базировалась в г. Парчев, где в его лесном массиве провела антипартизанские операции, в том числе против

скрывавшегося еврейского населения. В ходе операции было уничтожено до полутора тысяч человек.

«Дружина №1» находилась в оперативном подчинении эйнзатцгруппы «Б» полиции безопасности и СД, по заданию которой несла охрану коммуникаций, а уже в середине августа была переброшена под Смоленск, разместившись близ старого Быхова. В марте 1943 г. прибыла в белорусское местечко Лужки. В то же время в особом лагере СС около Люблина была сформирована «Дружина №2» численностью 300 человек во главе с бывшим капитаном РККА А. Блажевичем (Базевичем). В марте 1943 г. две «Дружины» были объединены в Лужках в «1-й русский национальный полк СС», командиром которого стал Гиль-Родионов, а начальником штаба — Блажевич. После пополнения полк

насчитывал 1200 человек (в том числе 150 офицеров). Полк имел на вооружении 60 орудий, 95 пулеметов, 18 минометов и свыше 200 автоматов. Начальником контрразведки полка стал П.В. Богданов.

В мае 1943 г. за счет местной молодежи, дезертиров из партизанских отрядов и пленных, влившихся в строй, полк был развернут в «1-ю русскую национальную бригаду СС». В бригаде находились 10—12 немецких офицеров СС. В августе 1943 г. партизаны установили контакт с командиром бригады, который обещал перейти на сторону партизан. После переговоров 16 августа части бригады уничтожили немецкий штаб, атаковали части в Докшицах и узловую железнодорожную станцию Крулевщина. 2200 «дружинников» присоединились к партизанам. Из них была образована «1-я антифашистская партизанская бригада». Эта бригада в течение 11 месяцев вела ожесточенные бои с немцами. Сам Гиль-Родионов 14 мая 1944 г. получил тяжелое ранение и скончался. «Боевой союз русских националистов» продолжал существовать, однако был скомпрометирован и вскоре исчерпал себя.

10. Украинские националисты:

Бандеровцы, Мельниковцы, Бульбовцы

Украинская повстанческая армия (УПА) была создана бандеровцами в марте месяце 1943 г. В ее состав также вошла ранее созданная оуновцами украинская полиция «Шуцманшафт». Немцы всегда знали стоянки УПА, но мер к ее уничтожению не принимали. Они создавали видимость борьбы с УПА, ну а фактически боролись против мирного населения. В то же время УПА вела активную борьбу против партизанских отрядов.

УПА состояла из куреней (батальонов) численностью до 500 человек. Курень состоял из следующих подразделений:

- 3 стрелковых сотни (70—80 человек каждая);
- взвод тяжелых пулеметов;
- взвод противотанковых пушек;
- взвод снабжения;

- санитарное отделение;
- отделение полевой жандармерии;
- взвод штабной разведки.

По некоторым источникам, в северной и южной группах УПА насчитывалось до 15 000 человек. Состав УПА подразделялся на командный состав (члены ОУН), добровольцев и мобилизованных (60%). Весной 43-го центральный провод бандеровцев получил задачу от немцев очистить западные области Украины от поляков. Оправданием террору стало утверждение: «поляки— исконные враги украинцев, и они препятствуют созданию самостоятельной Украины».

Только в течение мая—июня 1943 г. от рук бандеровцев в Ровенской области погибло несколько тысяч поляков. Спасая жизнь, поляки из сельской местности бежали в города под защиту немцев, а последние в свою очередь предложили выбор: возвращаться обратно в села или ехать в Германию на трудовые работы. Неудивительно, что поляки выбрали последнее.

Кроме того, бандеровцы занимались уничтожением советских военнопленных и советского актива. Таким образом, они стремились ликвидировать резерв советских партизанских отрядов. А еще бандеровцы буквально охотились за евреями, которым удалось укрыться от немцев. Бандеровцы развернули (инсценированную) диверсионную деятельность против немцев. Они уничтожали деревянные мосты в се-

лах и на проселочных дорогах, грабили госхозы, угоняли скот и т.д. В ответ немцы применяли к населению репрессии, вызывающие лишь недовольство политикой националистов. Соответственно подавлялись и антибандеровские настроения.

С освобождением Красной армией западных областей Украины часть бандеровцев ушла с немцами, а часть была оставлена на советской территории для подрывной работы.

В каждом районе для организации террористических актов были созданы группы боевиков в количестве 8—12 человек, вооруженных автоматами, гранатами и обязательно 1—2 ручными пулеметами. Участники УПА получили указания остаться в тылу Красной армии, а затем выйти из леса и поднять восстание.

Мельниковцы на оккупированную немцами территорию прибыли с опозданием, и с первых же дней на местах между ними и бандеровцами началась борьба за руководящие посты в немецких учреждениях. В результате первым удалось захватить в некоторых областях и районных центрах под свое влияние ряд учреждений и организаций.

Вся работа мельниковского провода ОУН проводилась через (группы) Просвиты. Через Просвиту мельниковцы проводили среди населения националистическую агитацию и под прикрытием ее вербовали новых членов ОУН из лиц украинской национальности,

подвергавшихся в прошлом репрессиям со стороны советской власти. Занимая руководящие посты в редакциях унифицированных газет в оккупированных областях Западной Украины, мельниковцы помещали на их страницах программные антисоветские статьи, популяризировали фашистскую расовую теорию и украинский шовинизм, призывали украинскую молодежь вступать в ряды украинских дивизий СС и т.д.

Если мельниковцы, как старая формация украинских националистов, стремилась завоевать самостоятельную Украину с помощью немцев на договорных началах с последующим установлением на территории Украины демократического строя, то бандеровцы, как представители новой формации, исходили из принципа: Украина только для украинцев. Они считали, что население неукраинской национальности, находящееся на территории Украины, должно быть уничтожено.

Немцы умело использовали в своей игре и тех и других, сначала пообещав «самостийну» Украину, а потом просто высмеяли эту идею, заявив, что Украина является колонией Германии.

Не имея сил для борьбы с бандеровцами и потеряв веру в Германию, мельниковцы стали искать новых союзников и выступать против немцев. Весной 43-го среди них начались аресты, после чего мельниковцы ушли в подполье и соединились с бульбовцами.

Сразу после оккупации Ровенской области в городе Ровно к немецким властям явился Тарас Боровец с предложением ликвидировать отдельные группы Красной армии и оставшихся в лесистых и болотистых местах Полесья советских партизан.

Получив соответствующее разрешение и материальное обеспечение, он начал формировать из населения Полесья так называемых полищуков, отряды под названием «Полеська сич», а себе присвоил псевдоним «Тарас Бульба». До весны 1942 г. бульбовцы совместно с частями немецкой армии ликвидировали несколько мелких советских подразделений. Создав отряд численностью до 3000 человек, Бульба решил увеличить

его, вооружить и одеть за счет немцев, а потом уйти от них. Дело в том, что осенью 1942 г. националисты убедились в том, что планы о создании самостийной Украины— это самый настоящий блеф.

Немцы, почуяв неладное, предложили Бульбе сдать оружие и распустить «Сичу», но тот уклонился от выполнения приказа и со своими отрядами ушел в леса. Теперь его стали преследовать, и Бульба вступил в борьбу на два фронта: с партизанами и с немцами.

Положение его ухудшалось. Тогда он обратился к командованию одного из партизанских соединений, действовавших в районе расположения бульбовцев, с предложением организовать совместную оборону против немецких карательных отрядов и не нападать друг на друга. Предложение было принято, и до начала 1943 г. партизаны и бульбовцы не трогали друг друга.

Узнав об этом, немцы пытались привлечь Бульбу на свою сторону и в конце 1942 г. два раза вели с ним переговоры, но успеха не имели. Бульба называл себя демократом и ставил задачу создания «единого народного фронта» против немцев и большевиков. Конечной целью борьбы бульбовцы называли создание «Украинской народной демократической республики». Для этого Бульба стремился объединить все основные националистические течения, существовавшие на Украине. После воссоединения мельниковцев с бульбовцами УПА (бульбовская) была переименована в УНРА (Украинская народная революционная армия). Немцы решили ликвидировать бульбовские отряды. Для этого они спровоцировали столкновение между ними и партизанами. Организовав казацкие отряды из военнопленных, они послали их под видом партизан нападать на бульбовские отряды. После одного из таких кровопролитных столкновений «бульбовцы» нарушили договоренность и выступили против партизан. Одновременно с провокацией немцы дали указание ОУН (бандеровцам) начать борьбу против бульбовцев. Так весной 1943 г. бандеровский провод ОУН дал приказ УПА разоружить и ликвидировать бульбовцев. Бульба не согласился сложить оружие, после чего началась борьба между бульбовцами и бандеровцами. Бульба выступил против этой борьбы, называя ее братоубийственной, и предложил бандеровцам прекратить между собой «борьбу и объединиться для совместной борьбы с немцами и советскими войсками за «самостийну» Украину.

Для руководства вооруженными силами Бульба предлагал создать военный политический совет, в состав которого должны были войти представители от Бульбы и бандеровского провода. Бандеровцы согласились вести переговоры. Летом 1943 г. в с. Даничевка Межиричского района переговоры состоялись. В первый день соглашения были достигнуты, но на второй день, когда должно было быть принято и подписано окончательное

решение, бандеровцы на конференцию не явились. Борьба продолжалась.

В связи с разгромом немецких армий летом 1943 г. и успешным продвижением Красной армии на запад Бульба 5 октября 1943 г. издал приказ № 105, в котором говорилось: «1. Везде, где возможны стычки с преобладающими силами красных или фашистско-бандеровских партизанских отрядов, отделы УНРА расформировать и перейти в подполье..»

В связи с приближением фронта к западным областям Украины Бульба в конце декабря 1943 г. выехал через Варшаву в Женеву, а на освобожденной территории практически сразу же появилась тенденция к объединению бульбовцев с бандеровцами. Немцы ушли, а «российский враг» так и остался!

11. Выводы

В одном из вариантов доклада Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецких захватчиков указывалось, что за время войны было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, сожжено более 70 тыс. сел и деревень, взорваны и приведены в негодность 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожных путей, опустошено около 100 тыс. колхозов и совхозов, тысячи МТС. 25 млн человек не имели крова, ютились в землянках, сараях, подвалах. Десятки миллионов голов скота было угнано или уничтожено. Прямой ущерб, нанесенный фашистской Германией, составляет 700 млрд рублей в довоенных ценах. Страна потеряла 30% национального богатства. И это было еще не все. Пройдут десятилетия, и наш народ узнает истинные или почти истинные цифры потерь.

Общие прямые людские потери страны за все годы войны оцениваются почти в 27 млн человек.

Более 70 млн человек проживало на оккупированной территории. А ведь по данным переписи 1940 г. численность населения СССР достигала 194,1 млн человек, в народном хозяйстве было занято 33,9 млн человек рабочих и служащих и 29 млн колхозников.

С временно оккупированной территории было насильно угнано на работы в Германию около 5 млн человек, более 4 млн солдат и офицеров Красной армии находились в немецком плену.

Тем не менее тяжелейшая изнурительная война, невероятные испытания, миллионы жертв и еще миллионы изломанных человеческих судеб не сломали наш народ, не отняли у него надежду и веру в победу. Он нашел в себе силы подняться и уничтожить заклятого врага. Еще весной 1941 г. Гитлер провозглашал: «Немецкая империя и ее союзники представляют такую силу, которую не могут превзойти любые коалиции мира. Немецкие вооруженные силы постоянно будут вмешиваться в ход событий тогда и там, когда и где это будет необходимо».

Он же уверял: «Для немецкого солдата нет ничего невозможного!», и его самоуверенность дорого обошлась советскому народу. Горькие поражения лета 1941 г., отчаяние и безнадежность первых месяцев войны лишь закалили волю к победе. Для этого в ход шло все: и массовый террор, и опора на мощь народного патриотизма, на церковь, на национальное самосознание и на великих людей нашей истории: Невского, Донского, Минина, Пожарского, Суворова, Кутузова. Все это было. Но было и сотрудничество граждан Советского Союза с оккупантами: экономическое, социальное и военно-политическое, масштабы которого и по сей день мало изучены и неизвестны. При этом снова можно говорить о некой «пятой колонне» на оккупированной территории.

О «пятой колонне» из трусов, предателей, уголовников и людей случайных, которые, находясь между жизнью и смертью, между голодом и элементарной сытостью, выбирали самое спасительное для себя в той ситуации, в которой они оказались волею судьбы.

Единственным исключением здесь можно считать украинских и прибалтийских

националистов, которых было немного и с которыми пришлось воевать и после окончания войны.

Таким образом, если до начала войны на Востоке основной средой вербовки для военных организаций абвера были русские белоэмигранты и участники антисоветских и националистических формирований, то с ее началом для разведывательных команд и групп на Восточном фронте вербовка производилась, как правило, из военнопленных. При этом предпочтение отдавалось репрессированным, антисоветски настроенным лицам, перебежчикам, имевшим родственников на оккупированной территории, и военнослужащим, добровольно давшим ценные показания на допросах.

Незначительный процент составляли антисоветски настроенные граждане, оставшиеся на оккупированной территории.

Ставка на бывших военнопленных делалась не случайно. В абвере полагали, что из них легче подготовить агентуру и внедрить ее в советские части. Например, вот что сообщалось в ориентировке управления НКВД по Свердловской области о заброшке на территорию ряда областей Урала немецкой агентуры:

«Агентура вербуются немцами из числа пленных красноармейцев, лиц, оказавшихся на территории временно занятой немцами, перебежчиков, бывших заключенных и т.д.

Лица, побывавшие в плену у немцев и освобожденные из плена, поголовно вербуются ими: одни под угрозой расстрела и издевательств, другие с использованием их враждебного отношения к советскому строю (кулаки), бывшие заключенные, дети репрессированных органами НКВД и др.».

То же самое касается и лиц сугубо гражданских. При вербовке в полицию и вспомогательные подразделения в первый период войны немцы отдавали предпочтение лицам, пострадавшим от репрессий, антисоветскому элементу, уголовникам. Впоследствии чаще использовались военнопленные и молодежь, не желающая выезжать в Германию. Из задержанных немцами партизан, разоблаченных агентов парашютистов также вербовалась агентура— для уничтожения советских партизанских отрядов и подполья.

Следовательно, категория бывших военнопленных была одной из самых многочисленных категорий, привлекаемых и используемых оккупантами в целях так называемого сотрудничества. В служебных указаниях рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга для инспекционной комиссии по делам военнопленных 23.09.41 г. говорилось:

«3. Установление возможности к освобождению или, вернее говоря, к использованию на работе каждого выявленного политически благонадежного представителя следующих определенных групп: а) фольксдойче; б) финны и карелы; в) народы балтийских стран; г) белорусы; д) украинцы; е) румыны, болгары (предложение по освобождению распространяется на казаков. Освобождение кавказских и туркестанских народностей предвидится позже)».

С 25 июля по 13 ноября 1941 г. немцы освободили 318 770 человек (в том числе 277 760 украинцев). В 1942—1944 гг. из плена было освобождено 823 230 лиц, вступивших в добровольные охранные и другие формирования, в полицию.

По советским источникам на службу в строевые части вооруженных сил Германии поступило около 250 тыс. советских граждан, считая уроженцев Прибалтики и Западной Украины. Около 150 тыс. из них были советскими военнопленными, остальные— жителями оккупированной территории СССР.

Так или иначе, но сотни тысяч советских людей сотрудничали с немцами. Однако большая часть из них была ненадежной для Германии. Их сводили в роты и батальоны, им не

доверяли, их использовали на второстепенных ролях, и при этом их эффективность была низкой. Но самое главное, что так называемая «пятая колонна» на оккупированной территории была малочисленной.

Во-первых, даже если допустить, что на стороне Германии оказалось в общей сложности около 1 млн советских граждан, то нельзя не учитывать, что этот миллион невозможно реально противопоставить более 1 млн партизан (в годы войны в тылу врага насчитывалось более 6 тыс. партизанских отрядов), почти 34,5 млн всех надевавших в течение войны армейские шинели соотечественникам.

Во-вторых, общая суммарная цифра недовольных советским режимом должна была бы быть огромной. Около 1 млн 200 тыс. раскулаченных крестьян было выслано вместе с семьями в отдаленные районы страны на стройки Сибири и Крайнего Севера.

В ходе раскулачивания более полумиллиона крестьян было приговорено к различным срокам заключения. Даже на 1 января 1949 г. на учете состояло 2 300 223 спецпереселенца. Еще тысячи казаков были физически уничтожены в рамках «расказачивания», а многие эмигрировали.

Репрессии против духовенства, открытый террор против религии и церкви должны бы были столкнуть на сторону врага еще миллионы верующих советских граждан. Только в 1937 г. было репрессировано 136 900 человек православного духовенства, из них расстреляно 85 300.

Количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГА НКВД в 1941 г. достигало 1 929 729 человек. В ИТЛ находилось 1 500 524 и в колониях 429 205 человек. Из них 420 293 (28,7%) заключенных за контрреволюционные преступления.

На 20 июня 1941 г. в тюрьмах НКВД СССР содержалось 317 183 заключенных, всего более 2 млн заключенных и т.д. Миллионы, миллионы недовольных, обиженных советской властью, могли бы оказаться на стороне Гитлера в «пятой колонне» и активно, подчеркиваю, очень активно бороться против Сталина, советского строя и т.д. Но ничего этого не было. Гитлер довольствовался малым, а его представители на местах чаще прибегали к принудительке, обману, угрозам и т.п.

В-третьих, сотрудничество советских военнопленных и советских граждан с немецкой разведкой, как и вообще все сотрудничество в целом, было мало эффективным по ряду причин. Рассмотрим некоторые примеры.

21 ноября 1941 г. красноармеец Клубков Василий Андреевич (1923 г.р.) в составе группы разведчиков, красноармейца Крайнова и Космодемьянской Зои получил задание отправиться в деревню Петрищево Дороховского района и поджечь квартиры, в которых был расквартирован немецкий батальон. В ночь с 21 на 22 ноября они перешли линию фронта и в течение четырех суток пробирались к намеченному объекту. В 2—3 часа 27-го Клубков подошел к дому, разбил бутылку с «КС» и бросил, а когда она не загорелась, увидел немцев, струсил и убежал в лес. Там его и задержали. На допросе он все рассказал и выдал своих товарищей.

Утром 27 ноября Клубкова отправили в г. Можайск, где поместили в доме с группой 30 человек, а 11 декабря 1941 г. всех отправили в Смоленск, куда они добирались несколько дней. Конечным пунктом стал Красный Бор. В этом местечке недалеко под Смоленском обучение проходили 500 человек бывших заключенных, детей раскулаченных и большая часть военнопленных. С 20 декабря по 3 января 1942 г. курсантов учили собирать сведения о расположении и вооружении частей Красной армии, штабов и складов с боеприпасами. Два часа шла лекция, потом немецкий офицер задавал контрольные вопросы, а в конце занятия два человека отрабатывали практическое упражнение.

3 января 1942 г. Клубкова сфотографировали, заполнили на него анкету и сделали оттиски всех пальцев. На следующий день Клубков дал подписку работать на благо непобедимой германской армии. Подписка была заготовлена на бланке, а он только вписал свою фамилию, имя, отчество и другие биографические данные. Задание было следующим: немедленно после перехода линии фронта собрать самые детальные сведения о наступающих частях Красной армии в Борятинском районе, затем передать их агенту, после чего явиться в разведотдел Западного фронта и заявить, что был в плену после поджога деревни, из которого удачно бежал. Далее в разведотделе собирать сведения о диверсионных группах, а затем с одной из них перейти линию фронта и сдать немцам.

7 января 1942 г. Клубкова вместе с другими агентами перевезли на крытой грузовой машине до поселка Ерши, а через линию фронта они перешли самостоятельно и разошлись. По дороге Клубкова задержали, допросили и в этот же день направили под конвоем в штаб дивизии, где снова допросили, а затем в составе 28 человек направили на пересыльный пункт в г. Козельск. 20 января они туда прибыли, а уже 1 февраля поездом выехали на формиловочный пункт в Москву. В столице Клубков встречает знакомого по работе в разведотделе Западного фронта, куда и является. 28 февраля его задерживают сотрудники особого отдела НКВД, а 3 апреля 1942 г. военный трибунал Западного фронта приговорил предателя к расстрелу.

Петр Иванович Шило (1909 г.р.), бухгалтер в стройтресте Саратова, был арестован за растрату государственных денег в 1932 г. Из-под стражи бежал, но на свободе снова попался за растрату в 1934 г. и снова бежит. В 1936 г. его судят за растрату в третий раз, и снова — побег. В 1939 г. по фиктивным справкам он получает документы на Петра Ивановича Таврина. 14 августа 1941 г. его призывают в армию. Весной 1942 г. Таврина опознали под старой фамилией и на следующий день должны были доставить в особый отдел дивизии. Но 30 мая, находясь в дозоре, Таврин переходит линию фронта и сдается немцам.

На допросе он заявил, что является сыном полковника царской армии. Сначала его содержали в лагерях для военнопленных на оккупированной территории, а затем перевезли в Германию, где в течение года тщательно проверяли на агентурной работе среди военнопленных. В июле 1943 г. он взят на особый учет и вербуются ответственным сотрудником Главного управления имперской безопасности для выполнения специальных, особой государственной важности акций. В конце сентября 1943 г. из Берлина Таврина направляют в Псков, в распоряжение начальника главной команды «Русланд-Норд», где готовят к убийству И.В. Сталина. Об этой подготовке и не состоявшейся акции писали и говорили много, но я хотел бы остановиться на некоторых деталях, характерных для уровня подготовки всех завербованных агентов из числа военнопленных и советских граждан, из «преданности» Великой Германии.

Так, приземлившись не в том месте, где предполагалось первоначально, Таврин буквально заблудился и не мог найти дорогу для выхода на основной маршрут на Москву. Более того, ни он, ни его спутница не смогли показать на карте маршрут, по которому они якобы ехали. Они просто не ориентировались на местности. Когда же Таврина арестовал начальник райотдела НКВД, он даже не сопротивлялся, хотя в рукаве имел специальное оружие, заряженное снарядом, пробивающим броню, а за поясом несколько пистолетов. Таврин просил только об одном — скорее доставить его в Москву. Он знал цену жизни и, судя по всему, не собирался убивать товарища Сталина... Без комментариев.

В июле 1942 г. эвакуированный в Челябинскую область из станицы Тимашевской Краснодарского края дезертир Красной армии Никулин А.И. (1913 г.р.), уроженец г. Керчи, был арестован и трибуналом войск НКВД осужден к 7 годам лишения свободы, но в результате спецразработки было установлено, что настоящая фамилия Никулина — Дудченко. В октябре 1941 г. его призвали в армию в г. Керчино в связи с приближением немецких войск на сборный пункт он не явился и остался в городе. Вскоре при немцах через своего старого

знакового по уголовному прошлому, работавшему в полиции, Никулин стал агентом гестапо и выявлял оставшихся в Керчи коммунистов и советских активистов. Так с 16 ноября по 31 декабря 1941 г. он предал семь человек, впоследствии расстрелянных немцами, а также лично принимал участие в расправе над советскими гражданами, в истреблении детей тех родителей, которые расстреливали немцы.

Во время отступления немецких войск из Керчи в декабре 1941 г. Никулин-Дудченко был оставлен гестапо с заданием вести в советском тылу агитацию. Однако вся его деятельность заключалась в спасении собственной шкуры. Правда, после разоблачения его все равно расстреляли.

Только с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г. истребительные батальоны центральных областей РСФСР, Украины, Белоруссии, республик Северного Кавказа и Закавказья совместно с органами безопасности захватили и обезвредили более 8300 агентов и диверсантов.

А всего в годы войны было разоблачено и обезврежено 60 тысяч шпионов и 15 тысяч диверсантов.

В-четвертых, нацистские зверства, которые охватили все оккупированные районы СССР, не могли не сказаться и на настроениях тех, кто сотрудничал с немцами добровольно или по принуждению. Нельзя забывать, что у них были тоже отцы и матери, жены и дети,

братья и сестры. Только в Литве каратели из полицейских батальонов убили около 40 тыс. человек. В Латвии фашисты истребили 39 835 детей. В Эстонии гитлеровцы с помощью местной полиции расстреляли 58 167 мирных жителей.

В одной Риге было казнено 35 тыс. человек, а в Киеве фашисты убили 195 тыс. Считается, что число жертв четырех оперативных групп за время их действия на территории СССР составляет 750 тыс.

В-пятых, провал блицкрига фашистской Германии явился причиной смены воодушевления от краткого успеха на подавленное настроение. Крушение иллюзий под Москвой и Сталинградом, голод, холод и страх, тяготы войны коснулись и тех, кто предал свою Родину. А ведь Гитлер надеялся, что после первых ударов, которые он нанес в 1941 г., многонациональный Советский Союз развалится. Но он не только не развалился, а еще больше сплотился.

Уже в 1942 г. немцы отбирали в лагерях для военнопленных людей в различные национальные легионы (роты, батальоны): грузинский, армянский, туркестанский, кавказский, прибалтийский и др. Однако результаты этих усилий оказались плачевными. Легионеры были людьми и воинами ненадежными, так как стремились прежде всего

выживать или бежать к своим. Немцы особенно рассчитывали на легионы, сформированные в Прибалтике, но и их использовали в основном как вспомогательные

формирования: для охраны объектов, дорог, патрулирования и карательных операций.

В отличие от легионов, полиция была настроена более антисоветски, так как в ней служили чаще уголовники и обиженные советской властью. Полиция всегда находилась на пике борьбы с партизанами и советским подпольем. Но и ее настроение менялось в зависимости от обстановки на фронте. Разложению надежных полицейских частей нередко способствовали сами немецкие власти. Так в городе Севске Брянской области поступавших в полицию освобождали от обязательных хлебопоставок и уплаты налогов. Когда же в декабре 1942 г. бургомистр Севска издал приказ о необходимости исполнения служащими полиции повинностей, полицейские крупных сел бросили оружие и отказались от несения службы, а шесть полицейских ушли к партизанам. Притоку перебежчиков способствовали агитация партизан, подпольщиков, а также издевательства немцев. При освобождении оккупированной территории войсками Красной армии бывшие полицейские предпочитали сдаваться партизанам или затеряться среди населения. Особо «отличившиеся» уходили с «хозяевами».

От обстановки на фронте зависела боеспособность и так называемых вспомогательных батальонов и рот. Из них бежали так же, как и из легионов. В 1943 г. войсками НКВД по охране тыла Действующей Красной армии в процессе очистки территории, освобожденной от противника, и при несении службы по охране тыла фронтов было задержано для проверки 931 549 человек (в том числе военнотружущих 582 515 человек, гражданских лиц — 349 034 человек).

Из общего количества задержанных было разоблачено и арестовано 80 296 человек (агентура, изменники, предатели, каратели, дезертиры, мародеры и прочий преступный элемент).

С окончанием Великой Отечественной войны борьба с бандитизмом не прекратилась. Так 12 апреля 1946 г. И.В. Сталину докладывали, что только за март месяц 1946 г. в западных районах Украины было ликвидировано 8360 бандитов, а в Литовской ССР было уничтожено 145 бандитов, 75 явились с повинной, 1500 было задержано. За месяц в республике зафиксировали 122 бандитских проявления. Потери актива и бойцов МВД, МГБ и Красной армии составили 215 человек. Продолжались вооруженные столкновения в Белоруссии, Латвийской, Эстонской республиках.

Недаром одним из основных недостатков в деятельности органов безопасности во время Великой Отечественной войны считалась недооценка руководством реальных угроз от сепаратистской деятельности националистических бандформирований в западных областях Украины и Белоруссии, в Прибалтике, Молдавии и на Северном Кавказе, что в последующем создало для самих органов немалые трудности.

Глава 3.

«Власовское движение», или Как все начиналось

Сталин не верил, что Власову удастся сделать что-то серьезное у немцев, но сейчас он понимал: вслед за объявлением о создании РОА («Русская освободительная армия») следует ждать других формирований национального характера. И он не ошибся.

Д.А. Волкогон

1. Работа с Власовым

14 июля 1942 г. пленного генерал-лейтенанта А.А. Власова немцы доставили на автомашине на станцию Сиверская. Сам командующий 18-й армией генерал-полковник Линдемманн решил лично встретиться с теперь уже бывшим противником. Сначала Власова допрашивал полковник немецкого генерального штаба, фамилия которого так и осталась для истории неизвестной. Немца интересовал боевой состав Волховского фронта со слов самого командующего 2-й ударной армией. После ответа на заданный вопрос Власов дал оценку командующему фронтом генералу Мерцкову и командующему 52-й армией генералу Яковлеву. Вот как он охарактеризовал последнего: «Хороший военный работник, однако недоволен своим применением. Личность частых переходов. Известен как пьяница...»

Между тем Андрей Андреевич, стараясь отвечать на вопросы подробно, к сожалению, даже не знал, кто командовал 4-й армией Волховского фронта. А ведь он был прежде всего заместителем командующего фронтом, занимая должность командарма по совместительству.

Вот выдержка из протокола допроса А.А. Власова:

«Причина неудачи отхода— крайне плохое состояние дорог (разлив), очень плохое снабжение продовольствием и боеприпасами. Отсутствие единого руководства 2-й ударной, 52-й и 59-й армиями со стороны Волховского фронта. О том, что прорванное кольцо окружения вновь замкнуто немецкими силами, 2-й ударной армии стало известно лишь через два дня — 30.5.

После получения этого известия генерал-лейтенант Власов потребовал от Волховского

фронта открытия немецких заслонов 52-й и 59-й армиями. Кроме того, Власов передвинул все находящиеся в его распоряжении силы 2-й ударной армии в район восточнее Кречно, чтобы открыть с запада немецкий заслон. Генерал-лейтенанту Власову совершенно непонятно, почему со стороны штаба фронта не последовало всем трем армиям общего приказа о прорыве немецкого заслона. Каждая армия боролась более или менее самостоятельно. Со стороны 2-й ударной армии 23.6 было сделано последнее напряжение сил, чтобы пробиться на восток. Одновременно для прикрытия флангов пришли в движение с севера и юга части 52-й и 59-й армий. 24.6 уже было невозможно руководство частями и подразделениями 2-й ударной армии, и 2-я ударная армия распалась на отдельные группы. Генерал-лейтенант Власов особенно подчеркивает уничтожающее

действие немецкой авиации и очень высокие потери, вызванные артиллерийским заградительным огнем. Как полагает генерал-лейтенант Власов, при прорыве из всей ударной армии вышло около 3500 раненых и пробились незначительная часть отдельных частей.

Генерал-лейтенант Власов считает, что около 60 000 человек из 2-й ударной армии либо взяты в плен, либо уничтожены. О численности частей 52-й и 59-й армий, находившихся в Волховском котле, он сообщить данных не мог...»

В дальнейшем мы вернемся к этому разговору, опираясь на факты и хронику событий.

Следующие вопросы немецкого полковника затрагивали призывные возраста, новые формирования Красной Армии и их районы, оборонную промышленность, продовольственное положение, иностранные поставки, оперативные планы, новое советское оружие, отношение в СССР к семьям перебежчиков. Немцев интересовали даже слухи об обращении с русскими военнопленными в Германии, положение в Ленинграде. Был затронут вопрос и об известных советских военачальниках.

К сожалению немецкой стороны, а может и самого Власова, Андрей Андреевич знал не очень много. Он, безусловно, старался, но, увы, его положение в Красной армии было еще не очень значительным, чтобы много знать. К тому же он долгое время находился в

окружении. И тем не менее немцы оценили его старания. А вот разговор, по мнению автора книги «Генерал Власов: путь предательства» Юлия Квицинского, с Линдемманом не клеился. «Разложив на столе карту, Линдемман самодовольно водил по ней пальцем, рассказывая Власову, как он его разбил и почему иначе и быть не могло. За его внешней предупредительностью, вежливостью и даже участием Власов чувствовал не только внутреннее ликование, но и надменное превосходство человека из высшего общества над генералом-простолюдином».

Георг Линдемман был старше Власова на 17 лет (родился в 1884 г.). Когда Андрею Андреевичу было всего 3 года (1904), Линдемман получил первый офицерский чин. Первую мировую Георг закончил с тремя орденами. В 1931 г.— он подполковник и командир полка, в 1933 г.— полковник и начальник военного училища. В 1936 г.

Линдемман был назначен командиром дивизии и произведен в генерал-майоры. В 1938 г.— он стал генерал-лейтенантом. Линдемман воевал во Франции, за что был награжден рыцарским крестом, чуть позже он стал командиром корпуса. В августе 1941 г. его корпус перебросили в Смоленск, а оттуда на Ленинградский участок фронта, где он прикрывал правый фланг главного удара Лееба по Пулковским высотам. 17 января 1942 г. Линдемман был назначен командующим 18-й армией, а после Волховского сражения — 3 июля 1942 г. получил звание генерал-полковника. По мнению некоторых зарубежных историков, Г. Линдемман был обыкновенным выскочкой, который выдвинулся при нацистах. Однако, позволю себе смелость возразить, Линдемман был зрелым генералом и опытным военачальником. Рядом с ним Власов выглядел не только недоучившимся мальчишкой, но и чрезвычайно слабым военным руководителем. Думаю, что Георг Линдемман это понимал. И

все же после беседы два генерала сфотографировались на память, а затем Власова отправили сначала в Летцен, а потом уже в Винницу, где находились Ставка верховного командования германской армии и лагерь военнопленных, представляющих особый интерес для Верховного штаба сухопутных сил (ОКХ). Винницкий лагерь «Проминент» находился в ведении разведотдела германской армии.

Первое время в лагере находились Власов и военнопленные полковник Боярский— бывший командир дивизии, майор Сахаров —бывший командир полка и инженер, а затем стали прибывать другие военнопленные. К концу июля их насчитывалось около 100 человек. В Винницком лагере немцы вели работу по разложению военнопленных и привлечению их к службе в германской армии. Хозяином здесь был начальник «Группы III» (трофейный пункт) отдела генерального штаба Иностранные войска Востока (ФХО) при ОКХ, руководимого генерал-майором Рейнхардом Геленом— полковник генерального штаба барон Алексис фон Ронне. Уроженец Курляндии, барон хорошо владел русским языком, как и все сотрудники группы— прибалтийские и русские немцы: инженеры, пасторы, адвокаты, коммерсанты, профессора, музыканты, журналисты и учителя. Люди высокообразованные, опытные. Комендантом же лагеря был пожилой немец из США, не понимавший ни слова по-русски. По прибытии в лагерь Власов отказался выйти на проверку вместе с пленными солдатами, настаивая, чтобы проверка офицеров проводилась отдельно. И порядок проверки был изменен. Возможно, что

данный факт чрезвычайно понравился немецким хозяевам, так как подобные претензии очень не походили на представителя рабоче-крестьянской Красной армии. А слова «если вы хотите таким манером завоевать и переделать мир, то вы заблуждаетесь», видимо, понравились еще больше. Даже «американский» комендант заулыбался. Ежедневно Андрей Андреевич должен был отвечать на вопросы немецких офицеров. Их было двое, а третий унтер-офицер отстукивал на машинке протоколы.

Из показаний А.А. Власова на допросе 25 мая 1945 г.:

«Первым ко мне стал обращаться майор Сахаров, который, находясь уже на службе у немцев, предлагал мне взять в свое подчинение воинскую часть из военнопленных Красной Армии и начать борьбу против советской власти. Позже меня и полковника Боярского вызвали к себе представители разведотдела при Ставке верховного командования германской армии полковник Ронне и отдела пропаганды верховного командования капитан Штрикфельдт, которые заявили, что на стороне немцев уже воюет большое число добровольцев из советских военнопленных и нам следует также принять участие в борьбе против Красной Армии.

Я высказал Ронне и Штрикфельдту мысль, что для русских, которые хотят воевать против советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование их действиям, чтобы они не казались наемниками Германии. Ронне ответил, что немцы согласны создать из русских правительство, к которому перейдет власть после поражения советских войск. Я заявил Ронне, что подумаю над его предложением и позже дам ответ.

После этой беседы 10 августа 1942 г. в лагерь приехал советник министра иностранных дел Германии Хильгер— бывший советник германского посольства в Москве, свободно владеющий русским языком, который вызвав меня к себе, спросил, согласен ли я участвовать в создаваемом русском правительстве и какие в связи с этим у меня

имеются предложения. Высказав Хильгеру мысль о том, что надо подождать конца войны, я тем не менее стал обсуждать с ним, какие территории Советского Союза следует передать Германии. Хильгер говорил, что Украина и Советская Прибалтика должны будут войти в состав Германии».

Здесь Власов несколько путает события.

«Копия

ЗАПИСКА

Содержание: о допросах военнопленных советских офицеров

2 приложения.

7 августа 1942 г. военные организации доставили мне возможность побеседовать с военнопленными советскими офицерами.

Это были:

1. Генерал Андрей Власов, командующий советской армией, уничтоженной нашими в Волховском котле.
2. Полковник Владимир Боярский, командир одной из советских дивизий, взят в плен под Харьковом 25.V.42.
3. Полковой комиссар Иосиф Кернесс, перешел на нашу сторону под Харьковом 18.VI.42.

Подробности бесед приведены ниже.

1. Генерал Власов родился в 1901 г. в Центральной России. Он производит впечатление сильной и прямой личности. Его суждения спокойны и обдуманно. По вопросу о намерении Сталина напасть на Германию Власов заявил, что такие намерения, несомненно, существовали. Концентрация войск в районе Львова указывает на то, что удар против Румынии намечался в направлении нефтяных источников. Собранные в районе Минска соединения были предназначены для того, чтобы принять на себя неизбежное контрнаступление немцев.

К немецкому наступлению Красная Армия подготовлена не была. Несмотря на все слухи о проводимых Германией соответствующих мероприятиях, в Советском Союзе никто не верил в такую возможность. При подготовке русские имели в виду только собственное наступление, на оборонительные мероприятия не обращали внимания. Эти обстоятельства, а также «идиотское» руководство явились причиной первых крупных поражений. Сталин считает себя великим полководцем и думает, что знает все лучше, чем другие.

Военное руководство состоит из посредственностей, среди которых Тимошенко лучше, чем другие. Ворошилов бездарен, Шапошников стар и истрепан, Мерецков безграмотен.

Генерал Власов в последний раз видел Сталина в марте на совещании в Кремле, во время которого он сделал несколько бестактных замечаний по адресу двух полководцев Красной Армии (Кирпоноса и Жукова). Однако никто не осмелился возразить ему.

В течение своей 22-летней военной карьеры генерал Власов продвигался по службе с трудом, так как окончил духовную семинарию и был принят в партию только в 1930 г. Несмотря на свое высокое положение в Красной армии, он в глубине души никогда не мог согласиться с существующей в Советском Союзе политической системой и методами ее властителей. Ход войны и сделанные Сталиным ошибки окончательно открыли ему глаза на то, что существующая система ведет страну в пропасть. Несмотря на это, Власов не допускает, что Красная Армия уже разбита, а Советское правительство в связи с потерей важных индустриальных и сельскохозяйственных областей не окажет больше никакого сопротивления. Власов, видимо, действительно убежден в том, что ни сила Красной армии, ни экономический потенциал Советского Союза еще до конца не исчерпаны. Несмотря на то, что Власов знает о бедственном положении в области снабжения продовольствием и о растущей усталости населения в связи с войной, он считает, что Сталин никогда не сдастся и не будет свергнут изнутри. Проводимой Советским правительством пропаганде удалось добиться того, что каждый русский уверен в том, что

Германия хочет уничтожить Россию и свести ее на положение колонии. По его мнению, сила сопротивления русского народа может быть сломлена только указанием на то, что Германия не преследует подобных целей и намерена предоставить России и Украине существование в форме протектората. На этой основе многие русские военнопленные вступают под руководством Германии в борьбу против ненавистного сталинского режима.

Для него, Власова, а также для большинства военнопленных советских офицеров победа Германии представляет предпосылку для дальнейшего существования, в то время как со стороны Советского правительства их ожидает только смерть. Они не мечтают ни о чем другом, кроме падения Советского правительства и победы германского оружия.

С другой стороны, они не могут себе представить, чтобы эта победа могла быть достигнута посредством только немецких военных сил. В связи с этим генерал Власов и особенно полковник Боярский высказали преувеличенные представления о военных и экономических возможностях США и Англии. Это представление является прямым следствием соответствующей советской пропаганды и является показательным в смысле того, как интенсивно действует эта пропаганда даже на расположенные к критике натуры.

Чтобы добиться победы над Сталиным, нужно, по мнению обоих офицеров, ввести в бой против Красной Армии русских военнопленных. Ничего не подействует на красноармейцев более сильно, чем выступление русских соединений на стороне немецких войск. Для осуществления этого необходимо создание соответствующего русского центра, призванного для того, чтобы рассеять царящие в широких кругах и среди командования Красной Армии опасения относительно намеченных Германией целей войны, а также для того, чтобы убедить эти круги в бесцельности дальнейшего сопротивления и тем самым помешать Сталину продолжать войну. На обломках Советского Союза возникнет новое русское государство, которое в тесном союзе с Германией и ее вождями будет работать над созданием нового порядка в Европе.

Я ясно сказал советским офицерам, что не разделяю их убеждений. Россия в течение ста лет являлась постоянной угрозой Германии, вне зависимости от того, было ли это при царском или при большевистском режиме. Германия вовсе не заинтересована в возрождении русского государства на великорусской основе. Советские офицеры возразили, что между самостоятельным русским государством и колонией имеются еще различные промежуточные решения, как, например, создание доминиона, протектората с

временным или постоянным введением оккупационных войск. В настоящее время решающим является вопрос относительно того, возможно ли освободить русских от представления, будто Германия намерена превратить их страну в колонию, а их самих в рабов. Пока живы подобные опасения, сопротивление Красной Армии будет продолжаться, пока не будут исчерпаны имеющиеся в ее распоряжении средства.

На замечание, что указанные средства уже на исходе, оба офицера заявили, что Германия не имеет правильного представления о военно-экономических возможностях Урала и Сибири. Недостаток в Бакинской нефти, по их убеждению, будет возмещен добычей нефти между Уралом и Волгой, причем ее будет вполне достаточно для ведения оборонительной войны. Генерал Власов и полковник Боярский изложили вышеприведенные соображения в меморандуме, который был представлен в мое распоряжение полковником генштаба фон Ронне.

Перевод прилагается...

Фельдмарк, 8 августа 1942 г.

ХИЛЬГЕР».

Я специально процитировал этот документ полностью. Его невозможно сократить. То, что Власов человек лукавый, человек двойных стандартов, мы еще убедимся. А пока

остановимся на некоторых штрихах.

Во-первых. То, что Власов говорил о намерениях Сталина напасть на Германию, не более чем личное мнение Андрея Андреевича. Весной 45-го на допросе советскому следователю он же признавался в сообщении немцам откровенной неправды, стараясь придать себе больший вес «знанием секретной информации». Собственно, откуда мог знать такие подробности командир корпуса?

Во-вторых. Я глубоко сомневаюсь в истинных намерениях Власова в отношении использования против Красной армии русских военнопленных. Это, а также предложение о создании соответствующего русского центра не более чем торговля собой. Власов пытался заинтересовать своих хозяев, поучая министерство иностранных дел

фашистской Германии. Он зарабатывал висты, совершенно не понимая, что Германия изначально воюет против России не с целью возрождения русского государства! А борьба с большевизмом— не более чем пропаганда в интересах этой власти.

В-третьих. Самое главное в вышеприведенной записке и, на мой взгляд, искреннее заявление, сделанное Власовым, выглядит следующим образом: «Для него, Власова, а также для большинства военнопленных советских офицеров победа Германии представляет предпосылку для дальнейшего существования, в то время как со стороны

Советского правительства их ожидает только смерть».

Таким образом, речь идет о собственной жизни Андрея Андреевича. Атак как ею он дорожит особенно, то ему ничего не остается, как работать на немцев.

В Виннице по приказу полковника фон Ронне с Власовым встретился капитан Штрик-Штрикфельдт. Несколько слов об этом офицере германской армии.

Вильфрид Карлович родился в 1897 г. в Риге и был старше Власова всего на 4 года. В 1915 г. он окончил гимназию в Петербурге. До конца Первой мировой войны служил офицером в русской армии. С 1918 по 1920 г. участвовал в Белом движении. Затем 4 года работал по мандату Международного Красного Креста и Нансеновской службы по оказанию помощи голодающим в России. С 1924 по 1939 г. представлял в Риге германские и английские

предприятия. С 1941 г.— переводчик и офицер вермахта. Вот так вспоминал первую встречу с русским генералом капитан Штрик-Штрикфельдт: «Власов произвел на меня положительное впечатление своей скромностью и в то же время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той трудно определимой чертой характера, в кото-рой чувствовалась скрытая сила его личности. Это впечатление еще усиливалось всей его внешностью: бросающимся в глаза ростом

худого широкоплечего мужчины, внимательным взглядом через толстые стекла очков, звучным басом, которым он не спеша, четко излагал свои мысли. Иногда в его словах проскальзывали нотки легкого юмора.

Он рассказал мне о своей жизни».

Вообще Андрей Андреевич очень любил поговорить, пофилософствовать. Бесспорно сказывалось и духовное образование. При этом он часто выдавал желаемое за действительное.

Основной стержень в этой беседе— это прозрение Власова в плену. Об этом хорошо написал Штрик-Штрикфельдт: «Первоначальное недоверие Власова рассеялось благодаря тактичному обращению с разбитым противником со стороны немецких офицеров и рыцарскому отношению его врага в боях у Волхова генерал-полковника Линдемманна. Этим подтвердилось то, во что он, в сущности, хотел верить: что немцы были не чудовищами, а людьми и, как солдаты, уважали противника... При следующем моем посещении генерала

Власова я должен был много рассказывать ему о Германии. Его интересовало все. Но прежде всего он хотел знать больше о германских целях войны. Надо сказать, что знал он уже поразительно много».

Вскоре капитан поставил решающий вопрос пленному генералу: «Не является ли борьба против Сталина делом не одних только немцев, но также, и в гораздо большей степени, делом русских и других народов Советского Союза? Он задумался. Потом он рассказал мне о долготлетней борьбе за свободу, которую вели крестьяне и рабочие, офицеры и студенты, мужчины и женщины. А мир наблюдал и молчал. Из экономических и иных корыстных побуждений с советской властью, держащейся на крови, заключались договоры и союзы. «Может ли все это ободрить народ, чтобы он взял в свои руки свою судьбу?»— спросил он.

Вопрос на вопрос— показатель сомнения. Видимо, у Власова оно еще было. С одной стороны, Власов считал: «В Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже ответственные

работники, настроены хотя и не против советской системы, но против Сталина. Террор подавляет в России всякую попытку к созданию организованного движения сопротивления».

С другой стороны, он спрашивал: «И как вы представляете себе практическое участие русских в борьбе против Сталина?»

Снова вопрос на вопрос!

Штрик-Штрикфельдт: «Я сказал, что мы сами в начале похода верили в освободительную войну, в освобождение России от большевизма. Я говорил о бедственном положении военнопленных, которое, к сожалению, нам изменить не удалось. Я сказал ему и о том, что вожди национал-социалистов одержимы высокомерием; а потому слепы и не склонны разработать разумную политическую концепцию. Следствие этого, прежде всего, катастрофическое положение 50—70 млн людей в занятых областях. Позиция же германского офицерского корпуса иная».

— Что же все-таки мы можем сделать?— спросил Андрей Андреевич. — И что думает об этом ваш фюрер?

— Ну, фюрер, к сожалению, все еще окружен пораженными слепотой людьми. Но фельдмаршалы и крупные офицеры здесь, в генеральном штабе, делают что могут в сторону изменения политических целей войны и пересмотра наших отношений к русскому народу. Готовы ли вы сотрудничать с теми, кто хочет бороться против Сталина?

— Против Сталина— да! Но за что и за кого? И как?

— Сотни тысяч русских уже помогают немцам в этой войне против Сталина, многие даже с оружием в руках. Но у них нет своего лица.

— Дадут ли нам офицеры, о которых вы говорите, возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наемников. Она должна получить свое задание от национального русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны.

В конце разговора капитан Штрик-Штрикфельдт попросил изложить свои мысли в письменной форме. При этом в своей книге «Против Сталина и Гитлера» он отметил: «Момент был благоприятный: начальник генерального штаба Гальдер ждал от Гелена возможно более полной информации, исходящей из советских офицерских кругов, о реакции в Красной Армии на только что проведенное упразднение института комиссаров».

В общем— обыкновенная работа разведки. При разговорах с Власовым иногда присутствовал пленный полковник Владимир Ильич Боярский, который в отличие от Власова был настроен более резко антисталински. Андрей Андреевич часто советовался с ним. В

итоге, на основе соображений, обсужденных в беседах, Власов и Боярский составили и подготовили доклад в виде плана. В своих воспоминаниях Штрик-

Штрикфельдт написал: «Набросок плана был хорош, но, увы, слишком многословен. Из моего опыта я уже знал, что «пруссакам» следует все давать в сжатом, сухом изложении».

После получения указаний начальника Ронне Вильфрид Карлович добросовестно сократил и переработал доклад, который получил название меморандума. Вот выдержки из него:

«1. Правительство Сталина в связи с потрясающими военными поражениями, нанесенными немецкими войсками, а также в силу его неспособности организовать военные действия и тыл (например, голод в стране, расстройство народного хозяйства) потеряло свою популярность среди населения и особенно в армии...

2. В ведущих кругах армии и народа все яснее пробуждается сознание бесполезности и бесперспективности дальнейшего ведения войны, которое приводит лишь к уничтожению миллионов людей и разрушению материальных ценностей...

3. Офицерский корпус Советской Армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путем может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия. Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму...

4. Сталин, используя особенности России (бесконечные просторы, огромные потенциальные возможности) и патриотизм народа, поддерживаемый террором, никогда не отступит и не пойдет на компромисс. Он станет вести войну, пока не будут исчерпаны все силы и возможности...

5. Если принять во внимание миллионное население оккупированных областей и огромное количество военнопленных и учесть их враждебное отношение к правительству Сталина, то можно допустить, что эти людские массы составят ядро внутренних сил, которые под руководством Германского правительства ускорят давно назревающее возникновение нового политического порядка в России, что должно произойти параллельно осуществляемому немцами созданию новой Европы... Исходя из вышеизложенного, мы передаем на ваше рассмотрение следующее предложение:

— Создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию;

— Независимо от своих военных качеств эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устранил ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных и неоккупированных областях и тормозящих дело создания нового порядка;

— Это мероприятие легализует выступление против России и устранил мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях...

Бывший командующий 2-й армией

генерал-лейтенант Власов

Бывший командир 41-й стрелковой дивизии

полковник Боярский

Винница 8.8.1942 г.

Перевел капитан Петерсо».

После прочтения доклада полковник Ронне остался вполне доволен. Он несколько раз беседовал с Власовым и в заключение процесса вербовки сказал Штрик-Штрикфельдту: «В

случае совместной работы с русскими я отдал бы генералу Андрею Андреевичу Власову предпочтение перед всеми другими □.

И что бы ни говорили кураторы Власова, а потом и историки об этом предпочтении, ясно одно: в целях немецкой пропаганды фигура Власова была наиболее приемлемой и целесообразной.

Во-первых, он имел высокую должность как военнопленный генерал Красной армии, самое высокое воинское звание в плену— генерал-лейтенант. Таких у немцев в лагерях были единицы.

Во-вторых, внешний вид: рост, заметная худощавая фигура. Народные корни и духовное образование.

В-третьих, умение говорить и говорить много, философствуя.

Знание народа, народной жизни. Умение преподнести себя, умение поторговаться. Некая независимость.

На все это и было обращено внимание немецких хозяев. По их единодушному мнению, глава Русского Освободительного движения должен быть именно таким.

Несколько слов о Боярском (Баерский Владимир Гелярович).

Боярский Владимир Ильич был ровесником Власова. Поляк по национальности, он родился в 1901 г. в селе Киевской губернии. В 1922 г. окончил рабфак. В Красной армии с 1920 г. Весной 1922 г. зачислен курсантом на 4-е пехотные курсы, а в 1923-м— курсантом

во 2-ю пехотную школу в Тифлисе. В 1925 г.— слушатель высших стрелково-тактических курсов усовершенствования комсостава РККА в Москве. Затем командир роты. С декабря 1928 г.— помощник командира батальона, с октября 1929 г.— командир батальона, с января 1930-го— помощник начальника штаба полка. В июле 1930 г.— начальник штаба. Осенью 1932 г. временно исполнял должность командира полка.

С 1934 г.— слушатель Военной академии имени Фрунзе.

В 1937 г.— преподаватель на курсах □Выстрел □, майор.

Осенью 1938 г. приказом НКО СССР №1621 уволен в запас, но уже весной 1939 г. призван из запаса и назначен помощником начальника штаба дивизии.

С лета 1940 г.— заместитель начальника штаба стрелкового корпуса, подполковник.

В 1941 г.— полковник, начальник оперативного отдела стрелкового корпуса.

С 26 марта— начальник штаба корпуса. 13 сентября 1941 г. назначен командиром 41-й стрелковой дивизии.

Весной 42-го дивизия была отправлена на фронт и разбита.

В плену с 25 мая, где принял псевдоним «Владимир Ильич Боярский». Приказом ГУК НКО СССР №0627—43 г. объявлен пропавшим без вести. После меморандума его освободили из лагеря и 1 сентября назначили командиром экспериментальной части РННА в группе армий «Центр» в районе Смоленска для воплощения в жизнь идеи формирования русской армии.

А Власова 17 сентября привезли в Берлин, в так называемый «штаб» русских сотрудников отдела пропаганды Верховного командования на Викториаштрассе, 10.

Как говорится: процесс пошел!

2. РННА

Большие потери вермахта в 1941—1942 гг. заставили немецкое Верховное командование

искать дополнительные пути по комплектованию своих частей «унтерменшами». Проводниками этой идеи на центральном участке Восточного фронта были генералы фон Шенкендорф, Штиф, полковник фон Штауффенберг, Алексис фон Ронне, барон Фрейтаг-Лорингхофен. Под их патронажем была осуществлена акция, получившая наименование «Русская национальная народная армия» (РННА). С русской стороны инициатива формирования этой воинской части принадлежала берлинскому эмигранту, радиоинженеру Сергею Никитичу Иванову. Используя свои связи, он предложил сформировать русскую часть для ведения антисоветской борьбы и последующего создания новой России.

Уже в марте 1942 г. Иванов, заручившись поддержкой командующего группы армий «Центр» фон Клюге, получил у него разрешение на отбор военнопленных из концлагерей, располагавшихся в тылу группы армий «Центр». Ставка Верховного командования проект утвердила. Организационная группа, состоящая из соратников Иванова, разместилась в Смоленске. В нее входили эмигранты: К.Г. Кромиади, И.К. Сахаров, И. Юнг и другие.

Кромиади (Санин) Константин Григорьевич (1893—1990). Грек. Участник Первой мировой войны в чине поручика. Гражданскую войну окончил полковником. В 20—30-е годы проживал в Берлине, работал таксистом. В начале сентября 1941 г. приглашен работать в Министерство по делам восточных территорий. До декабря 41-го в составе комиссии министерства объезжал лагеря для военнопленных. Ввиду крайне негативной реакции на условия содержания военнопленных от работы в комиссии отстранен. В акции комендант штаба.

Сахаров (Левин) Игорь Константинович (1912—1977). Русский. В 1923 г. выехал в Берлин к отцу. В начале 30-х служил офицером в Аргентине, Уругвае и Китае, затем воевал в Испании в армии Франко. С 1940 по 1942 г. жил в Берлине. В акции заместитель Иванова.

Юнг Игорь Леонидович (1914—1971). Немец. Сын офицера царской армии. После революции выехал за границу. В конце 30-х г. вступил в НТС. Жил в Берлине.

Местом постоянной дислокации был избран поселок Осинторф, располагавшийся в 6 км от ст. Осинковка на железной дороге Орша — Смоленск в Белоруссии. Там находился поселок торфоразработчиков, до войны рассчитанный на 10 тыс. рабочих.

От немцев присутствовали обер-лейтенант Бурхардт с командой связи из 20 солдат и начальник абверкоманды-203 подполковник фон Геттинг-Зеебург. С первой партии из 20 военнопленных началось развертывание части. Агитаторы РННА выезжали в лагеря и, выступая перед пленными, разъясняли им задачи формирования. После записи добровольцев шел отбор пригодных кандидатур. В их число не входили летчики и танкисты, считающиеся самыми надежными специалистами большевистского режима.

Кромиади сам отбирал людей для РННА и к июлю 1942 г. довел ее численность до 5 стрелковых батальонов, 1 легкой артиллерийской батареи, учебной, санитарной и транспортной частей, а также курсов усовершенствования комначсостава.

К августу 1942 г. РННА насчитывала 1500 человек и уже в июне— августе четыре раза выделяла свои подразделения для борьбы с партизанами.

Сахаров с конца мая фактически командовал оперативной группой РННА (около 300 человек) в боях против подразделений блокированного в районе Дорогобужа 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова. Тот же Сахаров вместе с Ивановым в мае посещал штаблаг XIII-A в Луккенвальде под Берлином, где содержался командующий 19-й армией Западного фронта генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, с целью убедить Лукина возглавить РННА, но тот отказался. После этой поездки С.Н. Иванов заболел тифом и был отправлен на лечение в Берлин. Вскоре из руководства РННА были удалены все эмигранты. А «походы» против партизан негативно влияли на личный состав так называемой армии из военнопленных. Начались переходы на сторону своих. Уходили десятками и

сотнями. 1 сентября 1942 г. РННА принял полковник В.И. Боярский. Начальником организационно-пропагандистского отдела штаба РННА был назначен

бывший бригадный комиссар РККА Г.Н. Жиленков (17 августа, 1942).

Немного о нем.

Жиленков Георгий Николаевич родился в 1910 г. в Воронеже. Русский. Из крестьян. Член ВКП(б) с 1929 г. С 1925 по 1929 г. работал подручным слесаря и слесарем. С августа 1929 г. на комсомольской работе. С февраля 1930 г.— заведующий производственным сектором Воронежского ОК ВЛКСМ. В 1931 г. закончил индустриально-технический техникум в Москве. С октября по февраль 1934 г.— ответственный секретарь партийного комитета техникума. С февраля по июль 1938 г.— директор ФЗУ завода «Калибр»,

затем секретарь парткома этого завода. С января 1940 г. — 2-й секретарь Ростокинского РК ВКП(б) Москвы. 16 апреля 1939 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. В июне 1941 г. член Военного Совета 32-й армии, бригадный комиссар. 14 октября взят в

плен под Вязьмой. Скрыл должность, звание и фамилию. До мая 1942 г. служил шофером в транспортной колонне 252-й пехотной дивизии вермахта под фамилией Максимов. 23 мая выдан лесником гжатского лесничества и арестован. На допросах дал правдивые

показания и заявил желание бороться против советской власти. Переведен в Берлин в отдел пропаганды особого назначения, где находился до августа. При Жиленкове и Боярском численность РННА выросла до 8000 человек. Некоторые батальоны были сведены в полки, и РННА расширилась до бригады. Жиленков организовал собственную газету «Родина» и библиотеку. Осенью 1942 г. части бригады использовались для ведения антипартизанских операций. В районе Березино проверялась боевая выучка двух батальонов, а чуть позже под Великими Луками три батальона РННА прорывали кольцо советского окружения. Все они не смогли выполнять поставленные перед ними за-

дачи. Они были рассеяны и практически полностью уничтожены советскими частями.

В октябре 1942 г. РННА посетил генерал-фельдмаршал фон Клюге. Он приказал разоружить бригаду, переодеть в немецкую форму, разделить на отдельные батальоны и передать вермахту. Боярский с Жиленковым отказались выполнить этот приказ, за что были арестованы и отправлены в Берлин. Той же ночью 300 человек с оружием

ушли в лес к партизанам. По факту неповиновения было проведено расследование, и «недоразумение» выяснилось. Оружие бойцам вернули, а командиром бригады назначили начальника штаба РННА майора Риль.

Риль Рудольф Фридрихович (он же Кабанов Владимир Федорович). Родился в 1907 г. в Самаре. Немец. Из служащих. В 1921 г. окончил сельскую школу, в 1925 г.— семилетнюю школу. Член ВКП(б) с 1931 г. В РККА с 1928 г.— курсант полковой школы младшего командирского состава артиллерийского полка, курсант Московской артиллерийской школы. С сентября 1933 по март 1934 г. обучался на вечернем отделении комвуза. С 1934 г. курсовой командир школы. С 1935 г. помощник командира батареи школы. В 1936 г.— старший лейтенант, слушатель Военной академии им. Фрунзе. С 1938 г.— капитан. В 1939 г. окончил академию и был назначен помощником по строевой командира полка, затем начальником штаба корпусного артполка. Помощник командира по строевой части. В 1940 г.— майор, начальник 1-го (оперативного) отдела артиллерийского управления

УрВО. 14 сентября 1941 г.— начальник оперативного отделения артиллерийского управления 22-й армии Западного фронта в соответствии с приказом по армии № 0116. В плену с осени 1941 г. С конца года— сотрудник одного из подразделений абвера в Витебске.

Но уже в ноябре на сторону партизан перешло около 600 человек. Риль был отстранен от должности и арестован. Так перестала существовать РННА. Эксперимент не удался.

Личный состав переодели в немецкую форму и переформировали в 700-й добровольческий полк. Сначала он участвовал в боях с партизанами в районе Шклова и Могилева, а в 1943 г. был переброшен во Францию.

3. Власов в Берлине

В конце августа 1942 г. капитан Штрик-Штрикфельдт приехал в Берлин:

«Так называемый штаб русских сотрудников отдела Военной пропаганды (ВПр) ОКВ находился на Викторияштрассе 10, в помещениях отдела, но за замками и запорами. Решетки на окнах, убогие деревянные топчаны, на них мешки с соломой. Запрет выхода в город. Вечером запирались и двери комнат. Я был потрясен: значит, даже ОКВ в

Берлине не смог добиться для своих работников ничего лучшего. Скучную еду приносили ежедневно из какой-то столовой на Потсдамер-плац, а солдаты из охраны часто добавляли кое-что из собственного пайка. Чтобы несколько улучшить питание русских. Они считали, что тот, кто работает с нами, должен быть, по крайней мере, сыт. Не были ли они лучшими политиками, чем их высокое начальство?

Старший лейтенант Дюрксен дружественно встретил меня. Моим непосредственным начальником стал капитан Гроте. Начальником отделения ВПр/IV, к которому принадлежали Гроте и Дюрксен, а теперь и я, был полковник Марти».

Капитан Николай фон Гроте происходил из балтийских немцев. По профессии журналист, он с началом войны стал сотрудником отдела армейской пропаганды (ВПр). Старший лейтенант Дюрксен был чистокровным немцем. Именно он по приказанию отдела пропаганды ОКВ был командирован в ОКХ с целью уговорить Власова подписать листовку, которую Гроте должен был размножить и организовать ее «распространение» за линией фронта. Идея была такова, что если эта листовка увеличит число перебежчиков, то, значит, ОКХ и отдел пропаганды не зря едят свой хлеб. Эта листовка и стала для Власова дорогой в Берлин.

Еще до приезда Дюрксена полковник фон Ронне спрашивал Власова:

— Готовы ли вы подписать обращение к Красной армии, призывающее солдат прекратить сопротивление и переходить на германскую сторону?

Сначала Андрей Андреевич категорически отказался. Но это диктовала не его совесть. Это был трезвый расчет. Ведь был уже меморандум— первый шаг.

А Ронне продолжал упрашивать Власова:

— Вы поймите, без явных успехов трудно заставить начальство согласиться на следующий шаг. Этот явный успех в глазах высшего командования был бы очевиден из роста числа перебежчиков после вашего призыва к красноармейцам.

— Они будут переходить и без моего призыва нарушить свой долг,— немного помолчав, заметил Власов. Возможно, Власов боялся продешевить. Ему все же не хотелось быть на уровне простой уличной проститутки. Нужно было поломаться. После Ронне к уговорам Власова приступил Штрик-Штрикфельдт:

— Генерал, ваше обращение нужно нам, чтобы доказать политикам, что офицеры и солдаты Красной армии готовы слушать вас и следовать за вами, как за русским и патриотом. Когда они это поймут, мы приблизимся к нашей цели. А до тех пор, дорогой Андрей Андреевич, нам не остается ничего иного, как идти тернистым путем

борьбы против Сталина и против...

— Против этих слепых идиотов вокруг Гитлера.

— Совершенно верно!

— Здесь все совсем иначе, чем в Москве! Вы берете на себя ответственность и действуете по вашей совести. Такое у нас невысказано. Малейший намек диктатора— и все падают ниц.

— Так вы поможете нам?— спросил Вильфрид Карлович. Власов попросил сутки на размышление, и первая листовка появилась. Текст был составлен Боярским и дополнен Власовым. Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «В своем заново обмундировании военнопленных с большими буквами «SU» на спине русские «сотрудники» ОКВ могли выходить в город лишь строем в сопровождении конвоя. Власов отказался участвовать в этих «прогулках» для увеселения гуляющих в Тиргартене берлинцев. Он оставался в своей комнате.

Время от времени этих «сотрудников» привлекали некоторые министерства для консультаций, в качестве знатоков по различным специальным вопросам (например, по сельскому хозяйству). Из этого сама собой возникла необходимость в ослаблении их изоляции. Мы решили, прежде всего, добыть гражданскую одежду и улучшить общие условия жизни и работы пленников».

Здесь на Викторияштрассе Власов знакомится с Мелентием Александровичем Зыковым. По словам самого Зыкова, ему тогда было 40 лет. О своем прошлом он рассказывал достаточно много. Но всегда по-разному. Сначала он представлялся как Мелентий Евлампиевич, а чуть позже вдруг стал Мелентием Александровичем. Во время Гражданской войны Зыков якобы был комиссаром, что на самом деле вызывает большие сомнения. После Гражданской он работал литературным критиком, преподавал в Москве в институте имени Герцена и публиковал статьи о русской литературе XVIII века.

Он же говорил, что в качестве журналиста сотрудничал в «Известиях» при Бухарине. А став зятем наркома просвещения А.С. Бубнова, Зыков сблизился с Николаем Ивановичем Бухариным, став марксистом до мозга костей.

По словам Зыкова, Сталина он ненавидит за тот еврейский погром, который Сталин учинил в ЦК ВКП(б), в НКВД и в правительстве. После ареста и расстрела Бухарина Зыков сам загремел в лагерь. Лишь война спасла его. Он попросился на фронт и вскоре стал батальонным комиссаром. Мало что известно и о том, как Зыков попал в плен к немцам. Вроде бы он сдался под Батайском Ростовской области в 1942 г. В плену он успел написать меморандум о политическом аспекте военных действий и его якобы заметил сам Геббельс.

Мелентия Александровича выдавали типично еврейские черты лица и упорное нежелание пользоваться общей баней. Он очень много говорил, и, по воспоминаниям участников «Власовского движения», относиться к его словам с абсолютным доверием было нельзя, потому что неизвестно, что придумывал про себя сам Зыков, а что напутали авторы воспоминаний. Однако все были убеждены, что он — еврей. По одним данным его настоящая фамилия — Мосевич, по другим — Вольпе (известный литературный критик).

И тем не менее личность Зыкова до сих пор остается таинственной. По мнению Штрик-Штрикфельдта, он был человеком подкупающего ума и исключительно обширных знаний. Однажды Власов спросил:

— Сумеет ли мы сохранить Зыкова в штабе, поскольку он, видимо, еврей?

— За безопасность Зыкова поручился Гротте, которому подчиняется «штаб русских сотрудников». Но когда будет сформировано наше собственное русское воинское соединение и начальником станете вы, то нам вместе придется отстаивать Зыкова,— ответил Вильфрид Карлович.

— Зыков — единственный из всех, встреченных здесь мною до сих пор; второго Зыкова мы так легко не найдем. Да и в Советском Союзе мало людей такого калибра — всех их отправил на тот свет товарищ Сталин.

4. Штаб Власова

Приступая к созданию так называемого «своего штаба», Власов вместе со Штрик-Штрикфельдтом посетили ряд лагерей военнопленных в ближайших окрестностях Берлина.

Вильфрид Карлович вспоминал: «При наших посещениях лагерей военнопленных мы видели, что настроение было подавленное. Советские генералы в большинстве

своим становились просоветскими, вернее, стали думать в отчетливо национально-русских категориях. Во всяком случае, враждебность к немцам росла. Разочарованы и озлоблены были и те офицеры, которые, попав в плен, еще год назад были готовы бороться против коммунистической диктатуры на стороне немцев... Власов ездил из лагеря в лагерь и спрашивал, спрашивал. Лишь немногие генералы сами узнавали Власова. Остальным он скромно называл свое имя. Свои разговоры с пленными товарищами он обычно начинал со слов о долге помочь, по добровольному решению, страдающим соотечественникам. При этом он подчеркивал, что это служение народу становится тем более высшим долгом бывших советских штаб-офицеров, что национал-социалисты следят за всем с недоверием и стараются подавить каждое проявление этого осознанного долга. В такой тяжелой обстановке надо помогать друг другу и быть

примером. Это были простые и в то же время необычные слова, и они производили впечатление».

В Берлинском лагере, так называемом «штабе Власова», при отделе пропаганды состоялось знакомство Власова с генералом Малышкиным, который пошел на сотрудничество якобы после заверений Власова, что он не получает от немцев никаких субсидий:

— Я— русский, один из миллионов пленных. Я не изменник, чтобы Сталин ни говорил о военнопленных. Я люблю свой народ и хочу ему служить. Я могу это делать, только выступая за свободу и благополучие каждого. Пока что я больше ничего не могу. Я могу достичь каких-то успехов в борьбе за улучшение положения в лагерях военнопленных, если я твердо встану на защиту свободы и человеческого достоинства русского человека. Я не немецкий наемник! Многие немецкие офицеры искренне хотят помочь русским людям. Они предложили мне поддержку. Я решил сотрудничать с ними. Будущее

покажет, что надо делать дальше.

Итак, **Малышкин Василий Федорович**, родился в 1896 г., русский, из служащих. С 1908 по 1916 г. учился в гимназии. В 1916 г. рядовой запасного пехотного полка. В 1917 г. учился в Чугуевском военном училище. Прапорщик. Участник Гражданской войны.

В 1918 г. дважды ранен. Награжден орденами Красного Знамени и «Знак Почета». Член ВКП(б) с 1919 г. В РККА— с апреля 1918 г. Командир роты, батальона и помощник командира полка. До 1924 г. командир ряда стрелковых полков. Учился в Военной академии РККА, по окончании которой был назначен начальником штаба дивизии в Могилеве. В октябре 1930 г.— начальник штаба курсов усовершенствования комсостава «Выстрел».

С ноября 1931 г.— начальник сектора управлений военно-учебных заведений. С декабря 1933 г.— начальник пехотной школы в Киеве. В мае 1935 г. назначен военным комиссаром и командиром 99-й стрелковой дивизии. С декабря 1936 г.— заместитель начальника штаба ЗабВО. С августа 1937 г.— начальник штаба 57-го особого корпуса в Улан-Удэ. 9 августа 1938 г. арестован как «враг народа». На следствии признал себя виновным, но на заседании суда от своих показаний отказался. Реабилитирован в декабре 1939 г. и назначен старшим преподавателем в Академию Генерального штаба. С 12 июля 1941 г. комбриг Малышки— и начальник штаба 19-й армии Западного фронта. В октябре 41-го ему было присвоено звание «генерал-майор». 24 октября в окружении под Вязьмой, во время ночевки у костра, взят в плен. В этот момент был одет в гражданскую одежду и представился рядовым. В лагере военнопленных под Вязьмой он был опознан и выдан одним из сотрудников штаба.

Находился в лагерях под Смоленском, в Фюрстенберге на Одере. В плену голодал, перенес дизентерию и тиф, испытал на себе жестокое обращение немцев.

Работать с Власовым согласился и генерал Благовещенский.

Благовещенский Иван Алексеевич родился в 1893 г., русский, из семьи священника. В 1914 г. окончил Виленское пехотное училище. Участвовал в Первой мировой— штабс-капитан. Участник Гражданской войны. Член ВКП(б) с 1921 г. В РККА— с 1918 г.

В 1924—1926 г.— помощник начальника курса Военно-морского училища им. Фрунзе. С 1926 г.— начальник курса. С 1929 г.— начальник строевого отдела Военно-морского училища им. Дзержинского.

С 1931 г.— преподаватель Военно-морского училища связи. В мае 1934 г. окончил вечернее отделение ВАФ. 2 декабря 1935 г. присвоено звание «майор». С 1936 г.— начальник штаба Южно-Кавказского УРа Черноморского флота, с 1938 г.— начальник курсов усовершенствования командного состава запаса Черноморского флота. 4 марта 1938 г. присвоено звание «полковник». 10 июня 1939 г. награжден орденом Красного

Знамени, а 3 ноября присвоено воинское звание— «комбриг».

С 1939 по 1940 г.— начальник учебно-строевого отдела штаба учебного отряда подводного плавания в Ленинградском ВМУ им.

Кирова. В 1940—1941 гг. — начальник курсов подготовки начсостава. В апреле 1941 г. назначен начальником училища ПВО ВМФ в Либаве. 21 мая присвоено воинское звание «генерал-майор береговой службы». В конце июня— начальник обороны северо-восточного участка блокированной Либавы.

6 июля при попытке выйти из окружения взят в плен. Доставлен в Шяуляй, а затем этапирован в Тильзитский лагерь военнопленных.

С конца июля содержался в Офлаге XIII-D в Хаммельбурге. Пошел на сотрудничество с немцами добровольно. Подписал обращение к германскому командованию о создании боевых частей из военнопленных. В ноябре 1941 г. вступил в «Русскую трудовую народную партию» и впоследствии являлся членом комитета этой организации

и председателем партийного суда.

25 мая 1945 г. следователь спросил Власова:

«Стало быть, вы вступили на путь вооруженной борьбы против советской власти?»

Власов: Да, по предложению Штрикфельдта я написал антисоветскую листовку, в которой указал, что война проиграна Россией из-за неумелого руководства со стороны Советского правительства, которое не способно руководить страной, и призывал русский народ свергнуть это правительство. В октябре 1942 г. немцы предложили мне выехать в Берлин.

Следователь: Для чего?

Власов: Для того, чтобы иметь возможность встретиться с находившимися в плену генералами Красной Армии и использовать их для антисоветской работы, о чем в свое время я просил Хильгера. В Берлине я был помещен в лагерь при отделе пропаганды вооруженных сил Германии. В этом же лагере находились генералы Малышкин и Благовещенский, а также бывший сотрудник редакции газеты «Известия»— Зыков.

Им я рассказал о своем намерении начать борьбу против большевиков. Создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооруженной борьбы с Советской властью.

Малышкин, Благовещенский и Зыков поддержали меня и высказали свою готовность

принять участие в борьбе против Советской власти, причем Зыков заявил, что он уже ведет антисоветскую работу, сотрудничая в издаваемой немцами для советских военнопленных газете «Заря»...»

В декабре 1942 г. капитан Штрик-Штрикфельдт организовал встречу Власова в отделе пропаганды с генерал-лейтенантом Понеделиным— бывшим командующим 12-й армией. На предложение Власова принять участие в работе по созданию русской добровольческой армии Понеделин наотрез отказался. Он заявил, что немцы только обещают сформировать русские части, а на самом же деле им нужно только имя, которое они могли бы использовать в целях пропаганды.

Следующая встреча была с генерал-майором Снеговым— бывшим командиром 8-го стрелкового корпуса. Он также отказался, но по другим мотивам. Снегов боялся за судьбу своих родственников, проживающих в Советском Союзе.

Была и еще одна встреча. Штрик-Штрикфельдт отвез Власова в один из лагерей под Берлином, где Власов встретился с генерал-лейтенантом Лукиным— бывшим командующим 19-й армией, у которого после ранения была ампутирована нога и не действовала правая рука.

Власов рассказывал следователю: «В присутствии немцев Лукин высказался враждебно по отношению к Советскому правительству, однако после того, как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и мое предложение не принял».

А вот как описывал встречу Власова с Лукиным Штрик-Штрикфельдт:

«...генерал Лукин, человек сильного характера и большого обаяния, тот самый Лукин, жизнь которого в 1941 г. была спасена благодаря личному вмешательству фельдмаршала фон Бока. Тогда Лукин соглашался, несмотря на потерю ноги, принять командование крупным соединением в борьбе против Сталина? но в результате плена и наблюдения над политикой нацистов Лукин стал крайне недоверчив.

Он не верил в желание германского правительства освободить народы России.

— Вы, Власов, признаны ли вы официально Гитлером? И даны ли вам гарантии, что Гитлер признает и будет соблюдать исторические границы России?

Власову пришлось дать отрицательный ответ.

— Вот видите!— сказал Лукин,— без таких гарантий я не могу сотрудничать с вами. Из моего опыта в немецком плену я не верю, что у немцев есть хоть малейшее желание освободить русский народ. Я не верю, что они изменят свою политику. А отсюда, Власов, всякое сотрудничество с немцами будет служить на пользу Германии, а не нашей Родине...»

5. НТС

В отделе пропаганды ОКВ служил некий Александр Степанович Казанцев, член русской эмигрантской организации НТС (Национально-трудовой союз). Сразу же после приезда Власова в Берлин он был введен в его окружение. Нет, это не было случайностью. Казанцев считался одним из идеологов этого эмигрантского союза, который продолжал

быть политически активным. История НТС такова. В 1929 г. Национальный союз русской молодежи в Болгарии и Союз русской национальной молодежи в Югославии объединились в Национальный союз русской молодежи за рубежом.

Официальное зарождение новой организации состоялось на съезде молодежных групп из Югославии, Франции и Болгарии, проходившем с 1 по 5 июля 1930 г. в Белграде.

Ее активным участником стала русская молодежь, родившаяся после 1885 г., чьи родители

были добровольцами Белого движения. Причиной создания организации считается желание белой молодежи избавиться от ошибок, допущенных Белым движением, а потом

и РОВС, который призывал дожидаться большой европейской войны и беречь кадры для того, чтобы в решающий момент в нее вмешаться.

Новая организация призывала не ждать, а нелегально пересекать границу СССР, изучать быт населения, зондировать почву на предмет реальности «национальной революции». С 1933 по 1936 г. призывы к убийству политических лидеров Советского Союза считались благим делом.

В декабре 1931 г. на съезде название организации было изменено на Национальный союз нового поколения— НСНП, а через пять лет — на Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). (В 1939 г. из названия организации были удалены два последних слова.)

С 1932 г. в Софии стала выходить газета НТС «За Россию», а с 1935 г. — «За новую Россию». С 1935 г. НТС стал выпускать литературу, поясняющую цели организации и ее идеологию. Председателем союза и совета стал герцог С.Н. Лейхтенбергский. Исполнительное бюро в составе двух членов возглавил (председатель) В.М. Байдалаков. В 1936 г. главой идеологического сектора НТС стал К.Д. Вергун, который организовал среди членов небольшие группы для дальнейшего уточнения и развития программы.

Для членов НТС издавались воспитательные и разъяснительные пособия.

НТС отказывался вступать в полемику с эмиграцией относительно будущего русского правительства; спор этот вращался вокруг вопроса, будет ли новый строй в России монархическим или республиканским. НТС, считая, что это не имеет отношения к существу дела, не собирався углубляться в подробности методов борьбы против советского режима. Тем не менее с 1931 г. организация стала уделять внимание боевой антисоветской работе, опираясь на помощь старших коллег из общевойскового союза и Братства русской Правды. К концу 30-х годов в НТС насчитывалось не менее двух тысяч

членов. Их конспиративная работа курировалась спецслужбами Польши, Германии, Японии. Предпринимались попытки создания подпольной сети НТС в СССР. Агенты и агентурные группы НТС тайно переходили границу Советского Союза в Прибалтике, Польше и на Дальнем Востоке. При этом, по некоторым свидетельствам, погибал

каждый второй член этой организации. Во время Гражданской войны в Испании НТС помогал «белым» испанцам, а во время финской войны его члены сражались в рядах финской армии против советских войск. Противостояние коммунизму и неприятие марксистской идеологии привело НТС к сочувствию германскому национал-социализму. В связи с этим в 1936 г. секретарь Белградской секции НТС М.А. Георгиевский ездил в Берлин, чтобы выяснить возможности для объединения с нацистскими властями. Но

так как, по мнению руководства НТС, нацисты были слишком негибкими из-за своей расистской теории, то никакого тесного сотрудничества не получилось. Тем не менее в 1938 г. в Берлине состоялись тайные переговоры между руководителями НТС и представителями немецкой разведки о возможности сотрудничества в предстоящей

войне против СССР.

В меморандуме, выработанном на консультациях, говорилось, что в случае столкновения с Советским Союзом немцам необходимо искать союза с народом против Сталина, что попытка поработить народ приведет к трагедии. В августе 1938 г. исполнительное бюро союза приостановило деятельность отдела в рейхе. И до начала войны между СССР и Германией НТС ушел в подполье. Официально нацисты закрыли все эмигрантские учреждения.

22 февраля 1939 г., выступая в русском доме Белграда на общественном собрании русской диаспоры, председатель НТС В.М. Байдалаков четко изложил свои позиции в назревающей войне в Европе: «На вопрос совести «с кем ты?» может быть только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом... Никто не отрицает, что борьба на два фронта— с завоевателями извне и с тиранией изнутри— будет весьма тяжелой... Но не мы создаем внешние события... Этот путь избрал Союз, и мы утверждаем, что он единственно правильный... Россию спасет русская сила на

русской земле, на каждом из нас лежит обязанность посвятить себя делу создания этой силы...»

Но, видимо, это были только слова.

В сентябре 1941 г. в Югославии русская молодежь откликнулась на призыв генерал-майора М.Ф. Скородумова и стала записываться в Русский Корпус, но исполнительное бюро НТС запретило членам союза вступать в него, так как не было уверенности в том, что корпус попадет на Восточный фронт. А незадолго до этого, в мае месяце, в штаб союза в Белграде прибыл редактор берлинской русской газеты «Новое слово» В.М. Деспотули.

На встрече с руководством им от лица здравомыслящих немецких кругов было предложено НТС негласное сотрудничество «в деле решения русского вопроса».

Вскоре центр союза перебрался в Берлин. С 1942 г. в Берлин стала поступать информация о событиях в России и о положении там членов НТС. По мнению члена союза К. Вергуна, члены НТС в России немцам не только не нужны, но и вредны, а вести от членов Союза ужасны и неопишутемы. С началом войны с Советским Союзом одними из первых прибывших на оккупированную территорию были Г.С. Околович и В.В. Брандт— член Совета НТС в Польском отделе и бывший главный редактор варшавской русской газеты «Меч».

В Смоленске их приняли на службу в отдел социальной помощи городской управы. В своей работе солидаристы столкнулись с постоянной угрозой со стороны гестапо, настороженностью и недоверием со стороны местного населения. В Брянск выехала группа В. Кашникова. Члены группы поступили на работу: один— заведующим городской столовой, другой— городским хозяйством. Сам Кашников стал переводчиком в городской управе и одновременно конферансье в городском театре. Именно работа в

театре позволила Кашникову с разрешения местного коменданта проникнуть в лагерь военнопленных для отбора актеров для труппы. Одним из направлений деятельности НТС стала работа в лагерях военнопленных и специальных лагерях. Другим— создание ячеек НТС на всей оккупированной территории. Но главную роль НТС сыграл в идеологическом оформлении власовского движения.

6. «Русский центр Власова»

Прошли месяцы, прежде чем Штрик-Штрикфельдту и его начальникам удалось приступить к созданию «русского центра генерала Власова». Был создан «Отдел Восточной пропаганды особого назначения». Его начальником был назначен Вильфрид Карлович. Отдел приравняли к батальону. Первоначальный штат предполагался на 40—50 человек, но Штрик-Штрикфельдт попросил разрешение на 1200 человек. Начальник отдела ВПр/IV полковник Мартин скрипя сердце подписал бумагу. Отделу Восточной пропаганды особого назначения в конце концов был выделен барачный лагерь

неподалеку от деревушки Дабендорф, к югу от Берлина. Раньше он использовался для французских военнопленных и был подчинен командующему 3-м военным округом (Берлин). Дабендорф был подчинен: в области управления — 3-му военному округу (Берлин); в части заданий— Отделу пропаганды ОКВ (ВПр/IV); ФХО (Гелену) и «генералу добровольческих частей» (сперва генералу Гельмиху, потом генералу Кестрингу).

Лагерь Дабендорф, расположенный на опушке леса (с траншеями на случай воздушной

бомбардировки), был маленьким барачным городком с собственным снабжением. Бюджет по русскому персоналу включал: содержание восьми генералов, 60 старших офицеров и нескольких сотен младших. Соглашение с Отделом Иностранной армии Востока предусматривало размещение русского персонала при ста фронтовых дивизиях и специальных частях, а также назначение русского связного персонала при комендатурах лагерей военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, в прифронтовой полосе и в Германии. В целом штатное расписание в будущем должно было охватить 3600 плановых офицерских должностей.

По немецкому личному составу штат включал двадцать одну офицерскую должность.

После этого Власов и его сотрудники, а также и весь редакционный штаб с Викториаштрассе были формально освобождены из плена и переведены на бюджет Дабендорфа. А в нем разместились русская редакция, которая готовила регулярные выпуски обеих русских газет — «Заря» (для военнопленных) и «Доброволец» (для добровольцев и «хиви» — «вспомогательный персонал»).

А что было дальше? Об этом Власов рассказал на допросе советскому следователю: «В декабре 1942 г. я поставил перед Штрикфельдом вопрос о передаче под мое командование всех сформированных русских частей и объединении их в армию. Штрикфельдт ответил, что передача мне всей работы по формированию русских частей задерживается из-за отсутствия русского политического центра. Украинцы, белорусы, кавказцы, как заявил Штрикфельдт, имеют в Германии свои руководящие политические организации и в связи с этим получили возможность формировать свои национальные части, а поэтому и я, если хочу добиться успеха в своем начинании, должен прежде создать какой-то русский политический центр. Понимая серьезность доводов,

выдвигаемых Штрикфельдом, я обсудил этот вопрос с Малышкиным и Зыковым, и при участии Штрикфельдта мы выпустили от себя документ, в котором объявили о создании «Русского комитета». Все дело в том, что план деятельности «Русского освободительного комитета в Смоленске» родился в недрах Отдела Генерального штаба «Иностранная армия Востока» (ФХО). В августе 1942 г. штаб группы армий «Центр» одобрил этот план. По соглашению между отделами ФХО и ОКВ/ВПр воззвание комитета должно было быть отпечатано и сброшено на Сталинградском фронте в количестве миллиона экземпляров. В воззвании предполагалось ясно наметить политические цели. Прошло время, но ничего не было сделано. В свое время получивший разрешение на издание листовки с 13-ю пунктами, включавшими политическую программу, капитан фон Гроте все же подготовил такой документ. Публикация его также не состоялась.

Тем не менее Штрик-Штрикфельдт его передал Власову. Зыков переработал все 13 пунктов, внося туда призыв к населению, а Вильфрид Карлович добился разрешения на публикацию через своего знакомого военного врача частей СС у министра по делам Востока Розенберга. Уже через несколько часов ротационные машины отпечатали несколько миллионов листовок со «Смоленским воззванием», в котором говорилось:

«Друзья и братья!

Сталинизм — враг русского народа. Неисчислимые бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина. История нашей Родины не знает таких поражений, какие были

уделом Красной Армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба.

Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

Союзники Сталина— английские и американские капиталисты— предали русский народ. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизней миллионов

русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры. В то же время Германия ведет войну не против русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу.

Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место».

Закручено лихо, но самое главное— написано нагло, очень нагло. Это был третий шаг генерала Власова. Он подписался под этим воззванием. В 45-м следователь спросил Власова:

«Вам предъявляется обращение «Русского комитета», датированное 27 декабря 1942 г. Об этом документе вы говорите?»

Власов: Да, речь идет об этом документе.

Следователь: Почему в написанном вами обращении указывалось, что местом пребывания «Русского комитета» являлся город Смоленск, в то время как вы находились в Берлине?»

Власов: С связи с тем что «Русский комитет» брал на себя функции правительства России, я и Малышкин считали политически невыгодным указывать, что «комитет» находится на германской территории».

После воззвания Власов посетил Дабендорф, где были открыты курсы по подготовке пропагандистов для работы среди военнопленных. Русским руководителем учебной части Власов назначил сперва генерала Благовещенского, но вскоре заменил его более энергичным Трухиным.

Иван Алексеевич Трухин родился в 1896 г., в Костроме, из дворян, русский. В 1906 г. закончил начальную школу, в 1914 г. — 2-ю костромскую гимназию, в 1916 г. — первые два курса юридического факультета МГУ и 2-ю Московскую школу прапорщиков. Беспартийный. В РККА — с 1918 г. Участник Гражданской войны: командир отделения, командир роты. С июля 1920 г. — командир батальона, а в октябре назначен командиром стрелкового полка. С января 1921 г. снова командир батальона, затем отпуск по болезни. С августа 1921 г. — командир роты на Костромских пехотных курсах. В сентябре 1922 г. зачислен слушателем в ВАФ. В 1924 г. награжден орденом Красного Знамени. По окончании ВАФ в августе 1925 г. назначен начальником штаба и исполняющим должность командира 133-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии УВО. С сентября 1926 г. — начальник штаба 7-й стрелковой дивизии. В январе 1931 г. назначен начальником штаба 12-го стрелкового корпуса ПриВО. С февраля 1932 г. преподаватель в ВАФ, а с апреля 1934 г. — начальник кафедры методики боевой подготовки. В 1935 г. — полковник. В октябре 1936 г. — слушатель АГШ. В октябре 1937 г. — старший руководитель курса, с ноября 1939 г. — старший преподаватель кафедры оперативного искусства. В 1940 г. ему присвоено воинское звание «генерал-майор». С августа — заместитель начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА. 28 января 1941 г. — начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба ПриОВО, с 28 июня —

заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта. 27 июня ранен и захвачен в плен. 30 июня доставлен в сборный лагерь в Шталуленен, а затем в Офлаг XIII-D в Хаммельбург. В октябре дал письменное согласие на борьбу с советской властью, вступил в РТНП...

Вместе с Трухиным в Дабендорф прибыли и представители НТС.

Началась совместная работа эмигрантов с бывшими советскими гражданами. А тем временем в Восточной Пруссии в Летцене было организовано учреждение генерала Восточных войск, подчиненного ОКХ. Так в рамках «германской организации» немцы попытались охватить всех «хиви» и добровольцев. Генералом Восточных войск по просьбе полковника Ронне был назначен генерал-майор Гельмих. Теперь все русские, украинцы, прибалтийцы, кавказцы и другие народы, находящиеся на службе у немцев, стали считаться «восточными».

Генерал Гельмих, как и большинство его офицеров, не говорил по-русски. Более того, он совершенно ничего не знал об этом народе. Не понимал он и Власова. При первой встрече с этим генералом Власов просил о выделении русских подразделений из немецких воинских частей и быстром сведении в национальные русские дивизии.

Убеждая Гельмиха, Власов говорил:

— Это то, что, может быть, еще сможет нанести Сталину смертельный удар! Немецкий генерал соглашался на изменение наименования «восточные войска» на «добровольцы», но при этом подчеркнул, что подчинение добровольцев русскому главному командованию— дело политики.

— Тут решают политики,— говорил он.— И я ничего не могу сделать. Моя задача— сперва учесть всех добровольцев, а затем заботиться о том, чтобы они, как каждый германский солдат, получали свое жалование и были приравнены в правах к немецким военнослужащим.

— И когда вы думаете закончить учет и снаряжение всех добровольцев?— спросил Власов.

— Несмотря на все мои усилия, я пока не могу получить от командиров немецких частей достоверных цифр об имеющихся у них «хиви».

Пополнения из Германии в данное время практически прекратились, и каждый немецкий командир боялся ослабления своей части, если у него отберут «хиви».

Разговор был окончен. О нем Гельмих подробно доложил в ОКХ, где получил следующий ответ: Власов должен пока что ограничиваться ролью «пропагандной фигуры для солдат Красной Армии».

После официального признания «добровольцев» встал вопрос о формулировке присяги. По утверждению Штрик-Штрикфельдта: «Русские и добровольцы других национальностей, по нашему мнению, не должны были, да и не хотели присягать Третьему рейху.

Сошлись на том, что присяга должна приноситься своему «свободному народу и Родине». Но Розенберг требовал одновременно и присяги на верность Гитлеру. Русские спрашивали: «Почему такое требование не ставится румынам, итальянцам, венграм и другим союзникам?»

В конце концов, более гибкие русские при поддержке Гроте нашли «переходную формулировку», как они ее называли, отвечавшую требованиям обеих сторон: русские должны были присягать на верность русскому народу (другие национальности— соответственно своим народам). В то же время все добровольцы скрепляли присягой подчинение «Гитлеру как верховному главнокомандующему всех антибольшевистских вооруженных сил».

Само собой разумеется, не все могли примириться и с такой формулировкой, и многие русские офицеры из лагеря Дабендорф предпочли возвратиться в лагеря военнопленных».

Многие, но не Власов и его сподвижники. Хотя, с другой стороны, куда же ему возвращаться, ведь так много уже было им сделано на службе фашистской Германии. Дорога у предателя одна.

7. Поездки на фронт и запрет

После получения согласия от фельдмаршала фон Клюге Власова стали готовить к поездке на средний участок фронта. Инициатором этой акции стало Восточное министерство. Удивительно, но только теперь, после воззвания «Русского комитета» и поражения Германии под Сталинградом, особенно резко встал вопрос об укреплении фронта и обеспечении безопасности тыла. Для сопровождения Власова выделили офицера штаба генерала фон Шенкендорфа, подполковника Шубута и капитана Петерсона.

Итак, Белосток— Минск— Смоленск. Подготовку поездки взял на себя отдел пропаганды штаба группы армий «Центр», возглавляемый майором Костом. Майор даже добился разрешения в штабе группы, чтобы Власову была предоставлена радиостанция в Бобруйске для обращения к населению. Но ОКВ запретило это радиообращение. Тем не менее руководитель радиостанции объявил, что в данный момент в радиостудии находится почетный гость: «Генерал Власов совершает инспекционную поездку по освобожденным областям и передает свои лучшие пожелания всем искренним русским патриотам...»

А вот как об этой поездке рассказывал следователю Власов: «Я в сопровождении представителя отдела пропаганды германской армии подполковника Шубута и капитана Петерсона выехал в Смоленск, где ознакомился с деятельностью созданных немцами из советских военнопленных батальонов пропаганды и добровольческого отряда.

Там же, в Смоленске, по инициативе городского самоуправления мне была устроена встреча с представителями местной интеллигенции. Я выступил с сообщением о создании «Русского комитета» и переговорах, которые ведутся с немецким командованием, о формировании русских вооруженных сил для борьбы против советской власти».

Была и вторая поездка на северный фронт: «В том же, 1943 г., я посетил Псков, где осмотрел батальон добровольческих войск и был на приеме у командующего германскими войсками, действовавшими под Ленинградом, генерал-фельдмаршала Буша, который попросил меня рассказать на собрании германских офицеров о целях и задачах «Русского комитета». Выступая на этом собрании, я заявил, что «Русский комитет» ведет активную борьбу против советской власти и что немцы без помощи русских уничтожить большевизм не смогут. Мое выступление явно не понравилось генерал-фельдмаршалу Бушу. Возвращаясь в Берлин, я остановился в Риге и выступил с антисоветским докладом перед русской интеллигенцией города, а также имел беседу с проживавшим в Риге митрополитом Сергием. Встреча с митрополитом Сергием мне была организована немецким офицером, который ведал пропагандой в Риге, с целью установления контакта с русской православной церковью и использования духовенства для совместной борьбы с Советской властью. Сергей, согласившись со мной о необходимости усилить борьбу

против Советской власти, сказал, что он намерен создать святейший синод в областях, оккупированных немцами. При этом Сергей говорил, что только священники, выехавшие из Советского Союза, знают положение населения и смогут найти с ним общий язык, в то время как эмигрантские священники оторвались от советской действительности и авторитетом среди населения не пользуются. Я порекомендовал Сергию не торопиться с созданием синода, а прежде объединить духовенство для борьбы против большевизма и выяснить отношение населения к церкви».

Во вторую поездку Власов поехал по приглашению фельдмаршала фон Кюхлера и генерала

Линдемманна. Она состоялась с середины апреля до начала мая 1943 г.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, эта поездка была полным личным триумфом Власова, но в то же время она нанесла их движению страшный удар.

Перед отъездом Власова в ОКВ к Штрик-Штрикфельдту в феврале 1943 г. прибыл Сергей Фрелих. Бывший инженер и сын владельца большого коммерческого предприятия Риги предъявил документы от центрального штаба СА. Из них следовало, что Фрелих командирован в качестве связного офицера между штабом СА и штабом Власова. Этот немец, русский и латыш одновременно в дальнейшем станет опекать Андрея Андреевича и будет частенько заменять ему переводчика. По словам Фрелиха, генерал умел сразу почувствовать сущность обсуждаемого вопроса, и в результате собеседники быстро воодушевлялись и усваивали его идеи...

Однажды после выступления Власова в театре Смоленска к нему подошел заместитель германского начальника Смоленского района Никитин и начал спрашивать: правда ли, что немцы собираются делать из России колонию, а из русского народа рабочий скот? Правы ли те, кто говорит, что лучше жить в плохом большевистском СССР, чем под немецким кнутом? Почему до сих пор никто не сказал, что будет с нашей родиной после войны? Почему немцы не разрешают русского самоуправления в занятых областях?

Что мог ответить ему Власов, если он и сам не все понимал. После нескольких секунд раздумий следовали общие слова, общие фразы: «Уже одно мое выступление в этом театре доказывает, что немцы начинают понимать настроения и проблемы русских. Недоверие привело ко многим и тяжелым ошибкам. Теперь эти ошибки признаются

немцами... Свергнуть большевизм, к сожалению, можно только с помощью немцев. Принять эту помощь — не измена... Чтобы добиться от немцев того, что должно было быть сделано уже давно, мне нужны доверие и помощь народа». Власов лгал не только людям, но и самому себе, отвечая на конкретные вопросы, в общем. Так его спросили: «Господин генерал, почему после воззвания Смоленского комитета ничего не слышно об

этом комитете и о вас лично?»

— Россия велика. Словечко «Смоленский» на листовке вы не должны принимать буквально. Но вы же знаете, как было под Сталиным. А обо мне вы вскоре будете слышать больше и чаще. Ведь мы только начинаем, — это все, что мог сказать Власов.

Никакого триумфа у него и быть не могло. Это был триумф капитана Штрик-Штрикфельдта и его начальников, а также всей немецкой пропаганды ОКВ. Сделано было немало. А как благодарят собаку за ее верную службу? Ей бросают кусок мяса.

Отблагодарили и Власова: из Дабендорфа, лежащего вне Берлина и находившегося на положении лагеря с установленным распорядком жизни, перевели в скромную виллу на Кибицвег в одном из районов Берлина-Далеме. Здесь он поселился вместе с двумя главными помощниками — Малышкиными и Жиленковым, под охраной русской команды.

После своего возвращения Власов со своими сподвижниками разработал план операции по захвату еще не занятой германской армией полосы между бывшими царскими летними резиденциями Ораниенбаумом и Петергофом, а также по овладению Кронштадтом. Власов, по воспоминаниям Вильфрида Карловича, предлагал провести эту операцию сам с русскими добровольцами в составе двух дивизий. Его целью было удержать за собой Ораниенбаум и Кронштадт. Пока доклады об этом через генерала Гелена пошли наверх, готовилась пропагандистская акция под кодовым названием «Просвет». Задача этой акции заключалась в распространении по ту сторону Восточного фронта информации о том, что

против советских войск стоят не только немцы, но и их борющиеся за свободную Россию бывшие боевые товарищи, и что при переходе на немецкую сторону их будут рассматривать

не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах русской национальной части, если они того захотят, или же они смогут мирно работать.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «Гелен возлагал большие надежды на эту операцию, при условии, что она будет проводиться в сотрудничестве с Власовым и в связи с освободительным движением. Санкции на это у него еще не было. Но уже было дано согласие на то, чтобы придать каждой фронтовой дивизии вермахта специальные группы русских, состоящие из пяти офицеров и пятнадцати иных чинов. Эти русские группы должны были пройти в Дабендорфе краткосрочные курсы, чтобы к концу апреля было подготовлено полторы тысячи человек. Их должны были прислать на Дабендорфские курсы из существующих добровольческих частей при генерале восточных войск.

Авторы проекта надеялись, что специальные группы в результате переходов красноармейцев вскоре вырастут до батальонов или даже до полков».

Но случилось так, что фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении Власову какой бы то ни было политической деятельности, вследствие его «наглых» высказываний во время поездки в группу армий «Север».

А.А. Власов: «После возвращения из поездки я имел в городе Летцене встречу с командующим добровольческими частями генерал-лейтенантом Хельмигом. Хельмиг предложил мне остаться у него в штабе и помогать ему руководить сформированными русскими частями. Я отказался от этого предложения, заявив Хельмигу, что до тех пор, пока русские военнопленные будут находиться на службе в немецких частях, они воевать против большевиков как следует не будут. Я просил Хельмига всю работу по созданию русских частей передать мне, с тем чтобы сформировать из них несколько дивизий, подчинив их «Русскому комитету».

Не договорившись с Хельмигом, я возвратился в Берлин и от Штрикфельдта узнал, что о моем выступлении у фельдмаршала Буша стало известно Гиммлеру. Гиммлер на одном из узких совещаний высших начальников германской армии заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии возится с каким-то военнопленным генералом и позволяет ему выступать перед офицерским составом с такими заявлениями, которые подрывают уверенность у немцев в том, что они одни могут разбить Советский Союз.

Гиммлер предложил прекратить такую пропаганду и использовать только тех военнопленных, которые заявляют о своем согласии служить в немецкой армии.

После этого выступления Гиммлера я некоторый период не проявлял активности и до 1944 г. никуда из Берлина не выезжал...»

Соответственно, срывалась и акция «Просвет», так как она планировалась при участии Власова. И все же немцы провели ее без него. Об этом написал Вильфрид Карлович: «Наши специальные группы и отдельные пропагандисты продолжали говорить о русской освободительной армии в своих обращениях, но разрыв между обещаниями пропаганды и реальностью лишал их призывы искренности. Несколько позже я получил возможность просмотреть сводку результатов всей операции, составленную на основании донесений дивизионных штабов. «Группы перехвата» были всего в 130 дивизиях, из них 97 сообщали о хороших, 9— о посредственных и остальные 24— о слабых или ничтожных результатах».

Честно говоря, даже этим цифрам поверить сложно, потому что Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт работал все-таки не в Красном Кресте, а в ведомстве Гелена. Это надо учитывать. Придумать, сфантазировать можно что угодно, но где же истина? Например, Штрик-Штрикфельдт в своей книге называет 17 апреля, дату, когда фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении политической деятельности Власова. Приводит он и сам приказ: «Ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в группу армий «Север», осуществленную без доклада фюреру и мне,

приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно...» и т.д.

Но тот же Вильфрид Карлович до этого пишет, что вторая поездка Власова состоялась с середины апреля до начала мая 1943 г. А документ был подписан 1 июля и содержал угрозы возвращения в лагерь:

«Перевод с немецкого,

начальник штаба Вооруженных сил 1.VII —1943 года

1. Начальник отдела пропаганды вооруженных сил доложил мне в Берлине о совершенной им по моему приказанию фронтовой поездке (Восточной фронт). Согласно его сообщению, власовская пропаганда и параллельно с этим развертывание «освободительной армии» сведены к масштабам, предусмотренным фюрером, и направлены в желаемое фюрером русло.

2. Министр по делам Востока отклонил использование Власова. Фюрер согласился с доложенным мной предложением полковника фон Веделя об использовании его в целях пропаганды.

3. Сегодня я беседовал с фюрером по поводу обоих предложений, переданных полковником фон Веделем. Фюрер согласен с таким раздроблением и связанной с этим отменой великорусской идеи Власова.

4. Начальник отдела пропаганды вооруженных сил мною проинформирован.

Подписал КЕЙТЕЛЬ».

Так советского предателя генерал-лейтенанта Власова немецкие хозяева поставили на место, напомнив ему очевидную истину: инициатива наказуема! Ведь он действительно переборщил. Но пользоваться им продолжали. Между этими двумя поездками родилось письмо Власова под заглавием «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом».

Этот новый заказ был не менее важен, чем «Обращение Русского комитета», опять-таки в целях агитации и пропаганды... Известно, что Власов рассказывал, а Зыков записывал. Затем немцы отпечатали листовки, в которых русский генерал обращается к русским и при этом как бы раскрывает свою душу.

ПОЧЕМУЯ СТАЛНАПУТЬ БОРЬБЫ СБОЛЬШЕВИЗМОМ

(открытое письмо генерал-лейтенанта А.А. Власова)

Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

Меня ничем не обидела советская власть.

Я— сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной Армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной Армии. 24 г. непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награжден орденами Ленина, «Красного Знамени» и медалью «XX лет РККА». С 1930 г. я был членом ВКП(б). И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я должен

дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной Армии потому, что я верил, что революция даст русскому народу землю, свободу и счастье. Будучи командиром Красной Армии, я жил среди бойцов и командиров— русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся русский народ в годы гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной Армии, выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы русского народа.

Система комиссаров разлагала Красную Армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939 г. я находился в Китае в качестве военного советника Чан Кайши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны, либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготовляемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной Армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики. И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4 мех. корпуса.

Как солдат и как сын своей Родины, я считал себя обязанным честно выполнить свой долг.

Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянное управление фронтом привело Красную Армию к ряду тяжелых поражений. Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательства в ее действия больших и малых комиссаров.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако неизлечимые болезни Красной Армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я должен был оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением и затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама

перешла в наступление. Она прорвала фронт германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему московскому участку фронта, подошла к Гжатску. Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу, *делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину*. Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос: *да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь русский народ?..*

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель. Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 грамм сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного командования. Но все продолжали самоотверженно биться. *Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?*

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка, и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: *следует*

ли дальше проливать кровь русского народа? В интересах ли русского народа продолжать войну? За что воюет русский народ? Я ясно сознавал, что Русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англо-американских капиталистов. Англия всегда была врагом русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в служении англо-американским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов он связал судьбу русского народа с судьбой Англии, он вверг русский народ в войну, навлек на его голову неисчислимые бедствия, и эти бедствия войны являются венцом всех тех несчастий, которые народы нашей страны терпели под властью большевиков 25 лет.

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? Не является ли большевизм, и в частности Сталин, главным врагом русского народа?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики? Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, что мой долг заключается в том, чтобы призвать русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для русского народа, за прекращение кровопролитной, не нужной русскому народу войны за чуждые интересы, к борьбе за создание новой России, в которой мог бы быть счастливым каждый русский человек.

Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с германским народом. Интересы русского народа всегда сочетались с интересами германского народа, с интересами всех народов Европы. Высшие достижения русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать

нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с германским народом русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. *В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы.*

С этими мыслями, с этим решением, в последнем бою вместе с горстью верных друзей я был взят в плен. Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но и укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия, я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения новой России.

Как я себе представляю новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение национальной революции, к борьбе за создание новой России — Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с великим германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать под знамена русской освободительной армии, дают мне право сказать, что я

нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь, — правое дело, дело русского народа. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией.

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за отечество, за Россию.

Это жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам. Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию. Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за новую Россию. Россия — наша! Прошлое русского народа — наше! Будущее Русского народа — наше!

Многочисленный русский народ всегда на протяжении всей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье.

Генерал-лейтенант А.А. Власов

Я цитирую все письмо... Несколько позже мы познакомимся с подлинной биографией А.А.

Власова, которую до сих пор знают, возможно, немногие... А пока хотелось бы обратить внимание на такой факт: «Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой...» Известно, что Власов сдался в плен в середине июля, а через два месяца его доставили в Берлин, где условия содержания были несколько иными, чем в обычных лагерях, я бы сказал, гораздо лучше. Чем больше Власов работал на хозяев, тем еще лучше они к нему относились. Ему платили по заслугам, чем могли. Как говорится, что

Бог подаст!

8. Решение фюрера

ГОРНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ ГИТЛЕРА

3 ИЮНЯ 1943 г. 21 час 45 минут.

Действующие лица:

Гитлер,

генерал-фельдмаршал Кейтель,

генерал-лейтенант Шмундт,

генерал Цейтлер,

полковник Шерф.

Кейтель. Вопрос об отношении к пленным, добровольцам из пленных и батальонам из местных жителей на Востоке представляется мне в данный момент в следующем виде. Генерал Цейтлер может меня поправить, если высказываемые мной положения неверны.

Вся пропаганда Власова, которую он развернул, так сказать, самодельным порядком, послужила основой для нынешней капитальной пропаганды, проводимой под условным наименованием «серебряный лампас» и рассчитанной на привлечение перебежчиков.

С этой целью были выпущены листовки, содержание которых мы тогда согласовали с рейхсминистром Розенбергом, министром по делам Востока. Они были обсуждены с ним по каждому отдельному слову, он их одобрил и санкционировал. И тогда, с начала мая, можно сказать, развернулась широкая тотальная кампания.

Цейтлер. Часть листовок содержит вопрос о приличном обращении. Это основная масса.

Кейтель. Мы в них с целью пропаганды обещаем, что, если они перейдут к нам, они встретят у нас особое обращение. Это говорится в изложении приказа № 13, который использован для одной из листовок.

Фюрер. Листовку я видел.

Кейтель. Отдано распоряжение, чтобы перебежчики направлялись в специальные лагеря.

Фюрер. Это все правильно.

Кейтель. И чтобы в дальнейшем они могли вызваться добровольно на роли— во-первых, обыкновенных рабочих, во-вторых, добровольных помощников на оборонных работах, и в-третьих, при соответствующих обстоятельствах для зачисления в туземные соединения.

Фюрер. Этого мы в листовках не имеем в виду.

Цейтлер. Нет, в листовке, в приказе № 13 этого нет.

Кейтель. Это сказано позднее. После некоторого определенного времени они должны быть переведены на соответствующие роли. Об этом сделал распоряжение командующий восточными вооруженными силами, на этот счет я осведомлялся. **Если они** в течение определенного испытательного периода **зарекомендуют себя, они могут просить об использовании их** в соответствующей роли, как в качестве добровольных помощников, так и для зачисления в туземных соединениях. Эта широкая пропаганда опирается на листовки, которые подписываются □ национальными или национально-русским комитетом □. В этих листовках мы им говорим: с вами будут хорошо обращаться,

вы получите хорошее питание, вы получите работу, а также, помимо этого, в листовках содержится призыв: переходите к нам, у нас вы можете вступить в русскую национальную освободительную армию.

Фюрер. Это следовало раньше доложить мне.

Кейтель. Этот пункт играл важную роль.

Фюрер. Из всего этого я усматриваю сегодня только одно, и это является для меня решающим— необходимо избегать такого положения, когда у нас могли бы создаться ложные представления. **Необходимо различать право пропаганды, которую я направляю на ту сторону, и то, что в конечном счете мы делаем на самом деле.**

Кейтель. Что мы делаем позади нашего фронта?

Фюрер. Не следует допускать даже малейшей мысли насчет того, что мы хотели бы найти, скажем, компромиссное решение. В этом смысле мы имели трагический урок уже в Первую мировую войну в отношении Польши,— я недавно уже указывал на это,— где имело место аналогичное обстоятельство благодаря обходному маневру появившихся тогда на сцене польских легионеров, в начале имеющих совершенно безобидный характер. Но внезапно события сгустились. В одном надо себе ясно отдавать отчет.

Я всегда считал, что мало есть людей, которые в критические моменты способны сохранять полное хладнокровие и не создавать себе никаких иллюзий. Поговорка, что утопающий хватается за соломинку, к сожалению, остается верной. Она сохраняет силу не только для утопающего, но и для всякого другого человека, находящегося в опасности. Большинство людей, сталкивающихся с опасностью, видят вещи не так, как они есть в действительности. Я мог бы сослаться на документы, которые я в свое время получил от Борндта в тот момент, когда последовало отступление, когда неожиданно реальная почва была утеряна, и вместо этого возникла иллюзия,— именно тотчас после высадки англо-американцев в Селучно, теперь мы должны там наступать. Явное безумие, против которого мне пришлось тогда выдержать такую борьбу, но которое внезапно охватило людей и затуманило их рассудок, до того совершенно ясный и трезвый. В этом одном я усматриваю опасность, если у нас что-нибудь будет таким образом постепенно углубляться.

Теперь у нас достаточно людей. В хозяйстве Розенберга они сидят без числа. Но, к сожалению, они имеются у нас и при армиях. Это— бывшие балтийские дворяне и другие балтийские немцы. Но имеются также и **украинские эмигранты**, которые со временем обжились в Германии, **частично, к сожалению, даже приобрели гражданство** и которые, естественно, смотрят на немецкую освободительную кампанию с большой радостью. Но на фоне событий **они видят не наши национальные цели, в перспективе они видят свои собственные цели. Каждый народ думает о себе и ни о чем другом.**

Все эти эмигранты и советчики хотят только подготовлять себе позиции на будущее время.

Кейтель. В дополнение к этому осмелюсь доложить, что когда Польша действовала против нас, немецкие офицеры, как, например, один командир кавалерийского полка, состоявший в немецкой армии и четыре года участвовавший в боевых действиях, перешел на сторону Польши, чтобы принять на себя командование соответствующими подразделениями.

Польское столбовое дворянство!

Фюрер. На сегодня перед нами встает именно такая опасность. Приказ № 13 вообще не подлежит обсуждению. Равным образом и другие вещи можно делать с таким расчетом, чтобы практически из них не вытекало никаких даже самых незначительных последствий и чтобы прежде всего не допустить распространения такого образа мыслей, какой я, к сожалению, уже обнаруживал у некоторых субъектов. Это несколько раз проявлялось и у Ключе: создадим себе огромное облегчение, если организуем русскую армию.

Здесь я могу лишь сказать: мы никогда не создадим русской армии— это фантазия первого разряда. Прежде чем мы это сделаем, будет гораздо проще, если я из этих русских сделаю рабочих для Германии; ибо это в гораздо большей степени является решающим фактором.

Мне не нужно русской армии, которую мне придется целиком пронизывать чисто немецким скелетом. Если я взамен этого получу русских рабочих, это меня вполне устраивает. Я могу тогда высвободить немцев, я могу соответствующим образом перекавалифицировать русских. Наибольшим **достижением** для нашего производства будет **являться рабочий, который будет занят на работе в Германии и которого мы должны, естественно, снабжать совершенно иначе, чем немцев,** раз мы поручаем работу.

Одного нам нужно решительно избегать— чтобы у нас неожиданно не возникла мысль: может быть, наступит день, когда дела у нас пойдут плохо,— и нам нужно только создать украинское государство, тогда все будет в порядке, тогда мы получим один миллион солдат. Мы ничего не получим, ни одного человека! Это такая же фантазия, как и тогда. Мы совершили бы величайшую глупость. **Мы прежде всего упустили бы из виду цель настоящей войны.** Я недавно уже сообщил Цейтлеру. Я имел беседу с Розенбергом и Кохом и мог лишь одно установить, что между ними, естественно, имеется огромная разница. Розенберг имеет в своем распоряжении деклассированные политические элементы еще со времен его собственной эмиграции. Вполне естественно, что в 1919—1922 гг. мы к этим эмигрантам относились с полной симпатией, так как мы говорили, что, может быть, в России наступил перелом. Оказалось, что все это тоже одна лишь фантазия. Эмигранты ничего не делали. Они жили себе в Германии и кормились за наш счет. В 1921 г. я имел по этому поводу спор с Розенбергом, и я ему тогда сказал: «Розенберг, заметьте

себе твердо, что революция делается только теми людьми, которые находятся внутри государства, а не вне его». И вот появился украинский гетман, который предложил нам свои услуги. Я сказал тогда: «Розенберг, чего вы ждете от этого человека?» — «О, он организует революцию». Я сказал тогда: «В таком случае он должен находиться в России».

Люди, совершающие революцию, должны находиться внутри государства. В противном случае это было бы равносильно тому, что я находился бы в Швейцарии и сказал бы: «Я организую из Швейцарии революцию в Германии». Это звучит слишком по-детски.

Мне пришлось однажды пережить такой случай. В числе других тому же Коху был сделан упрек, что в его районе появились партизаны. Кох сказал тогда: «Как вы можете делать мне такой упрек? Покажите мне какой-нибудь прифронтовой район, в котором не было бы партизан? Какие я имею политические соединения? Дайте мне достаточно полиции, и я покончу с партизанами. Уберите из любого прифронтового района войска, и вы увидите, есть там партизаны или нет. В хлебородных округах моего района нет партизан,

они имеются лишь в северных округах, где так или иначе всегда водились банды. Войска должны вести постоянные операции против партизан в полосе до 50 километров за линией фронта. Я нахожусь на сотни километров позади фронта и не имею в своем распоряжении никаких людей. С кем я стану все это делать?» Все это является теоретизированием в облаках, без всякого учета того обстоятельства, что мы совсем не собираемся здесь ставить

перед собой задачи на далекое будущее. **Никаких отдаленных целей я намечать не могу в смысле создания независимых или автономных государств.** Ибо начинается дело, и всегда оно кончается независимым государством. Это совершенно ясно, таков бывает заключительный аккорд песни.

Здесь нужно ставить вопрос со всей остротой, чтобы у нас не возникало никаких ложных представлений. Генерал Цейтлер высказался уже, что было бы, может быть, важно, чтобы я эту мою точку зрения изложил при случае наиболее видным офицерам— и в первую очередь генералам и фельдмаршалам.

Кейтель. Ламмерс здесь, чтобы изложить их взгляды в краткой докладной записке. Он уже беседовал со мной по этому вопросу, и я просил его сделать это в срочном порядке, так как нашим генералом очень трудно разъяснить это дело. Я беру на себя смелость заявить об этом открыто. Я это знаю непосредственно от Мюллера и Клюге. В создании так называемых туземных соединений и в их вооружении они усматривают средства для ликвидации тревожного состояния, существующего в тыловых районах.

Фюрер. Цейтлер расскажет нам о них. Это, несомненно, такие соединения, которые сегодня нельзя удалить безоговорочно, так как их надо чем-то заменить.

Цейтлер. Мы имеем всего 78 батальонов, 1 полк и 122 роты. Это все. Из этих 78 батальонов 47 находятся в распоряжении фельдмаршала, на Украине и в распоряжении командующего запасной армией, так что собственно— впереди остается немного, и все они очень распылены, поскольку они находятся впереди. Далее имеется особая категория численностью в 60 000 человек. Это— некоторая разновидность охраны. Они сведены в совершенно мелкие группы.

Фюрер. Это нужно. Без этого нельзя обойтись.

Цейтлер. О добровольных помощниках— приблизительно до 220 000 человек. Они распределены в войсках примерно по 4—5 человек на одного артиллериста. Их нельзя убирать.

Кейтель. В этих добровольных помощниках я не усматриваю ни политической, ни пропагандистской, ни иной какой-либо проблемы. Что касается туземных соединений, то там дело опаснее, так как они сведены в достаточно крупные единицы.

Цейтлер. Имеется только одно-единственное подразделение полкового типа. Все остальные сведены в батальоны. Это также не представляет опасности.

Фюрер. С моей точки зрения, решающий момент заключается не в самом факте существования этих соединений, а в том, что мы ни в коей мере не должны дать себя обмануть насчет того, чего вообще мы можем от них ждать и какое действие это произведет на другую сторону.

Кейтель. Я позволю себе заявить, что **мы будем рассматривать** этого инициатора пропагандистских листовок, подписанных Власовым, то есть **национальный комитет, как чисто пропагандистское средство.**

Цейтлер. **Необходимо провести резкую черту.** Там, где дело касается противника, там можно все делать, а что происходит внутри, там дело обстоит иначе. **Здесь должна быть ясная граница.**

Кейтель. Я этот вопрос еще раз поставил перед Розенбергом совершенно четко. Я задал ему вопрос: каковы их собственные **намерения в отношении национального комитета?** Что касается нас, то **мы предполагаем использовать их в целях пропаганды** для

возможно более широкого **привлечения перебежчиков.** Его ответ: сведение этих добровольных помощников (так он их называет) и русских, украинских, кавказских,

татарских боевых соединений в единую русско-украинскую освободительную армию, а также, добавлю я, использование этого предприятия с пропагандистскими целями.

Здесь мы имеем дело не только с использованием в целях пропаганды, но и особого рода сосредоточением. А это есть именно то, чего фюрер не желает.

Цейтлер. Этого мы совсем не делаем. **Можно было выдавать вознаграждение людям, которые у нас служат,** чтобы привязать их к нам, — какую-нибудь реальную ценность, будь то деньги или **обещание, что они потом что-нибудь получают.** Сосредоточение я считаю совершенно неправильной мерой, и уж ни в коем случае **в форме дивизий.** Батальоны еще допустимы, их легко держать в руках. Но соединения выше этого **не должны допускаться,** за исключением казачьей дивизии. Эта последняя будет

вести себя вполне порядочно.

Фюрер. Я сказал бы, что если бы мы успешно удержались на Кавказе, мы могли бы наверняка получить соединения не у грузин, а у мелких тюркских народов

Кейтель. Они **будут составлять исключение** из вышеуказанного правила, так как они являются сильнейшими врагами большевизма. Они стоят вне дискуссии. Это — **тюркские легионы.** Это чисто туземные соединения. Я еще раз могу указать на то, что мы говорили в прошлом году, в начале сентября, они **особо отличившиеся в борьбе с бандитами** туземные соединения.

Фюрер. Они тогда уже существовали.

Кейтель. Эти роты, поскольку они стоят из безусловно надежных элементов на добровольческой основе, могут быть оставлены и дальше, а также могут создаваться заново. Так мы и тогда договорились.

Фюрер. Создание еще новых формирований является уже опасным.

Цейтлер. Это, пожалуй, было бы слишком неосмотрительно.

Фюрер. Дальнейшую их организацию надо, естественно, как-то задержать. Ибо этот процесс не имеет никаких границ. Один может это понять так, другой — иначе.

Кейтель. Командующий Восточным фронтом также относится благожелательно к созданию этих соединений.

Цейтлер. Нет, ни в коем случае, батальон — самое крепкое соединение.

Кейтель. Теперь дальше. Подтягивание их к фронту для ввода в бой, а также использование эмигрантов и лидеров прежней интеллигенции впредь, как и раньше, категорически воспрещается. Это оговорено совершенно четко. Такие люди не должны допускаться на фронт. Мы их оттуда удалили. Я сам проделал такую операцию в войсковой группе «Центр». Там в качестве переводчиков на руководящие посты проникли эмигранты, и мы их выбросили.

Шмундт. Нельзя сказать, чтобы генерал-полковник Линдемманн очень хотел создавать эти соединения, но он говорит, что мы должны выделять вопрос о пропаганде в сторону противника. Здесь все средства хороши. Но в тыловом районе дело обстоит так, что мы добились того, что мы освободили наших солдат для фронта. *«Это мы достигли, — говорит он, — благодаря тому, что я только в рай-*

оне действия моей армии имеют 47 тыс. добровольных помощников. Которые, например, обслуживают всю мою железнодорожную сеть, — и все это всего-то потому, что они получают питание и жилье, а также сохранили себе жизни».

Кейтель. Добровольные помощники или туземные соединения?

Шмундт. Добровольные помощники. Но это— люди, которые без всякого надзора со стороны надсмотрщиков или полиции добровольно делают себе все это. А теперь явился Власов, который разъезжает всюду в качестве проповедника и проповедует национальное освобождение как в населенных пунктах, так и перед добровольными помощниками и войсками.

Кейтель. Это я уже запретил.

Шмундт. Генерал-полковник Линдемани говорит не совсем так, как думает господин фельдмаршал: «Мы будем создавать эти соединения в широком масштабе, но я обращаю ваше внимание на существующую в этом деле опасность. Власов их взбудоражил насчет свободы. Он, несомненно, этим больше всего затруднил борьбу с партизанами. Линдемани говорит, что теперь наступил момент, когда одно из двух: или надо сделать уступку этому Власову, даже если мы не намерены остановить его, и сказать: «Вы за это получите то-то и то-то», или все это дело надо отклонить начисто. Иначе это ударит нам в спину, люди станут выражать недовольство и вместо того, чтобы обслуживать железнодорожную сеть, в один прекрасный день начнут саботировать ее.

Фюрер. Вообще этот генерал Власов в наших тыловых районах мне совершенно не нужен.

Шмундт. Но он там работает.

Фюрер. Это необходимо прекратить. Он мне нужен только на передовой.

Шмундт. Командующие армиями хотели бы получить такое решение.

Кейтель. Это дело решенное.

Фюрер. Цейтлер, для нас вопрос ясен, для тыла этот Власов нам не нужен. Он может действовать только в сторону противника.

Цейтлер. Только в сторону противника своим именем и своими снимками.

Кейтель. Могу ли я теперь не поставить вопрос, который внесен войсковой группой «Север» через генеральный штаб,— группа просит разрешения включить добровольцев из числа эстов, латышей и литовцев в немецкие части в качестве немецких солдат и таким путем восполнить все вакансии.

Фюрер. Этого в такой общей форме нельзя делать.

Цейтлер. Существует у нас даже латышская бригада СС.

Фюрер. Это отдельные соединения, но в общей массе это делать не следует.

Кейтель. Если они будут включены в состав армии, они будут

фигурировать не в качестве добровольцев в особых частях на основе закона о трудовой повинности, а будут зачислены на имеющиеся вакансии при немецких войсковых подразделениях.

Фюрер. Ни при каких обстоятельствах. Это привело бы к тому, что эти соединения в конечном счете стали бы совершенно ненадежными. Совершенно другое дело, если я иду на уступки и составляю из этих людей отдельный легион. Но он тоже должен быть тщательно подобран и выдрессирован.

Кейтель. Это все делается.

Фюрер. Но если вы будете этих людей включать нормальным порядком в то или иное подразделение, то может случиться, что они внесут с собой яд совершенно беспримерного действия. Этого делать нельзя.

Цейтлер. Из крупных единиц существует только одна дивизия, о которой я докладывал и которая составлена по принципу 1 x 1. Это удивительно. Теперь фактически русские солдаты учат наших людей, как нужно окапываться и использовать местность. У них свой способ окапываться и располагаться в окопе, и это удивительный способ.

Кейтель. Это дивизия «Нидермайер», в ней имеются турки. Она носит номер 162.

Фюрер. Где она фактически находится?

Цейтлер. Она находится в губернаторстве.

Фюрер. Одно совершенно ясно, что эти соединения мы серьезно использовали только в нескольких пунктах, и там они не показали себя созревшими для серьезной нагрузки.

Цейтлер. Нет, для серьезной— нет! Хотя они в таком положении находятся уже полтора года, они до самого последнего времени остаются такими же ненадежными.

Фюрер. Полагаться на них нельзя. И я вынужден снова повторить: мы можем вести пропаганду в сторону противника как угодно. Это все можно делать. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что это не должно вовлечь нас в такое положение, какое мы

имели в 1916 году. Этого не должно случиться. Прежде всего, это не должно иметь места.

Мы не должны эти соединения готовить для кого-то третьего, кто возьмет их в руки и скажет: сегодня мы с вами заодно, а завтра нет. В один прекрасный день мы услышим нечто вроде забастовочного лозунга. Он обойдет весь фронт, и тогда они окажутся организованными и начнут заниматься вымогательством.

Кейтель. Я могу лишь добавить к этому, что Власов отозван. Его больше нет на фронте. Всякая пропаганда на фронте и его собственная пропагандистская деятельность ему запрещена. Оставалось только принять решение, можем ли мы пустить такое оповещение на эту сторону относительно так называемой освободительной армии.

Фюрер. Да, в этом случае можно все делать.

Кейтель. Я не видел в этом ничего угрожающего. Ибо мы, именно мы, являемся освободительной армией против большевизма.

Фюрер. Хотя я придерживаюсь того убеждения, что отозвание освободительной армии будет иметь эффект, ибо люди не хотят воевать, они хотят покоя.

Кейтель. Ну а как использовать людей из лагерей для перебежчиков?

Фюрер. Я стою на той точке зрения, что их надо вывезти и использовать в Германии. Это— военнопленные. Если бы я мог, 30, 40 или 50 процентов из них я бы отдал управлению, занимающемуся снабжением углем!

Цейтлер. Я поставил себе целью сделать из них подходящих рабочих для Германии. На передовой с перебежчиками не очень много успеешь. Одного или другого добровольного помощника я могу поставить на свободную вакансию. Но **основная масса должна идти в**

Германию в качестве рабочих, чтобы освободить немцев.

Фюрер. Я могу лишь сказать: если мы не упорядочим наше положение с углем, то наступит момент, когда я уже не смогу изготавливать боеприпасы и взрывчатые материалы, когда мы не сможем больше строить подводных лодок. Так может произойти в сотне различных областей— это бессмыслица. Но при таких условиях этот момент наступит. Уже теперь получается трагическое положение, когда приходят итальянцы и спрашивают, почему мы им не поставляем этих материалов. Я должен им их дать. А мы не в состоянии это сделать, потому что у нас слишком мало угля. Это, конечно, расхлябанность.

Кейтель. Итак, я сообщу рейхсминистру Розенбергу, что согласно нашему решению этот

вопрос не стоит в порядке дня, что позади нашего фронта мы вообще не намерены добиваться какого-либо практического результата этими средствами, что пропаганду в отношении противника мы этими средствами будем продолжать, что **в русском районе мы господину Власову больше не разрешим проявлять активность**. Если ему угодно...

Фюрер. Мы и никому другому также этого не разрешим. Мы ведь делаем это не для Коралловых островов, а позволяем вести пропаганду в отношении наших противников. Я убежден, что русские, со своей стороны, будут вести пропаганду против нас. Не следует допускать, чтобы у нас возникали ложные надежды.

Кейтель. Однако генералы, и в особенности Клюге, я это знаю от него лично, я с ним достаточно говорил по этому поводу, склонны

видеть в этом некоторую разгрузку.

Цейтлер. Как раз не хватает ясности сверху. Раз навсегда должна быть дана установка сверху прямо и без обиняков.

Кейтель. Теперь я позволю себе высказать еще одну просьбу по вопросу, который теперь обсуждается. После того как для относительно добровольных помощников наметились твердые положения, возникает вопрос о выработке четких определений также и для туземных соединений в смысле их состава, подготовки и т.п. Было бы хорошо, если бы мы могли их предварительно получить и показать фюреру. В данное время они прорабатываются у вас в организационном отделе.

Фюрер. Может быть, с помощью сегодняшней стенограммы, сегодня я излагал свои мысли письменно. Ламмерс еще раз просмотрит материал и на основе его составит проект решения. Впрочем, вы могли бы еще кое-что сделать. Мы можем видеть, как разворачивается история. При известных обстоятельствах было бы также возможно еще раз собрать часть наших высших командиров, чтобы я мог им сказать лично.

Шмундт. Это было бы чудесно.

Кейтель. Это было бы очень хорошо. Ибо получается маленький самообман. Люди надеются получить разгрузку, а не знают, какое беспокойство они сами себе создают, какую вошь они заводят у себя в тулупе».

9. Выводы

В феврале 1942 г. новый министр вооружения и боеприпасов Шпеер добился принятия программы немедленного высвобождения 250 тыс. солдат сухопутных войск для нужд военной промышленности. С этого времени для германского военного командования началась самая настоящая борьба за людей, которая не прекращалась до падения рейха.

Потери с 22 июня по 31 декабря 1941 г. составили: ранено — 19 016 офицеров, 602 292 унтер-офицера и рядовых; убито — 7120 офицеров, 166 602 унтер-офицера и рядовых; пропало без вести — 619 офицеров, 35 254 унтер-офицера и рядовых. Итого потеряно 26 755 офицеров и 804 148 унтер-офицеров и рядовых. Общие потери сухопутных войск на Восточном фронте составили 830 903 человек, то есть 25,96% численности всех сухопутных сил на Востоке (3,2 млн человек).

Армия резерва отдала всех новобранцев, включая контингент 1922 г. рождения. Однако понесенные потери на Восточном фронте восполнить оказалось невозможно. Состав дивизий пришлось сокращать с девяти батальонов до семи, значительно пополнив их за счет нестроевых и дивизионных тыловых служб и подразделений снабжения.

Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель вспоминал: «Я мог бы написать об этой трагедии трех последних лет войны целую

книгу, и все равно не исчерпал бы тему. Что означала нехватка живой силы в сухопутных войсках, показывают всего две цифры. Ежемесячные потери в обычное время (не говоря о крупных сражениях) в среднем составляли примерно 150—160 тыс., из них заменялись (тоже в среднем) —90—100 тыс. Рекрутские ежегодные контингенты в последние годы войны давали по 550 тыс., однако войска СС, по категорическому приказу фюрера, получали из них 90 тыс. добровольцев (но такое количество не всегда удавалось набрать), далее, 30 тыс. получала люфтваффе, а уже это одно равнялось трети всего контингента одного года рождения».

Первое предложение о восполнении потерь личного состава немецких войск за счет создания до апреля 1942 г. вспомогательных русских подразделений общей численностью до 200 тыс. человек поступило от группы армий «Центр». Сам командующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич вроде бы высоко оценил эту инициативу. Однако в декабре 1941 г. Браухич и Бок были сняты со своих постов. Тогда в генеральном штабе возникла идея «четко сформулировать политические цели войны и в соответствии с ними изменить оккупационную политику в отношении России».

Этими вопросами занимались начальник генерального штаба, начальник оперативного управления, начальник организационного отдела, начальник отдела «ИАВ» и генерал-квартирмейстер.

Они выступили с инициативой взять на учет все вспомогательные и добровольческие подразделения из местного населения и решить вопрос об их продовольственном снабжении, денежном содержании и месте в составе немецких войск. «Была подготовлена директива,— вспоминал генерал Гелен,— на основании которой все дивизии Восточного фронта получили право вводить в состав каждой дивизии до 3—4 тыс. человек из числа местных жителей и ставить их на полное довольствие».

До решения этого вопроса восстановление людских потерь производилось командирами самостоятельно, так как «для освоения огромных пространств России требовалось все больше солдат, в немецкие подразделения для выполнения вспомогательных функций стали привлекаться добровольцы— русские, украинцы и представители других российских народов. Точное число волонтеров установить невозможно, так как командиры подразделений во многих случаях не сообщали об этом вышестоящим начальникам. Летом 1942 г. таких добровольцев было от 700 тыс. до 1 млн» (Гелен).

Таким образом, главной причиной, послужившей предпосылкой к созданию так называемого «власовского движения», стали невосполнимые людские потери на Восточном фронте в 1941—1942 гг.

Во-первых, ради этого многие здравомыслящие немецкие генералы и офицеры предполагали пойти на изменение политической цели войны и оккупационной политики. Отмечу, что это был чисто стратегический ход, который должен был выполняться пропагандистскими методами. Проблема была только в том, что Гитлер не шел на это ни при каких обстоятельствах, и он оказался твердым орешком для военных. Когда

блицкриг провалился, многие поняли что победа в войне невозможна без участия так называемой «пятой колонны» из советских военнопленных и гражданских лиц на оккупированной территории.

С огромным опозданием в 1942 г. предполагалось обратиться к народам России с предложением поддержать германскую армию, а ее поход окрасить в освободительные краски борьбы с большевизмом и сталинским режимом. По мнению специалистов германского генерального штаба, это было единственное спасение для всей военной кампании, которая лишь в таком направлении могла завершиться победой.

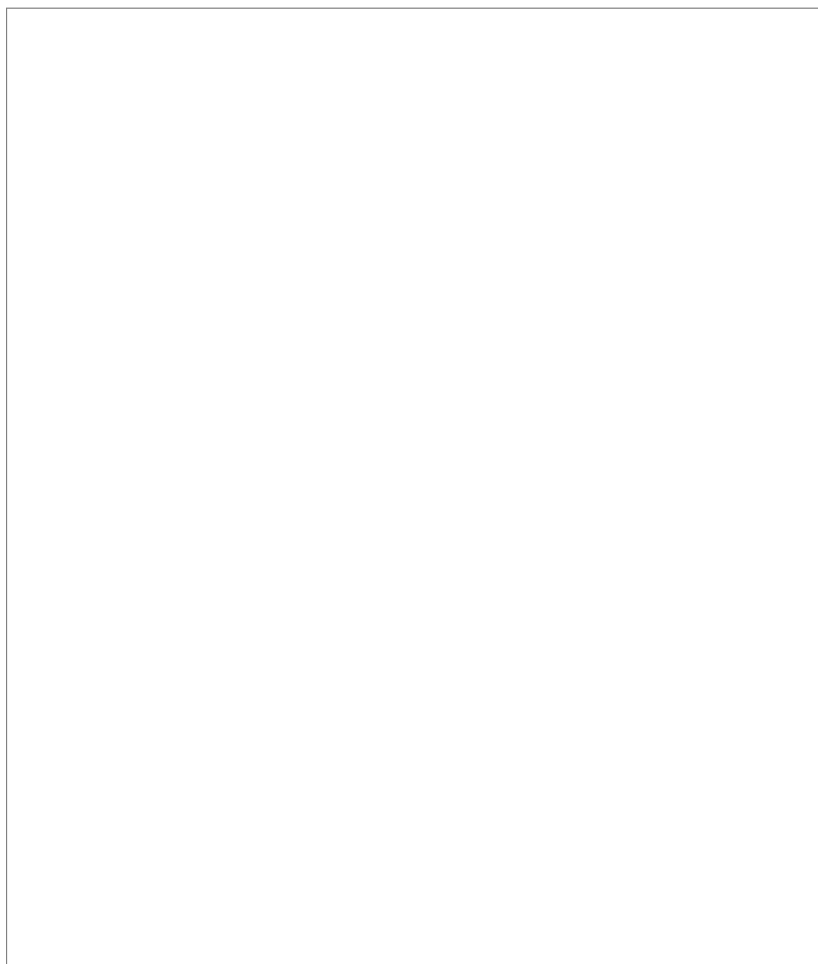
Думаю, что уже в 1942 г. это было слишком поздно.

Во-вторых, фигура плененного генерала Власова стала для горящих идеей победить Россию «по-умному» знаковой. До него ни один из советских генерал-лейтенантов не соглашался сотрудничать с немцами, к тому же Власов занимал должность заместителя командующего фронтом, а таких фигур в плену у немцев просто не было. Следовательно, появился и номинальный вождь в качестве наживки для измученного пленом и оккупацией русского человека.

В-третьих, формальное понятие «освободительное движение», рожденное в германском генеральном штабе, стало поистине уникальным и удобным как для его «родителей», так и для самого Власова и всех тех, кто к нему примкнул. Для оправдания предательства, трусости лучшего определения, лучшей вывески придумать было просто нельзя, точно так же, как и для оправдания войны Германии. Однако кроме запоздалого «движения» было еще и расхождение слов немецкой пропаганды с реальным положением дел на оккупированной территории, где царили обыкновенные зверства недочеловеков.

Таким образом, за идею боролись и стараниями в том числе отдела «иностранные армии Востока». В начале 1943 г. на Восточном фронте числилось 176 батальонов и 38 отдельных рот так называемых восточных подразделений.

Теоретически их состав выглядел следующим образом:

ЧАСТЬ 2

ДОСЬЕ НА ГЕНЕРАЛА

Глава 1. Стратегическая ошибка...

Война— порождение греха и искупление греха.

Н. Бердяев

Илья Григорьевич Эренбург на фронт выехал 5 марта 1942 г. по Волоколамскому шоссе. Сидя в машине, он впервые увидел развалины Истры и Ново-Иерусалимского монастыря. Далее поехал через Волоколамск, где возле Лудиной горы в избе помещался КП 20-й армии. Именно здесь он встретился с популярным генералом, ставшим в ходе контрнаступления под Москвой «сталинским полководцем», командующим А.А Власовым.

И.Г. Эренбург вспоминал позднее:

«Он меня изумил прежде всего ростом— метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами— говорил он образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. У меня было двойное чувство: я любовался, и меня в то же время коробило— было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах. Вечером, когда Власов начал длинную беседу со мной, я понял истоки его поведения: часа два он говорил о Суворове, и в моей записной книжке, среди другого я отметил: «Говорит о Суворове, как о человеке, с которым прожил годы...» А уже через два дня поздно вечером 8 марта генерал-лейтенант Власов переступил порог кабинета Сталина. Это была его вторая встреча с вождем.

В 22.10 вместе с ним вошли: маршал Шапошников, генералы Василевский, Жигарев, Новиков и Голованов. Но товарищ Сталин был не один. В его кабинете находились маршал Ворошилов с 21 ч 45 м и с 22 ч 05 м— Молотов и Берия. Андрей Андреевич Власов был вызван по случаю назначения на Волховский фронт заместителем командующего. Судя по разговору, дела там шли неважно.

Войска и население Ленинграда находились в исключительно тяжелом положении. Ставка Верховного главнокомандующего принимала все меры к скорейшему снятию блокады с осажденного города. Поэтому несмотря на то, что все имеющиеся резервы требовались

для задуманного контрнаступления на главном Западном направлении, она тем не менее направила под Ленинград две армии, благодаря которым на северо-западном направлении к началу января 1942 г. общее соотношение сил и средств изменилось в пользу Советской

армии. А для улучшения управления на этом направлении 17 декабря 1941 г. Ставка образовала Волховский фронт, в состав которого вошли: 4, 52, 59 и 26-я армии.

Командующим войсками фронта был назначен генерал армии К.А. Мерецков. До нового года войскам этого фронта удалось существенно ослабить силы немецкой группы армии «Север» и очистить часть захваченной прежде территории. В результате чего ГКО и Ставка ВГК смогли наладить снабжение голодавшего города через Ладогу. Таким образом, контрнаступление на севере и на юге способствовало осуществлению подготовки и проведению крупнейшей контрнаступательной операции под Москвой.

5 января 1942 г. в Кремле состоялось заседание членов Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК. На этом заседании Сталин предоставил слово начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову, который проинформировал его и присутствующих о положении на фронтах и изложил проект плана дальнейших действий.

Из этого выступления следовало, что важнейшая военно-политическая цель, стоявшая перед Вооруженными Силами, заключалась в том, чтобы ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу и, удерживая стратегическую инициативу в своих руках, разгромить армию Германии и ее союзников и создать условия для завершения войны в 1942 г. Сталин так прокомментировал доклад начальника Генерального штаба: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том... чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...»

Согласно замыслу Ставки ВГК, девяти фронтам, двум флотам и ВВС предстояло перейти в наступление практически одновременно на фронте от Ладожского озера до Черного моря с самыми решительными целями: окружить и уничтожить основные силы групп армий «Север», «Центр», «Юг» и к весне 1942 г. продвинуться на глубину 300—400 км. В дальнейшем «обеспечить... полный разгром гитлеровских войск в 1942 г.».

Но не все было просто в действительности. К началу 1942 г. советские Вооруженные силы оказались в тяжелейших условиях. Им предстояло вести свою первую наступательную кампанию при самой низкой технической оснащенности за все годы войны, слабом оснащении действующей армии боеприпасами, горючим, транспортом. Они уступали вермахту и в подвижности. А кроме того, Ставка ВГК испытывала трудности с людскими ресурсами. Напряженная шестимесячная борьба, приведшая в 1941 г. к огромным безвозвратным и санитарным потерям, — 4 млн 473 тыс. 820 человек (из них 52,2% — пропавшие без вести и попавшие в плен), оставление более 5 360 тыс. военнообязанных на оккупированной территории, развертывание военной промышленности, а также увеличение фронта борьбы вынудили советское правительство призвать на военную

Службу мужчин всех возрастов вплоть до 1890 г. рождения. В Ставке оказались основательно завышенные данные о потерях противника.

Так, по данным разведывательного управления Генштаба Советской армии, вооруженные силы Германии с 22 июня до ноября 1941 г. потеряли более 4,5 млн человек, а на 1 марта 1942 г. — 6,5 млн, в том числе сухопутные войска — 5,8 млн. По данным же начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта, потери на 1 января 1942 г. составили 830 903 человека, что равнялось 25,96% численности всех сухопутных войск на Восточном фронте (3,2 млн человек). Таким образом, отсутствие достоверной информации не способствовало объективной оценке Ставкой ВГК стратегической обстановки и отрицательно влияло на принятие целесообразных решений.

Именно в таких условиях и был рассмотрен план общего наступления Советской армии.

Командование Волховского фронта видело свои задачи в том, чтобы, «наступая в северо-западном направлении, разбить противника, оборонявшегося на р. Волхов, во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и пленить его (18-ю немецкую армию), а в случае отказа противника сдаться, истребить его». Ставка ВГК, учитывая тяжелое положение Ленинграда, возложила на войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронта при содействии Балтийского флота задачу разгромить группу армий «Север».

Однако против одновременного наступления всех фронтов в январе 1942 г. высказался член Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков, а также кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) И.А. Вознесенский. Он, как никто из присутствующих, знал, в каком состоянии находится народное хозяйство страны, какие трудности выпали на долю военной промышленности. «Мы сейчас, — заявил он, — еще не располагаем материальными возможностями,

достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов...» А вот что писал в своих мемуарах К.К. Рокоссовский:

«Мне запомнился разговор, происходивший в моем присутствии между Г.К. Жуковым и И.В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову провести небольшую операцию, кажется в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута.

Сталин ответил: «Все это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться». Жуков стоял на своем: «Иначе ничего не выйдет, одного желания мало». Сталин не скрывал своего раздражения. Но Жуков не сдавался. Наконец Сталин сказал: «Пойдите, товарищ Жуков, подумайте. Вы пока свободны».

Видимо, в тех условиях более целесообразно было принять план последовательного решения задач и начать разгром противника с группы армий «Центр», где успех сразу же сказался бы на работе промышленности Москвы, московского железнодорожного узла и всего московского промышленного района, а это позволило бы улучшить снабжение войск. Приняв же план разгрома врага на всех стратегических направлениях, все-таки не удалось создать достаточно сильных группировок ни на одном из них. Все резервы Ставки— девять армий, сформированных накануне наступления,— были распределены по фронтам почти равномерно.

Но для осуществления операций на окружение были необходимы и соответствующие условия. Таких условий просто не было. По этой же причине нереальными оказались задачи войск Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронта по окружению основных сил группы армий «Север» и снятию блокады Ленинграда. По решению Ставки, основная роль в разгроме врага отводилась Волховскому фронту. Его войска должны были прорвать оборону противника по р. Волхов, во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и пленить войска 18-й немецкой армии, блокировавшие Ленинград, которые выдвинулись к Ладожскому озеру в районе Мги.

Между тем немецкой группе армий «Север» уточнялась задача: удерживать «рубеж р. Волхов и линию железной дороги, проходящей от станции Волхов на северо-запад... Оборонять указанный рубеж до последнего солдата, не отступать больше ни на шаг и тем самым продолжать осуществление блокады Ленинграда».

Для противника основополагающими целями военной кампании на зиму 1941/42 г. были: удержание захваченных территорий на возможно более выгодном рубеже минимальными силами; предоставление войскам отдыха, их пополнение; создание предпосылок для возобновления наступательных операций весной 1942 г.

По замыслу советского командования войска Волховского фронта в составе 4, 59, 2 ударной и 52-й армий должны были перейти в общее наступление, имея целью разбить противника, оборонявшегося по западному берегу Волхова, главными силами выйти на рубеж Любань (ст. Чолово). В дальнейшем, наступая в северо-западном направлении, войска фронта во взаимодействии с Ленинградским фронтом должны были окружить и пленить силы врага, блокировавшие Ленинград. Ленинградскому фронту ставилась задача содействовать Волховскому фронту в разгроме противника под Ленинградом и освобождении его от блокады. Войска Северо-Западного фронта получили задачу правым крылом нанести удар в направлении Старая Русса, Сольцы, Дно, перерезать коммуникации Новгородской группировки немцев и во взаимодействии с войсками левого крыла Волховского фронта нанести ей поражение, содействуя тем самым решению

главной задачи вырвать Ленинград из кольца блокады.

Командующий войсками Волховского фронта генерал армии К.А. Мерецков решил главный удар нанести силами двух новых армий (2-й ударной и 59-й), прорвать вражескую оборону в

районе Спасская Полисть, выйти на рубеж Любань, Дубовик, Чолово и уничтожить во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта любанско-чудовскую группировку противника. В дальнейшем командование фронта предполагало наступление в северо-западном направлении и при содействии части сил Ленинградского фронта осуществить прорыв блокады Ленинграда. Левое крыло Волховского фронта получило задачу во взаимодействии с войсками правого крыла Северо-Западного фронта разгромить врага в районе Новгород, Сольцы, Дно.

Завершение сосредоточения войск фронта в исходных районах для наступления было назначено на 26 декабря 1941 г. Однако из-за сильных морозов и снежных заносов, слабой пропускной способности железных дорог, изношенности и недостатка автотранспорта, слабой организации автодорожной службы оно шло с запозданием на 10—15 суток и закончилось лишь к 7—8 января 1942 г., а артиллерии— к 10—12 января. Вследствие отставания тылов войска испытывали большой недостаток в боеприпасах и других материальных средствах.

«Не довольствуясь директивными указаниями,— вспоминал спустя десятилетия К.А. Мерецков,— Ставка в конце декабря направила на Волховский фронт своего представителя Л.З. Мехлиса, который ежечасно подгонял нас». Главной задачей уполномоченного Ставки было обеспечение своевременного прибытия пополнений и снабжение войск. Так, проверив положение в 4-й армии, Мехлис телеграфирует 4 января начальнику тыла Красной армии генералу Хрулеву: «Положение с продфуражом нетерпимое. На 2-е января по данным управления тыла в частях и на складах армии мяса —0, овощей —0, сена —0, консервов —0, сухарей —0. Кое-где хлеба выдают по 200 грамм...Что здесь— безрукость или сознательная вражеская работа?» Тщательной подготовки войск фронта к наступлению не получилось и по другим видам обеспечения. К.А. Мерецков в книге воспоминаний отмечал, «что к началу января 1942 г. фронт, по существу, не имел своего тыла». Войска снабжались напрямую, минуя фронт: центр— армия. Для вновь прибывших армий это было очень плохо, так как их подвижные запасы находились в пути, а фронт ничего не мог им дать.

«Снабжение войск фронта оставалось неудовлетворительным еще продолжительное время. Причин тому было три: нарушение графика подачи снабженческих эшелонов, слишком большая растяжка путей подвоза и почти полное отсутствие автотранспорта. Гужевого транспорт, являвшийся в подготовительный период основным, ввиду больших расстояний от пунктов снабжения до районов сосредоточения не мог справиться даже с подвозом фуража. Один его оборот обычно занимал несколько суток».

Но тем не менее для выполнения задач операции командующий Волховским фронтом создал следующую группировку своих войск.

На правом крыле фронта на участке Кириши—Лезно действовала 4-я армия. В ее состав входило 7 стрелковых дивизий, которые были ослаблены в предыдущих боях и имели большой некомплект в людях и вооружении. Командующий— генерал-майор П.А. Иванов. Левее на фронте Завижа—Дымно развернулась 59-я армия под командованием генерал-майора И.В. Галанина. В ее состав также входило всего 7 стрелковых дивизий.

Южнее 59-й армии, по правому берегу Волхова на фронте Крупичино—Русса, заняла исходное положение 2-я ударная армия (бывшая 26-я резервная) под командованием генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова. В составе армии находились одна стрелковая дивизия (327-я) и семь стрелковых бригад (25, 57, 58, 23, 24, 22, 59-я). Все они были

укомплектованы личным составом, однако недоставало вооружения и его приходилось получать в ходе выдвижения.

Левее 2-й ударной армии до озера Ильмень развернулась 52-я армия, которой командовал генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев. В армию входили всего пять стрелковых дивизий и одна кавалерийская дивизия.

Все соединения имели некомплект в личном составе, им не доставало артиллерии и автоматического оружия.

Войскам Волховского фронта противостояли 1-й и 38-й армейские корпуса 18-й армии противника, имевшие 8 пехотных дивизий (11, 21, 61, 215, 216, 254, 291-я немецкие и 250-я— испанская). В оперативном резерве группы армий «Север» на данном направлении находились 39-й моторизованный корпус и 285-я— охранная дивизия. В ожидании наступления советских войск немцы спешно создавали сильную оборону. На подготовленных позициях, состоявших из системы узлов сопротивления и опорных пунктов, у них имелось большое количество дзотов, пулеметных блиндажей и площадок. Передний край обороны в основном проходил по западному берегу Волхова. Второй оборонительный рубеж пролегал по насыпи железнодорожной линии. Оперативную глубину обороны немцев составляла система узлов, оборудованных главным образом в населенных пунктах. Они имели сильную артиллерийскую группировку, а оборона

наземных войск поддерживалась значительным количеством авиации. К тому же нельзя не учитывать и то обстоятельство, что зима больше благоприятствует обороне, чем наступлению. Маневр— главный элемент наступления, зимой ограничен глубоким снегом и коротким днем. А тем более на больших пространствах. Кроме того, зимние ночи обеспечивают обороняющемуся возможность ведения эффективного огня вследствие хорошей видимости. В этих условиях боевые действия сводятся, как правило, к борьбе за дороги и населенные пункты. При расчете времени все цифры увеличиваются в три-четыре раза. Короткие дни и длинные ночи значительно сокращают то благоприятное время, которое необходимо для ведения боевых действий.

Офицер генерального штаба сухопутных войск Германии Эйке Миддельдорф так напишет в своей книге «Русская кампания: тактика и вооружение»: «Опыт русской кампании показывает, что зимние наступательные операции в Восточной Европе в большинстве случаев были связаны со значительными потерями в живой силе и технике. Эти потери не оправдали достигнутых результатов, а операции часто оканчивались провалом. Позиционная оборона или наступательные действия местного характера даже в особо тяжелых зимних условиях, наоборот, проводились успешно». И еще: «Зимой чрезвычайно трудно проводить крупные наступательные действия с решительными целями. В зимних условиях критический момент наступательной операции наступает намного раньше, чем летом. Ударные части наступающих войск привязаны к дорогам. Поэтому они имеют очень узкое построение и легко могут быть отрезаны. Обход крупных очагов сопротивления связан с большой затратой времени и значительной нагрузкой на войска. Фронтальное наступление при глубоком снежном покрове в большинстве случаев неосуществимо». Такого рода выводы были сделаны автором уже после Второй мировой войны, но тем не менее они объясняют многое.

В начале января Волховский фронт вел борьбу за расширение плацдармов на левом берегу р. Волхов, которые удалось захватить еще в ходе контр наступления под Тихвином. Войска фронта превосходили немцев в людях в 2,2 раза, в танках— в 3,2 раза, в артиллерии— в 1,5 раза. А вот 54-я армия Ленинградского фронта имела преимущество над противником в людях— всего в 1,2 раза и в артиллерии— в 1,6 раза. Противостоящий им противник обладал абсолютным господством в воздухе и создал хорошо организованную оборону как на левом берегу Волхова и у Погостья, так и под Ленинградом.

7 января 1942 г. войска Волховского фронта, не закончив перегруппировку, не сосредоточив авиацию и артиллерию, а также не накопив необходимых запасов боеприпасов и горючего, попытались прорвать оборону противника на р. Волхов.

Сначала к активным боевым действиям перешла его главная ударная группировка (4-я и 52-я армии), а затем последовательно начали втягиваться в сражение войска 59-й и 2-й ударной армии.

В течение трех дней армии генерала Мерецкова пытались прорвать вражескую оборону. Однако наступление успеха не принесло. Безрезультатной оказалась и попытка 54-й армии. Одной из причин столь неудачного начала операции явилась неготовность к наступлению 2-й ударной армии генерала Соколова. А ведь еще 7 января в 00.20 в боевом донесении Верховному командующий Волховским фронтом докладывал: «2-я ударная армия заняла исходное положение по восточному берегу р. Волхов в готовности начать наступление с утра 7.1. силами пяти бригад и 259-й стрелковой дивизии. Несмотря на то что сосредоточение не было закончено, 2-я ударная армия перейдет 7 января в наступление. Основные трудности: не прибыла армейская артиллерия 2-й ударной армии, не прибыли ее гвардейские дивизионы, не сосредоточилась авиация, не прибыл автотранспорт, не накоплены запасы боеприпасов, не выправлено еще напряженное положение с продфуражом и горючим...»

К слову сказать, к началу января обеспеченность стрелковых дивизий и бригад артиллерийским вооружением не превышала 40% штатного состава. На 1 января 1942 г. фронт имел всего 682 орудия 76 мм калибра и крупнее, 697 минометов 82 мм и крупнее и 205 противотанковых орудий.

И хотя соотношение в артиллерийских средствах было 1,5:1 в пользу советских войск, все же в результате медленного сосредоточения артиллерии не удалось создать к началу наступления решающего превосходства в ней над врагом. Противник превосходил войска фронта по орудиям ПТО в 1,5 раза, а по орудиям крупного калибра— в 2 раза. Уже в ходе наступления атаке пехоты и танков предшествовали короткие огневые налеты. Артиллерийская поддержка атаки и сопровождение боя в глубине осуществлялись сосредоточенным огнем и огнем по отдельным целям, по заявкам командиров стрелковых подразделений. Но перед началом атаки пехоты и танков не удалось подавить огневые средства противника и нарушить систему его огня. Вследствие этого атакующие части сразу же натолкнулись на организованный огонь из всех видов оружия.

Волховский фронт Орудия и минометы

2-я ударная 462 ед.

4-я армия 1118 ед.

52-я армия 334 ед.

59-я армия 381 ед.

Всего: 4 армии 2295 ед.

ВВС Волховского фронта находились еще в худшем положении. В наличии фронт имел всего 118 боевых самолетов, что было явно недостаточно.

ВВС Волховского фронта Боевые самолеты

7 истребительных авиаполков - 71— МиГ-3, Як-1, Лагг-3

3 штурмовых авиаполка - 19— Ил 2

2 бомбардировочных авиаполка - 6— Пе 2, 18 По-2

Отдельная разведэскадрилья - 4— Пе 2

В начале января 1942 г. командующий фронтом поставил перед авиацией сложную задачу: в течение 5—7 дней подготовиться к нанесению бомбовых ударов в Любанской наступательной операции. Главные усилия планировалось сосредоточить на прикрытии и поддержке войск 2-й ударной армии и 59-й армии.

Однако в результате больших потерь в операциях начального периода войны и в операциях, проведенных летом и осенью 1941 г., советская авиация не смогла завоевать стратегическое господство в воздухе, а значит, не могла обеспечить эффективную поддержку наступающих

войск и теперь. Количественное превосходство над авиацией противника, утраченное в 1941 г., вновь удалось восстановить только весной 1942 г.

Если 6 декабря 1941 г. оно составляло 1: 1,4 в пользу противника, то уже в мае 42-го — 1,3: 1 в пользу советской фронтовой авиации. Все это было достигнуто за счет наращивания производственных мощностей авиационной промышленности, обеспечившей непрерывное увеличение количества поставлявшихся фронту самолетов.

Следующая причина, сказавшаяся на слабой эффективности ВВС Волховского фронта, заключалась в том, что по удельному весу на долю армейской авиации приходилось более 80%, а фронтовой авиации — менее 20% авиаполков. В ВВС Германии в это же время только около 15% сил авиации находилось в составе полевых армий, остальные 85% составляли воздушные флоты, непосредственно подчинявшиеся главнокомандующему ВВС Германии и выполнявшие боевые задачи лишь в оперативном взаимодействии с объединениями сухопутных войск. Это значительно облегчало фашистскому командованию организацию и концентрацию главных сил люфтваффе на главном направлении действий своих войск, не требовало переноса усилий авиации с одного направления на другое, создания крупных авиационных резервов.

Сосредоточение значительных сил авиации фронта в общевойсковых армиях привело в первый год войны к распылению и без того ограниченных сил авиации, исключило централизованное управление и массированное ее применение в масштабе фронта. А подчинение ВВС фронта командующему войсками фронта исключало централизованное управление ВВС Красной армии со стороны их командующего, затрудняло их массированное применение на стратегических направлениях. А все это вместе взятое снижало эффективность боевых действий ВВС Красной армии как на советско-германском фронте в целом, так и в полосах каждого фронта. ВВС были «заклочены» в такие рамки, которые не позволяли им реализовать в полном объеме маневренные и ударные возможности. Вот выдержка из директивы командующего ВВС Красной армии — заместителя НКО Союза ССР от 25.1.42 генерал-полковника авиации П.Ф. Жигарева:

«Использование авиации фронтов, учитывая ее ограниченное количество, в настоящее время осуществляется неправильно. Командующие Военно-воздушными силами фронтов вместо целеустремленного массирования авиации на главных направлениях против основных объектов и группировок противника, препятствующих успешному решению задач фронта, распыляют средства и усилия авиации против многочисленных объектов на всех участках фронта. Подтверждением этому служит равномерное распределение авиации между армиями... Массированные действия авиации со стороны командующих Военно-воздушными силами фронтов в интересах намеченных операций производятся нерешительно или вовсе отсутствуют».

Таким образом, кроме неготовности 2-й ударной армии, фронтовая операция была обречена прежде всего из-за отсутствия решающего превосходства над врагом как в артиллерии, танках, так и в авиации, в неправильном использовании сил и средств, в распылении их усилий по всему фронту вместо массированного применения на главных направлениях. Но это с одной стороны. А с другой — кроме того, что советским командованием был упущен фактор внезапности, упущено драгоценное время, группировка артиллерии, танков и авиации и впоследствии наращивалась весьма медленно из-за отсутствия значительных резервов у Ставки. При таком положении дел необходимое массирование сил и средств практически было вряд ли возможным. А несовершенство организационной структуры ВВС лишали наземные войска достаточно эффективной поддержки с воздуха.

Передо мной — уникальный документ, давайте ознакомимся с ним:

Запись переговоров по прямому проводу Верховного главнокомандующего и

заместителя начальника Генерального штаба с командованием Волховского фронта

10 января 1942 г.

Мерецков. У аппарата Мерецков, Запорожец и Мехлис.

Сталин. У аппарата Сталин, Василевский.

1. По всем данным, у вас не готово дело наступления к 11 числу. Если это верно, надо отложить еще на день или два дня. Чтобы наступать и прорвать оборону противника, надо иметь в каждой армии ударную группу хотя бы из трех дивизий и надо, кроме того, сосредоточить 50—60 орудий в районе ударной группы каждой армии для поддержки ударной группы. Есть ли у вас все это и подготовлено ли уже?
2. Если Соколов не подходит для армии, надо его сменить и назначить на его место хотя бы Яковлева.
3. Нужно вернуть Клыкову его дивизии и надо сделать это побыстрее, в противном случае армия Клыкова будет небоеспособной.
4. Не нужно дробить 4-ю армию на две армии, ее надо сохранить как армию во главе с Ивановым. Никакой опергруппы в составе 4-й армии не нужно, нужна лишь ударная группа, которой должен руководить командующий армией. У русских говорится: поспешишь — насмешишь. У вас так и вышло. Поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова. Вы отказались отложить, а теперь пожинаете плоды своей поспешности.

Прибыв на Волховский фронт, Л.З. Мехлис передал К.А. Мерецкову записку от И.В. Сталина:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич!

Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете,— великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта *не разменивалось на мелкие стычки*, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в *единый и общий удар* по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков.

Жму руку и желаю Вам успеха.

И. Сталин

29.12.41».

Мерецков. Докладываю: 1. С большим трудом лично Военным Советом подготовили наступление Галанина и Соколова, причем если большую работу можно было возложить после проверки и инструктажа на месте на Галанина и его командиров, то за Соколова необходимо всю работу до мелочей вести самим. Сейчас в основном работа у Галанина и Соколова выполнена, созданы ударные группы для прорыва, но мы считаем, что нужно еще раз лично самим проверить готовность на местах и устранить недоделки. Сейчас у Соколова собраны мною командиры бригад и дивизий для того, чтобы каждого из них проверить. Для подготовки Клыкова потребуется еще три дня, причем необходимо учесть, что часть артиллерии Клыкова я привлек для работы на направлении главного удара Соколова. Только в настоящее время 288-я и 111-я дивизии остались в составе [армии] Галанина. Я их имел в виду. Армию Клыкова [надо] ставить во второй эшелон, так как нежелательно было [бы] брать их до овладения Чудово и Грузино. Поэтому, если представляется возможным, нужно было бы у Соколова и Галанина начать 12-го, у Клыкова — 13-го, Иванов может начать одновременно с Галаниным. Если можно, на

вторую ударную, как знающую хорошо направление, поставить Клыкова, а вместо Клыкова

на 52-ю— Яковлева.

Сталин. А как 4-я армия?

Мерецков. 4-я армия может быть подготовлена к наступлению на 12-е одновременно с Галаниным и Соколовым.

Сталин. Хорошо, отложите на 12-е, а 52-ю армию— на 13-е, Клыкова можно пересадить на 2-ю ударную, а Яковлева— на 52-ю. Обдумайте хорошенько, может быть, отложить еще на день, то есть на 13-е, с тем, чтобы все армии выступили вместе с 52-й армией. Не

нужно хорохориться, а нужно сказать честно— готовы ли будете к 12-му или нет. Завтра вылетает к вам начальник артиллерии Воронов; сядет на аэродром Хвойная. Он вам окажет помощь по части артиллерии. Известно ли вам, что Морозов уже захватывает Старую Руссу? Все.

Мерецков. Если наступать всеми армиями, это лучше, но в этом случае готовность надо отложить на 13-е. О действиях Морозова нам ничего не известно.

Сталин. Морозов ворвался в Старую Руссу и ведет бои одной частью своих дивизий в городе Русса, а другой частью пошел на Сольцы. Мы согласны отложить наступление на 13-е число. Сейчас получите приказ о назначениях и перемещениях:

«Командующему войскам Волховского фронта: 10 января 1942 г. 3.30. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Освободить генерал-лейтенанта Соколова от командования 2-й ударной армией и направить в распоряжение Ставки.
2. Назначить генерал-лейтенанта Клыкова командующим 2-й ударной армией, освободив его от командования 52-й армией.
3. Назначить генерал-лейтенанта Яковлева командующим 52-й армией.
4. Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования. И. Сталин, А. Василевский». Все.

Все ясно, приняли приказ. Мерецков, Запорожец».

Таким образом, Военный совет Волховского фронта попросил Ставку отложить операцию еще раз на три дня. Хотя для нормальной подготовки наступательной операции требовалось как минимум 15 суток. Но выбора не было.

Мы уже говорили о причинах неудачного начала операции Волховского фронта. Теперь же из записи переговоров Сталина с Мерецковым мы можем узнать, что, оказывается, Верховный предлагал командующему отложить наступление, но тот отказался. Почему?

Однозначно сказать сложно, но могу предположить, что К.А. Мерецков переоценил возможности своих войск и недооценил противника. К сожалению, такое бывает.

«Командиры и штабы не сумели осуществить управление частями и организовать взаимодействие между ними». А неготовность к наступлению 2-й ударной попытались исправить заменой командующего. Генерал-лейтенант Григорий Григорьевич Соколов в Красной армии служил с 1920 г., после окончания высшего начального училища в Харькове. В 1921 г. он окончил Пехотные курсы, в 1928 г.— Кавалерийские курсы усовершенствования начальствующего состава, в 1934 г.— Военную академию имени М.В. Фрунзе. Но большую часть службы он проходил в пограничных войсках. В июне 1941 г. генерал-майор Соколов— заместитель наркома внутренних дел. В августе— начальник штаба Центрального фронта (несколько дней), с сентября— заместитель начальника Генштаба, затем командующий 26 армией. Войска этой армии вели оборонительные бои на Орловско—Тульском направлении. Но уже в конце октября управление армии было расформировано из-за значительных потерь,

понесенных армией в этих боях. Войска были переданы 50-й армии. Вновь 26-я армия была сформирована в ноябре 1941 г. в Приволжском военном округе, и Соколова назначили ее командующим. В декабре армию переформировали во 2-ю ударную и передали в состав Волховского фронта 25 декабря. В 1942 г. генералу Соколову было всего 38 лет. Однако, несмотря на это, несмотря и на высокий уровень образования, считается, что Соколов не имел навыков в практическом руководстве общевойсковыми соединениями. А тот боевой опыт, что он приобрел за 10 дней оборонительных боев под Мценском в качестве командующего 26-й армией, был совершенно недостаточным, чтобы в крайне сжатые сроки решить комплекс сложнейших задач, связанных с подготовкой армейской наступательной операции.

Из воспоминаний К.А. Мерецкова:

«Неудачно были подобраны отдельные военачальники. Позволю себе остановиться на характеристике командующего 2-й ударной армией генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова. Он пришел в армию с должности заместителя наркома внутренних дел. Брался за дело горячо, давал любые обещания. На практике же у него ничего не получалось. Видно было, что его подход к решению задач в боевой обстановке основывался на давно отживших понятиях и догмах. Вот выдержка из его приказа № 14 от 19 ноября 1941 г.:

«1. Хождение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг— аршин, им и ходить. Ускоренный— полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок таков: завтрак— затемно, перед рассветом, а обед— затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать— хорошо, а нет— и на этом спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем— и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода— ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!»

Ну чем не Суворов? Но ведь известно, что Суворов, помимо отдачи броских, проникающих в солдатскую душу приказов, заботился о войсках. Он требовал, чтобы все хорошо были одеты, вооружены и накормлены. Готовясь к бою, он учитывал все до мелочей, лично занимался рекогносцировкой местности и подступов к укреплениям

противника. Соколов же думал, что все дело в лихой бумажке, и ограничивался в основном только приказами.

На совещании, которое Военный совет фронта созвал перед началом наступления на командном пункте 2-й ударной армии, командиры соединений выражали обиду на поверхностное руководство со стороны командарма. На этом же совещании выяснилось, что генерал Соколов совершенно не знал обстановки, что делают и где находятся соединения его армии, был далек от современного понимания боя и операции, цеплялся за старые методы и способы вождения войск. И там, где эти методы не помогали, у него опускались руки. Не случайно поэтому подготовка армии к наступлению непростительно затянулась. Было ясно, что генерал Соколов не способен руководить войсками армии».

Сменившему Соколова генерал-лейтенанту Николаю Кузьмичу Клыкову было уже 54 года. В Гражданскую войну он прошел роту, батальон, стрелковый полк и бригаду. После командовал полком, был помощником командира дивизии, комендантом Москвы, начальником отдела штаба округа, командовал стрелковой дивизией, а в 1938 г. был

назначен помощником командующего войсками МВО. Правда, в отличие от Соколова он не учился в военной академии, но все же в 1929 г. окончил высшие академические курсы при

ней, что оказалось более чем достаточным. С июля 1941 г. он успешно командовал 32-й армией, затем с августа 1941 г. — 52-й армией. Генерал Клыков считался опытным и волевым командующим. Спустя десятилетия он вспоминал: «В ночь на 10 января 1942 г. меня вызвали в Папоротно, где размещался штаб ударной армии. Здесь уже находились командующий войсками фронта К.А. Мерецков, член Военного совета фронта А.И. Запорожец и представитель Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис. Выслушав мой рапорт о прибытии, Мерецков объявил:

— Вот ваш новый командующий. Генерал Соколов от должности отстранен. Генерал Клыков, принимайте армию и продолжайте операцию. Приказ был совершенно неожиданным для меня. Как продолжать? С чем? Я спросил у присутствовавшего здесь же начальника артиллерии:

— Снаряды есть?

— Нет, израсходованы,— последовал ответ.

— Как же без снарядов продолжать наступление?— обратился я к командующему войсками фронта. Но что он мог ответить? Отсутствие снарядов объяснялось не чьей-то нераспорядительностью: их просто неоткуда было взять.

— Сколько вам потребуется снарядов?— спросил Мерецков.

— Пять боевых комплектов на прорыв и по два комплекта на каждый день боя. На организацию наступления потребуется пять суток.

За это время необходимо восполнить потери. Начался мучительный торг из-за каждого снаряда. Сначала командующий пообещал только три четверти боевого комплекта. В конце концов сошлись на том, что мы получим три боевых комплекта, а недостающие два будут подвезены уже в ходе боя. Начало наступления было отложено лишь на три дня».

По предвоенным взглядам на наступательную операцию расход боеприпасов составлял 4—5 армейских боекомплектов. На подготовительный этап — 0,5 боекомплекта, на прорыв оборонительной полосы — 2—3 боекомплекта и на развитие прорыва и действия в оперативной глубине — от 1,5 до 2 боекомплектов. А всего на операцию — от 4 до 5,5 боекомплектов. Но все это было в теории, а значит, при идеальных условиях проведения операции.

Однако на практике таких условий зимой 1942 г. не было. Но тем не менее задача поставлена и выполнять ее надо. Так штаб 2-й ударной во главе с новым командующим приступил к организации прорыва обороны противника. Генерал Клыков прежде всего провел рекогносцировку с командным составом дивизий, бригад и полков. Из-за условий местности, которые затрудняли выбор наблюдательных пунктов, сложно оказалось с артиллерией. К началу боя было решено большую часть орудий подтянуть к самому берегу, потом тщательно замаскировать и по готовности прямой наводкой вести огонь по выявленным целям противника. Начальник артиллерии армии получил указание: «Как только наступающие части перейдут Волхов и преодолеют высокий берег, сопровождать пехоту огнем...»

В связи с этим артиллерийские командиры и наблюдатели должны были «следовать с передовыми ротами и не прерывать огня ни на минуту». Генерал Клыков вспоминал: «До начала боя пехота должна прорыть в снегу траншеи возможно ближе к переднему краю противника. Наступление планировалось одновременно на всем 27-километровом фронте армии. Артиллерией же насыщался преимущественно участок прорыва Коломно— Костылево— совхоз «Красный ударник».

Характерно, что 10 января Ставка ВГКотправила всем Военным советам фронтов и армий директивное письмо № 03 о действиях ударными группами и об организации артиллерийского наступления.

В нем, в частности, говорилось: □ Можно ли сказать, что наши войска уже научились взламывать и прорывать оборонительную линию противника? К сожалению, нельзя сказать этого с полным основанием. Во всяком случае, далеко еще не все наши армии научились прорывать оборонительную линию противника. Что требуется для того, чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю глубину?

Для этого требуется, по крайней мере, два условия: во-первых, нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении, и, во-вторых, необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением.

1. Действия ударными группами.

Большинство наших армий, к сожалению, еще не научились взламывать и прорывать при нашем наступлении оборонительную линию противника. Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника. А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке...

2. Организация артиллерийского наступления. В деле прорыва обороны противника и организации наступления против противника артиллерия имеет решающее значение. Без серьезной и длительной помощи артиллерии, сосредоточенной на одном каком-либо участке, прорыв обороны противника и организация наступления невозможны. У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, а потом жалуются, что

пехота не идет против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое □ наступление □ не может дать желаемого эффекта. Это не наступление, а преступление— преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы. В чем должна состоять артиллерийская поддержка пехоты при наступлении?

Под артиллерийской поддержкой пехоты у нас обычно понимают артиллерийскую подготовку перед наступлением. Обычно артиллерия ведет огонь перед наступлением пехоты полчаса, час, иногда два часа и больше, а потом артиллерия перестает действовать, предоставляя пехоте наступать, несмотря на то что оборона противника еще не разрушена на всю ее глубину, а артиллерийские точки и пулеметные гнезда противника еще не подавлены. Это называется артиллерийской подготовкой. Не трудно понять, что такая артиллерийская поддержка недостаточна, а наступление при такой поддержке не может дать желаемого эффекта. Этим, собственно, и объясняется, что наши наступательные операции против обороны противника довольно часто выдыхаются... Чтобы артиллерийскую поддержку сделать действенной, а наступление пехоты эффективным, нужно от практики артиллерийской подготовки перейти к практике артиллерийского наступления.

Что это означает?

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет

взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину. Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой артиллерийской подготовке, а вместе с наступлением артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской «музыки».

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление. Любая наша армия, как бы она ни была бедна артиллерией, могла бы сосредоточить в районе действия своей ударной группы 60—80 орудий, обратив на это дело армейский артиллерийский полк и взяв у своих дивизий, скажем, по две батареи дивизионной артиллерии и десятка два-три 120-миллиметровых минометов.

Сформированная таким образом группа артиллерии была бы вполне достаточна для того, чтобы взломать оборону противника и оказать таким образом неоценимую артиллерийскую поддержку ударной группе армии...»

Это директивное письмо подписали Сталин и Василевский. Кто писал его, лично мне неизвестно. Возможно, что это и коллективное творчество. Но очень похоже, что текст тщательно редактировал сам вождь. В письме четко звучат слова и фразы Верховного. И еще это письмо чрезвычайно интересно новизной, попыткой уйти от догм довоенной теории. Но что стоит, например, за таким предложением или пожеланием: «А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных

для удара на определенном участке фронта», если в составе 2-й ударной армии в январе 1942 г. была всего одна 327-я стрелковая дивизия и семь стрелковых бригад? И только на 1 февраля количество стрелковых дивизий в армии увеличится до пяти.

А вот что сказано в письме по организации артиллерийскогнступления: «Любая наша армия, как бы она ни была бедна артиллерией, могла бы сосредоточить в районе действия своей ударной группы 60—80 орудий, обратив на это дело армейский артиллерийский полк и взяв у своих дивизий, скажем, по две батареи дивизионной артиллерии и десятка два-три 120-миллиметровых минометов». Бесспорно, Ставка давала полезные и значимые советы. Но допустим, орудия собрать можно и минометы в нужном количестве. А что делать с ними, если нет боеприпасов, Ставка не объясняла. Характерный пример. К исходу второго дня наступления (14 января) 4-я армия имела боеприпасов для орудий 76 мм — 0,5 боекомплекта, 122 мм — 0,25, 152 мм — 0,3 боекомплекта, а для минометов — 0,25. Только вследствие этих причин большая часть войск Волховского фронта оказалась вынуждена в этот же день перейти к обороне.

4 .

Вечером 12 января унтер-офицер положил на стол командиру батальона связи 126-го пехотного полка майору Рюдигеру перехваченную и расшифрованную радиограмму 2-й ударной армии Волховского фронта, адресованную 327-й стрелковой дивизии, где говорилось примерно следующее: «Удерживать позиции любой ценой, наступление отложено, продолжать отвлекающие атаки». Содержание перехваченной радиограммы было доложено по команде. Немцы действительно отнеслись к ней серьезно.

Но именно 13 января 1942 г. все началось... Из воспоминаний командира 327-й стрелковой дивизии генерал-майора И.М. Антюфеева: «На рассвете 13 января после короткой (20—30-минутной) артподготовки части дивизии двинулись вперед. До переднего края противника было около 800—1000 м. Глубокий снег, особенно в долине реки, мороз до 30 градусов, сильный пулеметный и минометный огонь противника, а у нас — ни лыж, ни маскировочных халатов. Все это усложняло действия наступавших частей, особенно первого эшелона. Пространство до рубежа атаки бойцы вынуждены были преодолевать ползком, зарываясь в

снег. Лишь около 14.00 роты первого эшелона вышли на рубеж атаки. Люди были настолько измотаны, что, казалось, не в состоянии больше сделать ни шагу. Я вынужден был ввести в бой второй эшелон дивизии. И только вместе с ним поднялись в атаку подразделения первого эшелона. Оборона противника на участке Бор—Костылево была прорвана. Гитлеровцев отбросили на рубеж реки Полисть».

О начале операции генерал Клыков в своем дневнике записал: «На рассвете, после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 1,5 часа, 2-я ударная армия перешла в наступление. Враг оказал ожесточенное сопротивление. То и дело завязывались штыковые схватки. Наша артиллерия сопровождения пехоты была по вражеским укреплениям прямой наводкой. Некоторый успех обозначился только на второй день. Лишь 14 января удалось захватить Бор, Костылево, Арефино, Красный Поселок. Зацепились за деревню Ямно, ворвались в Коломно. Противник держался стойко. Части армии под его бешеным огнем буквально вгрызались в оборону, ломали ее, захватывая

пункт за пунктом. Операция развивалась мучительно медленно».

Мне хотелось бы лишь дополнить воспоминания комдива и командарма следующим штрихом. Наступление 13 января снова было начато, когда многие артиллерийские части все еще находились на марше и принять участие в артиллерийской подготовке атаки не

смогли. Историки, которые уже писали на эту тему, утверждают, что на ход наступления повлияли ошибки в организации артиллерийского наступления. Несмотря на требования Ставки ВГК о массированном применении артиллерии в войсках, якобы по-прежнему наблюдалось равномерное распределение артиллерии по фронту, что не позволяло создать на участках прорыва необходимую плотность. Однако во 2-й ударной армии к началу боя была создана следующая группировка на направлении главного удара: 200 орудий, 250 минометов (только 85-миллиметровых и выше), 5 гвардейских дивизионов. И это гораздо больше, чем требовала Ставка ВГК в своем директивном письме.

14 января по прямому проводу К.А. Мерецков докладывал:

«**Мерецков.** Докладываю. Вчера, 13 января, все армии перешли в наступление, и по всему фронту в течение всего дня 13-го шли исключительно упорные бои. В итоге дня боевой работы успех можно отметить только на фронте 2-й [ударной] и 52-й армий. Эти армии:

2-я почти полностью форсировала р. Волхов, а 52-й— своей ударной группировкой, по существу, вчера, удалось только зацепиться за западный берег. Сегодня, 14 [января], на указанных фронтах обеих армий начался бой за прорыв укрепленной полосы противника. К исходу дня можно считать (только сейчас) наметился прорыв на участке Бор, Ямно.

На этом участке после исключительно кровавого боя овладели опорным пунктом Ямно, Красный Поселок (что к северу от Ямно). Захвачен Бор, и идет уличный бой в Костылево, южной окраиной этого населенного пункта овладели. Между Коломно и Бором прорван участок, и здесь не менее батальона наших войск накопилось на западном берегу.

Мы считаем, что на этом участке в основном первая линия обороны сломлена, и сейчас огонь противника уже ведется с опушек леса, западнее указанных населенных пунктов. Сюда, в этот образовавшийся прорыв, сейчас идут вторые эшелоны дерущихся на этом направлении войск и сюда же подтягиваются вторые эшелоны армии в Ямно.

Пленный 126-й пехотной дивизии на предварительном допросе показал, что их войска несут большие потери и что штаб их полка находится в деревне Костылево, где сейчас ведется на улице бой. По общему впечатлению командиров частей, на указанном фронте пехоты противника немного, но много блиндажей и ДЗОТов с хорошо организованным автоматическим огнем...»

Внимательно выслушав подробный доклад командующего фронта, Сталин и Василевский передали следующие указания:

«1) Не прекращая развития прорыва, возьмите теперь же 2 дивизии из 59-й армии, стоящие во втором эшелоне, и бросьте в прорыв вместе с тремя бригадами 2-й армии, не дожидаясь сообщения от 59-й армии. То же самое сделайте по части усиления артиллерией 2-й армии на участке прорыва так, чтобы в районе прорыва 2-й армии было

у вас до 250 орудий. 2) очень прошу вас перенести свою ставку в Малую Вишеру, откуда легче будет руководить операциями. Все.

Мерецков. В Малой Вишере готовим командный пункт. 15-го ночью переедем в Малую Вишеру. Ваши указания ясны, примем к немедленному исполнению и начнем действовать сейчас же, чтобы использовать вторую половину ночи...»

Генерал-лейтенант Н.К. Клыков вспоминал: «Наконец на всем фронте наступления армия вышла на шоссе Новгород— Чудово, завершив прорыв тактической зоны обороны врага. Но легче не стало. Перед нами оказались опорные пункты противника— Трегубово,

Спасская Полисть, Мостки, Любино Поле, Мясной Бор. Главные из них— Спасская Полисть и Мясной Бор— ключевые позиции. Продвижение частей и подразделений армии застопорилось».

С утра 15 января для развития успеха командующие 2-й и 52-й армий ввели в бой свои вторые эшелоны.

Из боевого донесения командующего войсками Волховского фронта Верховному главнокомандующему о ходе Любанской операции

16 января 1942 г.

00 ч. 20 мин.

«2-я уд. армия 15.1. продолжала развивать успех на фронте Коломно, Ямно, очистив от противника его первую линию обороны. К исходу дня войска вели бой в лесу западнее Коломно, Бор, Ямно.

Все три бригады 2-го эшелона переправлены на западный берег р. Волхов: одна из них —59-я— вступила в бой и к исходу дня вышла к верховью руч. Мал[ое] Иглино (4 км зап. р. Волхов). Две остальные бригады развернулись и подходят к опушке леса западнее Костылево, Арефино. 382 и 366 сд к утру 16.1. сосредотачиваются: 382 сд— в районе

Бол[ьшие] Вяжищи, Вяжищи; 366 сд— в районе Гряды, Поселок 3-й. В течение дня противник переходил в частные контратаки, отбитые с большими потерями для противника. Трофеи, взятые на участке 2-й [уд.] армии, подсчитываются.

2-й [уд.] армии приказано провести перегруппировку сил, растянуть на широком фронте фланговые 25-ю и частично 24-ю бригады с тем, чтобы усилить ударную группировку вводом в прорыв 57-й бригады через Коломно на северо-запад для захвата дороги Спасская Полисть— Селищенский поселок и главными силами 24-й бригады —через Борисово на Любцы. 382 и 366 сд. к исходу дня выходят на рубеж р. Волхов...□

Из записи переговоров по прямому проводу заместителя начальника генерального штаба с командованием Волховского фронта

17 января 1942 г.

□**Мерецков.** Здравствуйте, сейчас выезжаю через Боровичи на Малую Вишеру и завтра ночью буду у Клыкова для того, чтобы общими усилиями возможно быстрее двинуть войска вперед. Соображения о развитии операции с линии шоссе у меня предварительно

подготовлены. Имел в виду вам их представить 18-го утром послетого, как лично побываю у Клыкова. Прошу сообщить, можно ли рассчитывать на такой срок представления соображений?...□

Из боевого донесения командующего войсками Волховского фронта № 552 Верховному главнокомандующему о плане развития любанской операции.

18 января 1942 г.

□К исходу 17.01.42 на фронте 2-й ударной и 59-й армий обозначился прорыв укрепленной полосы противника на участке от Коломно до Ямно и от пионерлаг. □Онег □ до Теремца.

В начальный период прорыва с 13.1 по 17.1. наступление войск в сильно укрепленной полосе развивалось медленно, что объяснялось наличием у противника сильно развитой системы укреплений, упорным сопротивлением его частей, бездорожной лесистой местностью и глубоким снежным покровом. Считаем, что в ближайшие два-три дня в связи с выходом войск в менее укрепленный район и вводом в бой дивизий второго эшелона операция на фронте 2-й уд. и 52-й армии будет протекать более быстрыми темпами. Учитывая, что к этому же сроку операция на фронте 4-й и 59-й армий не получила необходимого развития, фронтную операцию на ближайшее время строим на следующих основаниях:

1. Для глубокого развития прорыва привлекаем дополнительно к ранее переброшенным на участок 2-й ударной армии 366 и 382 сд еще две дивизии (111-ю и 374-ю), которые уже приступили к перегруппировке на это направление.

2. С выходом 2-й ударной армии на Ленинградское шоссе направить не менее четырех дивизий из ее состава в направлении Спасская Полисть, Апраксин Бор и далее на Любань для нанесения удара во фланг и тыл чудовской группировке противника. Удар 2-й уд. армии откроет возможность наступления 59-й армии в тыл чудовской группировке противника с севера и 4-й армии непосредственно на Любань. Остальные силы 2-й ударной армии будут наступать в общем направлении на Финев Луг с ближайшей задачей выйти на жел. дорогу Ленинград—Новгород...»

Таким образом, только к исходу дня 17 января после ввода в сражение всех сил войскам фронта удалось прорвать первый рубеж обороны противника на левом берегу Волхова и продвинуться на глубину от 5 до 10 км. Значительную помощь наземным войскам оказала авиация, которая за этот период совершила более 1500 боевых самолетовылетов.

После доклада К.А. Мерецкова Ставка разрешила перенести все усилия в направлении Спасской Полисти и Любани. «В соответствии с этим решением приостановившая наступление 4-я армия расширила свой оперативный участок за счет 59-й армии, а последняя сдвинулась еще южнее, почти в тыл 2-й ударной. Теперь в направлении

Спасской Полисти создавалась группировка войск из трех армий: в

центре на 15-километровом участке фронта наступала 2-я ударная, справа — 59-я армия, имея ударную группировку на своем левом фланге; слева— основные силы 52-й армии».

Главный удар наносился в обход укреплений немцев. 22 января генерал армии Мерецков докладывал Верховному о плане перегруппировки войск с целью развития успеха 2-й ударной армии: «На фронте 2-й ударной и 52-й армий прорыв развивается хотя и медленно, но с успехом. Прорыв образован на фронте протяжением 12 км от Селищенского поселка до совх. Красный Ударник, который окружен. По глубине войска продвинулись на 10 км и подошли к Ленинградскому шоссе.

Операции на направлении 4-й и 59-й армии приняли затяжной характер. Несмотря на то что на главном направлении 21.01.1942 на участке в 12 км по фронту было сосредоточено 12 дивизий и более 400 орудий, прорвать оборону противника не удалось. На этом направлении противник имел сильно развитую в глубину оборону и сосредоточил до четырех пд (291, 81, 61 и 215) и четыре полка разных дивизий (139-й егерский, 9 пд СС, 322 и 311 пп). Если 22.01.1942 при повторном наступлении на фронте 4-й и 59-й армий не будет достигнуто успеха, то для дальнейшего развития наступления Волховского фронта необходимо

использовать успех 2-й ударной и 52-й армий и возможно скорее перегруппировать войска 59-й армии, усилив ее тремя дивизиями за счет 4-й армии, к правому флангу 2-й ударной армии для того, чтобы развивать наступление на Тосно в тыл мгинской группировки противника.

Представляем на утверждение следующий план перегруппировки сил и средств фронта:..

При утверждении настоящих соображений можно в ночь с 22 на 23 января приступить к смене частей и с 23 января начать перегруппировку. В этом случае 59-я армия будет готова к переходу в наступление в составе 327, 372, 65 и 4-й гв. [стр.] дивизий 27 января. 378-я и 92-я [стр.] дивизии будут введены в бой на два дня позже. Причем по мере выхода дивизий в назначенный район они немедленно будут вводиться в прорыв, не ожидая подхода других».

В этот же день в 17 ч 45 мин Ставка утвердила представленные соображения, но при этом потребовала:

1. Указанную перегруппировку произвести скрытно для противника. 2. Наступательных действий 2-й и 52-й армий на время перегруппировки ни в коем случае не прекращать, а, наоборот, развивать.

Итак, с 14 января шли упорные и затяжные бои. Десять дней понадобилось войскам 2-й ударной, чтобы овладеть Мясным Бором и отбросить противника к западу. 25 января на 12-километровом участке в образовавшуюся брешь командующий фронтом ввел 13-й кавалерийский корпус (две кавалерийские дивизии и 1 стр. пд 59 армии), который вскоре добился значительного успеха. Вместе с ним продвигались части 2-й ударной в сторону Любани, Глубочки, ст. Чолово и Глухой Керести, охватывая небольшой частью своих сил с юго-запада чудовскую группировку противника. С этого времени основные усилия фронта были перенесены к месту развивавшегося прорыва. К Мясному Бору подошли

внутренние фланги 52-й и 59-й армий, основной задачей которых теперь стали обеспечение горловины прорыва и расширение ее в сторону Чудова и Новгорода.

Войдя в прорыв, 13-й кавалерийский корпус быстро продвигался в северо-западном направлении. Обходя укрепленные позиции и опорные пункты противника, его дивизии все более приближались к октябрьской железной дороге. Войска 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса, пройдя вперед до 50 километров на любанском направлении, встретили ожесточенное сопротивление введенных в сражение резервов противника. Из воспоминаний генерала Клыкова: «К этому времени я сменил командный пункт, размещавшийся в погребе у деревни Городок... Не успел как следует расположиться, как поступило донесение: противник со стороны Подберезья в направлении на Мясной Бор,

Люблино Поле и от Трегубово и Спасской Полисти в направлении на Коломна—Костылево перешел в контратаку силами не менее двух полков, поддерживаемых танками и сильным артиллерийским и минометным огнем. Взглянул на карту. Так вот оно что: противник пытается взять нашу группировку в клещи. Сосед справа, 59-я армия

генерала Галанина, помочь нам не может: она ведет тяжелый бой на широком фронте. А у нас на исходе снаряды. Принимаю решение расходовать неприкосновенный запас. Другого выхода из положения нет. Бой разгорелся с новой силой. На врага брошена 22-я стрелковая бригада. Ее контратаку должна поддержать реактивная артиллерия. Бригада развернулась недалеко от моего наблюдательного пункта и начала продвигаться вперед. В этот момент из-за р. Волхов раздался залп гвардейских минометов — «катюш»... Удар пришелся по главным силам врага... Контратака врага захлебнулась».

5 .

Для немцев прорыв оказался неожиданным. Вот как об этом пишет Пауль Карелл в книге «Дорога в никуда: вермахт и восточный фронт в 1943 г.»:

«Прорыв был осуществлен безупречно. Вот только основание его было слабовато, опасно ограничено в пространстве. Чего же хотели русские? Была ли эта операция нацелена непосредственно на Ленинград, или же они имели иные, с большим замахом планы?»

Но немцы быстро разобрались в обстановке и ответили на прямо поставленный вопрос: «Генералу кавалерии Линдемману, командовавшему 18-й армией после того, как 15 января фельдмаршал фон Кюхлер принял командование группой армии «Север», хватило одного беглого взгляда на оперативную карту, чтобы разгадать замысел русских— их участок прорыва, «бутылочное горлышко», через которое они проталкивали свои силы, было слишком узким, а неприкрытые фланги слишком растянутыми. И продолжение этого наступления было бы с их стороны просто безумной авантюрой».

Ширина прорыва непосредственно по западному берегу реки

Волхов достигла 25 км, но в районе Мясного Бора она равнялась всего лишь 3—4 км.

За пять дней 13-й кавалерийский корпус и соединения 2-й ударной армии углубились в расположение противника на 40 км, перерезав железную дорогу Ленинград— Новгород.

Пока наступление велось в северо-западном направлении (где силы противника были незначительны), продвижение шло успешно. Но стоило кавалеристам повернуть на северо-восток на Любань, как тут же темпы наступления начали падать в связи с возрастающим сопротивлением противника. Возникшие трудности с управлением (район наших войск увеличивался, а плотность боевых порядков уменьшалась) заставили командующего фронтом создать временные оперативные группы.

Из оперативной директивы командующего войсками Волховского фронта № 0023. 27 января 1942 г. 01 ч 30 мин:

«В связи с успешным выходом 13-го кавалерийского корпуса на тылы противника западнее рубежа реки Кересть и дальнейшего развития прорыва 2-й ударной армии приказываю:...

2. 2-й ударной армии для лучшего управления создать опергруппы в следующем составе:

а) Опер. группа Коровникова: 327, 374, 111 сд и 22 бригада. Задача группы— к исходу 28.1.1942 закончить ликвидацию опорных пунктов противника в полосе Ленинградского шоссе на участке Спасская Полисть— Любино Поле, после чего возможно скорее выдвигаться главными силами в район Новая Деревня, Вдицко, Финев Луг.

б) Опер. группа Привалова: 191, 382 сд и 57-я бригада (лыжная). Задача группы— в ночь на 27.1.1942 выдвинуть 191 сд и 57-ю бригаду через прорыв в район Лесопункта и возможно скорее выйти через Ольховку, Кривино в район Малая Бронница, Червино, Ручьи. 382 сд, оставив один сп временно в подчинении тов. Коровникова, в ночь на 27.1.1942, выдвинуть из занимаемого района через Приютино, Сенная Кересть в район Подсосонье, Крапивино. На рубеж реки Кересть главным силам опер. группы выйти к исходу 28.1.1942.

в) Опер. группа тов. Жильцова: 23, 24, 58-я бригады. Задача— ликвидировать противника в районе Земтицы, Любцы, после чего, развивая наступление в направлении Мал[ое] Замошье, Село Гора, не позже исхода 29.1.1942 перерезать железную дорогу Ленинград— Новгород и, овладев районом Пятилипы, платформа Горенка, прочно обеспечивать левый фланг 2-й ударной армии со стороны верховьев р. Луга. 13-му кавалерийскому корпусу продолжать выполнять ранее поставленную задачу по выходу в район Любани и захвату последнего».

В конце января 1942 г. командованию Волховским фронтом стало ясно, что задача по разгрому основных сил 18-й армии противника на подступах к Ленинграду встречными ударами Волховского и Ленинградского фронтов перспективы не имеет. Развивая наступление, 2-я ударная армия узким клином продвинулась на 70—75 км, глубоко охватив с юго-запада любанско-чудовскую группировку противника. До Ленинграда оставалось 50 км, до 54-й армии Ленинградского фронта еще меньше— 44 км.

Трезво оценивая сложившуюся ситуацию, генерал Мерецков предложил Ставке все усилия Волховского фронта сосредоточить на овладении Любанью и Чудовым. Ставка согласилась с этим предложением. И хотя большая операция в силу сложившейся обстановки превратилась в ограниченную Любанскую, однако и она имела важное значение для обороны Ленинграда.

6.

Характерно, что в военном дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера в январе 1942 г. волховский участок отмечался еще редко:

9 января. На волховском участке фронта отбита атака противника. Здесь и в районе Ладожского озера близится крупное наступление противника.

12 января. На волховском участке фронта— затишье перед бурей.

16 января. Тяжелые бои... на Волхове, где противник наступает на удивительно узком участке фронта.

27 января.... противник добился тактического успеха на Волхове.

30 января. Чрезвычайно напряженная обстановка на волховском участке...

Это и удивительно, ведь, как мы уже говорили, прорыв для них оказался полной неожиданностью. Но в следующие месяцы в дневнике Ф. Гальдера волховский участок фронта займет гораздо больше места. Особенно март. И это не будет случайностью.

Из дневника Ф. Гальдера:

3 февраля. На волховском участке противник добился местных успехов.

4 февраля. За исключением местных успехов противника на волховском участке, существенных изменений не произошло.

5 февраля.... на волховском участке продолжают ожесточенные бои.

10 февраля. На волховском участке противник не может добиться новых успехов.

11 февраля. На волховском участке наступательный порыв русских ослаб, что, видно, связано со значительными потерями.

16 февраля. На волховском участке— затишье.

24 февраля. Лишь на волховском участке противник усиливает свой натиск на север, в направлении Любани.

28 февраля. К северу от озера Ильмень противник сосредотачивает силы, чтобы усилить удар из района прорыва западнее Волхова в направлении на Любань. В связи с этим значительно ослабло давление противника на фронте 38-го армейского корпуса.

7.

В феврале 2-я ударная лишь увеличила ширину фронта вклинения с 12—15 км до 35—47 км. Успехи по расширению прорыва закончились. Наступление армии хоть и развивалось, но не в том направлении— удаляясь от железнодорожной линии на Ленинград. Враг усиливал оборону. Войска Ленинградского фронта из-за недостатка сил и вовсе не имели продвижения. Освободить Любань не удавалось.

Генерал-лейтенант Н.К. Клыков:

□ От пленного мы узнали, что над Любанью накапливаются еще пять вражеских дивизий врага— корпус генерала Герцога. Противник подтянул из Любани и Коркино более двух тыс. пехоты с танками, большое количество минометов и артиллерии и под прикрытием

авиации 27 февраля начал наступление со стороны Сустье, Полянка, Коровий Ручей, Верховье на Красную Горку. Вражеская авиация бомбила и штурмовала безнаказанно...»

А 26 февраля командующий Волховским фронтом получил директиву Ставки ВГК № 170126, в ней говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования не возражает против предлагаемого вами усилия любаньской и чудовской группировок 2-й ударной и 59-й армий. Ставка в то же время категорически требует от вас ни в коем случае не прекращать наступательных действий 2-й ударной и 59-й армий на любанском и чудовском направлениях в ожидании их усиления, а, наоборот, потребовать от них до 1.03. выйти на жел[езную] дорогу Любань— Чудово, с тем чтобы после их усиления и не позднее 5 марта полностью ликвидировать любаньско-чудовскую группировку противника».

В этот же день командующий Ленинградским фронтом генерал М.С. Хозин получил директиву Ставки ВГК за № 170127:

«Войска Волховского фронта начали операцию по разгрому любань-чудовской группировки противника. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает, усилив в течение 26—27 февраля ударную группу 54-й армии, не позднее 1 марта перейти в решительное наступление в общем направлении на Любань, с тем чтобы, сочетая удар 54-й армии с ударом войск Волховского фронта, общими усилиями фронтов полностью ликвидировать любань-чудовскую группировку противника и освободить железнодорожную линию Любань—Чудово. О получении и отданных распоряжениях донести».

28 февраля 1942 г. в 02 ч 00 мин. Ставка отправила следующую директиву за № 170 128 на Волховский фронт К.А. Мерецкову:

«Для быстрейшего пленения или уничтожения любаньско-чудовской группировки противника и для освобождения Ленинградской железной дороги до Любани включительно Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. Усилить 2-ю ударную армию за счет 59-й армии не менее как двумя стрелковыми дивизиями.
2. Для нанесения решительного удара на направлении Любань и к северу от нее во 2-й ударной армии создать единую ударную группировку в составе не менее пяти стрелковых дивизий, четырех стрелковых бригад, одной кавалер[ийской] дивизии, усиленную танками, артиллерией и авиацией.
- 3...
- 4...
- 5... Входе операции ни в коем случае не допускать распыления сил указанных ударных группировок на обеспечение флангов и тыла, используя для этой цели части, не вошедшие в состав ударных группировок.
6. Станцией и г. Любань, безусловно, овладеть и прочно закрепиться не позднее 4—5 марта...»

Судя по этим трем документам, отношение Ставки ВГК, а точнее самого товарища Сталина к командующим Волховским и Ленинградским фронтам, стало более чем жестким. По сути, это уже не предложения, не просьбы, не указания, а конкретные и немногословные приказы. Резкие приказы.

Но там, в Москве, я думаю, до конца так и не поняли всех причин, из-за которых уже невозможно было выполнить эти приказы. Генерал Клыков оставил в своем дневнике такую

запись: «Кто действовал против нас? Какие силы врага встали на нашем пути? Где его слабые места? Длительное время наша разведка не могла ответить на эти вопросы».

Можно только представить, как в бой бросают стрелковые и лыжные батальоны практически на авось, потому что есть приказ, задача, сроки. Но это одно. Не имея достоверной информации о противнике, а следовательно не имея возможности оценить противника, тот же командующий армией просто вынужден был вести отдельными частями и подразделениями прощупывание его сил, для чего проводилась и так

называемая силовая разведка. Время от времени стрелковые подразделения и части на отдельных участках переходили в наступление. Только после определения слабого места обороны противника 2-я ударная прорвала в ней брешь на 12-километровом участке.

Тогда операция по снятию блокады не получилась. Войска Волховского фронта во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта не смогли окружить и уничтожить выдвинувшуюся к Ладожскому озеру крупную группировку противника, хотя для этого было сделано достаточно много. Но нельзя забывать и о том, что с каждым днем условия жизни в заблокированном Ленинграде становились все более невыносимыми. Уже в ноябре 1941 г. были израсходованы последние запасы привозного топлива. Стояли электростанции и предприятия, городской транспорт и водопровод. Но самое тяжелое положение сложилось с продовольствием. Его доставка водным путем прервалась из-за ледостава и штормов на Ладожском озере. Суточная норма выдачи хлеба жителям и войскам сокращалась. С 20 ноября рабочие получали 250 г хлеба в сутки, иждивенцы и

дети — 125 г, войска — 300 г хлеба и 100 г сухарей. Вскоре начался голод, стремительно уносящий человеческие жизни.

А враг тем временем систематически разрушал город. Сюда были стянуты почти все сверхтяжелые осадные орудия, вплоть до 420-миллиметрового калибра.

За время блокады на город было обрушено около 150 тыс. снарядов, более 100 тыс. зажигательных и свыше 4,6 тыс. фугасных бомб. Поэтому наступательная операция была необходима. Каждый день в осажденном городе погибали и умирали люди. И это тоже надо понять.

Однако было и множество объективных причин, по которым у этой операции было мало шансов на успех. Ведь по существу Ставка ВГК шла на большой риск, осуществляя эту операцию.

8 .

«Среди причин провала наступления нельзя не упомянуть и о том, что, предпочитая милую сердцу еще по временам финской кампании лобовую атаку, Мерецков равномерно рассредоточил танки и орудия по всему фронту. В результате он не сумел— Тихвинская группировка немцев была зажата с трех сторон нашими армиями— использовать стратегически выгодное положение и растратил живую силу рмий на вытеснение немцев за Волхов»,— считает автор книги «Два лица генерала Власова» Н. Коняев. Но позвольте! Ведь это же слишком примитивно. Неужели Кирилл Афанасьевич Мерецков, в то время генерал армии и достаточно опытный военачальник, имеющий за плечами более чем 20-летний командный и штабной опыт, участник двух войн до Отечественной, мог так грубо и, я бы даже сказал, глупо управлять войсками своего фронта, что даже современный писатель, далекий от теории и практики проведения фронтовых и армейских наступательных операций, запросто обвиняет его в неумении использовать стратегически выгодное положение, в лобовой атаке и в равномерном рассредоточении танков и орудий по всему фронту.

Однако не все так просто. Поэтому давайте попробуем разобраться и хоть что-то понять, ведь понять гораздо сложнее, чем осудить. Итак, командующему Волховским фронтом

подчинялись четыре армии: три обычные общевойсковые и одна ударная. Все силы и средства фронта или этих четырех армий не соответствовали штатным, то есть в наличии фронт имел гораздо меньше людей, артиллерии, танков и самолетов, чем это было необходимо для проведения полнокровной наступательной операции. И тем не менее ударные группировки создавались из того, что было. Другое дело, что и этого не хватало для прорыва вражеской обороны. Однако оборону прорвали. Пусть на узком участке, но прорвали. Обычно направление главного удара определяется оперативной значимостью направления, условиями местности как для прорыва, так и для действий в глубине. В таком случае в первую очередь учитываются условия для действий танков, развертывания артиллерии и действий в глубине подвижных соединений.

Следовательно, именно на направлении главного удара в полосе ударной армии (или ударных армий) командующий фронтом концентрировал все свои основные силы, без которых оборону противника не прорвать. Теоретически это все было не сложно для такого военачальника, как К.А. Мерецков. Другое дело практика, где все невозможно учесть даже при идеальных условиях. А ведь они таковыми не были. Безусловно, были и ошибки. Возможно, только из-за отсутствия тесного контакта между командующими фронтами не удалось найти правильную форму и верные способы оперативного

взаимодействия. Из-за этого удары фронтов пошли по расходящимся направлениям и по времени целиком не совпадали. Немцы этим очень умело воспользовались и отражали удары поочередно. Было и чрезвычайно безобразное обеспечение этой операции,

которое, в свою очередь, хотя бы из-за тех же боеприпасов, срывало поэтапное ее планирование, мешало выполнять поставленные задачи войскам, сокращало по времени их артиллерийскую поддержку. Что в итоге привели к невозможности закрепить достигнутый успех глубокого вклинения в расположение противника. Любая наступательная операция может рассчитывать на успех лишь в том случае, если удар по противнику будет нанесен в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения с выброской крупных подвижных сил на фланг и тыл основной

группировки противника. Одновременно с действиями на решающих направлениях наступательными и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на возможно широком фронте. Но это в идеале. У командующего Волховским фронтом был только приказ и всего четыре армии, одна из которых имела преимущественно бригадную организацию и по численности равнялась стрелковому корпусу. Кроме того, у фронта не было второго эшелона, чтобы наращивать первоначальный удар с целью развития успеха в глубине обороны противника. Нечем было наносить и завершающий удар. К моменту переправы войск на другой берег р. Волхов Ставка обещала выделить из резерва армию, но свое обещание не выполнила.

Сосредотачивая главные усилия в направлении шоссейной и железной дорог Москва— Ленинград, К.А. Мерецков прекрасно понимал все преимущества этого направления (лучшие пути, выводящие прямо к Ленинграду).

И в то же время он знал, что именно это направление было лучше других укреплено противником. Поэтому командующий фронтом, учитывая сложности наступления и вполне разумно сомневаясь в успехе наступления в данном направлении, намеренно предлагал Ставке перенести основные усилия на участок действий 2-й ударной армии, чтобы решить задачу ударом на Любань, обойдя сильно укрепленные позиции немцев. Однако Ставка командующего не поддержала.

9 .

Только 14 января в ходе наступления, когда наметился явный успех 2-й ударной армии, Ставка поняла, что в сложившейся ситуации (войскам 52-й армии на левом фланге удалось

зацепиться за западный берег; 2-й ударной армии в центре полностью удалось форсировать Волхов; 59-й армии (правее в центре 2-й) не удалось изменить обстановку; 4-й армии (правый фланг) удалось перейти в наступление) на намеченном направлении оборону противника не прорвать, и разрешила перенести основные усилия в район действий 2-й ударной армии, где волне могла быть реализована такая форма оперативного применения, как сосредоточенный удар на решающем направлении, в результате которого возможно было бы решить задачу прорыва брешки в обороне противника, с тем чтобы в дальнейшем, развивая удар, провести охватывающий маневр подвижными войсками по окружению одной из разорванных на две части групп противника.

Оценив обстановку, Ставка, наконец, разрешила К.А. Мерецкову взять две дивизии из 2-го эшелона 59-й армии и бросить в прорыв с тремя бригадами 2-й ударной армии. Получил разрешение комфронт и на усиление 2-й ударной артиллерией на участке прорыва (сосредоточить в районе прорыва до 250 орудий вместо 200 имеющихся).

Бои велись в условиях низких температур, лесисто-болотистой местности, бездорожья и глубокого снежного покрова. Все это затрудняло маневр и снабжение войск, которые и без того находились в весьма неудовлетворительном состоянии. Это были более чем особые условия, в которых ударные части наступающих войск, привязанные к дорогам, имели очень узкое построение. И все же вопреки утверждению о том, что фронтальное наступление при глубоком снежном покрове неосуществимо, Волховский фронт сумел прорвать оборону противника и ввести в прорыв свою подвижную группу.

Вот только не получилось главного— немедленного безостановочного развития прорыва из тактического в оперативный, как не получилось выхода на намеченный фронт рубеж, удаленный от исходного положения приблизительно на 110—120 км. Если средняя скорость продвижения ударной армии по теории считалась 10—15 км в сутки, то в особых условиях зимы эти цифры уменьшались в несколько раз. Следовательно, темп наступления 2-й ударной до конца января 1942 г. был вполне допустимым.

Тем не менее «должного эффекта не получилось. Упущенный момент первого удара трудно было наверстать даже созданием решающего превосходства над противником»,— вспоминал генерал К.А. Мерецков. В своих мемуарах он признавался, что «основные силы надо было с самого начала сосредоточить на участке главного удара».

Но ведь Ставка не сразу разрешила изменить направление, не сразу разрешила усилить 2-ю ударную армию и, наконец, не дала обещанную общевойсковую армию из резерва.

Глава 2. Роковое назначение

История повторяется дважды: один раз как трагедия, другой раз как фарс.

Гегель

1 .

1 марта 1942 г. командир 58-й пехотной дивизии генерал Фридрих Альтрихтер собрал офицеров штаба на совещание. В прошлом преподаватель Дрезденского военного училища, доктор философии, автор трудов по вопросам воспитания офицеров и прекрасный педагог, он умел грамотно и доходчиво поставить задачу своим подчиненным:

«— Господа, нам предстоит выполнить задачу, от решения которой в определяющей степени зависит общая обстановка. Перед 58-й дивизией поставлена задача в качестве ударной закрыть брешь у Волхова с южного направления и окружить прорвавшиеся силы противника».

После этих слов Альтрихтер подошел к большой карте, висевшей на стене, и, остановившись у ее левой стороны, продолжил свой доклад, одновременно и аккуратно показывая указкой,

крепко сжатой в левой руке, все выделенное красным и синим цветами:

«Вы видите сложившееся положение: русские крупными силами осуществили прорыв в наш глубокий тыл. Фронтальным подавлением ничего уже не добьешься, поскольку для этого у нас нет соответствующих резервов, так что оно никуда, кроме как в пропасть, нас не приведет. Единственная возможность— это атаковать русских на исходных позициях, в самой брешу, рассечь надвое и тем самым отрезать прорвавшиеся силы. На наше счастье, 126-я и 215-я пехотные дивизии сумели вновь создать на границах брешу прочные линии обороны, под защитой которых мы имели возможность сосредоточить наши силы.

Место прорыва мы будем атаковать с юга. А с севера будет наступать полицейская дивизия СС. Место встречи— просека «Эрика». Полки 126-й пехотной дивизии и все остальные действующие там части, в первую очередь батальоны испанской «Голубой дивизии», прекрасно зарекомендовавшие себя до сих пор, переходят в наше подчинение. Этими силами мы сумеем добиться выполнения поставленной перед нами задачи. И должны добиться ее выполнения, поскольку в противном случае 18-ю армию ожидает разгром. Если же нам удастся прихлопнуть крышку «котла», то главные силы двух русских армий окажутся в нем».

2 .

Совещание в Кремле закончилось в ночь с 8 на 9 марта. Генерал-лейтенант Власов вышел из кабинета товарища Сталина ровно в 24.00. За 30 минут до этого была готова следующая директива за №170136:

«Ставка Верховного главнокомандования назначает:

1. Генерал-лейтенанта Власова— заместителем командующего [войсками] Волховского фронта, освободив его от обязанностей командующего 20-й армией...»

А 10 марта Андрей Андреевич вылетел на «Дугласе» из Москвы в Малую Вишеру вместе с К.Е. Ворошиловым, Г.М. Маленковым, А.А. Новиковым, А.Е. Головановым и С.И. Руденко. Екатерина Андреева в своей работе «Генерал Власов и Русское освободительное движение» комментирует это так: «Как бы то ни было, но тот факт, что Власов прибыл из Ставки на самолете вместе с Ворошиловым, Маленковым и заместителем командующего Воздушными силами А.А. Новиковым, говорит, что назначение Власова было важным событием».

А.Н. Коняев говорит об этом так:

«...Андрей Андреевич прилетел в Малую Вишеру в компании Ворошилова, Маленкова и Новикова— лиц, облеченных чрезвычайными полномочиями».

Однако никто из авторов не говорит о том, что на Волховский фронт вместе с Власовым прилетели аж целых три авиационных генерала. То есть кроме Новикова— еще Голованов и Руденко. Нет, они не сопровождали Андрея Андреевича к новому месту службы. У них была своя задача, поставленная Ставкой 8 марта в 23 ч 30 мин

(Директива № 170137):

«Ставка Верховного главнокомандования приказывает в период с 10 по 20 марта организовать массовые удары авиацией по боевым порядкам и оборонительным сооружениям противника на переднем крае и в глубине в полосах наступления 4, 59 и 2-й ударной армий Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта, а также по основным магистралям противника, для чего:

1. Организацию ударов возложить на заместителя командующего ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта Новикова и находящегося в его распоряжении командующего дальней авиацией Ставки генерал-майора авиации тов. Голованова.

2. Для ударов привлечь восемь авиаполков резерва Главного командования, авиацию дальнего действия и авиацию указанных фронтов и армий в мере необходимости, по

усмотрению заместителя командующего ВВС тов. Новикова.

3. Массовые удары авиации тесно увязать с действиями наземных войск, проводя их в следующей последовательности: по боевым порядкам и оборонительным сооружениям перед ударной группировкой 59-й армии на чудовском направлении— в первую очередь; перед ударной группой 4-й армии в районе Кириши, Ларионов, Остров— во вторую очередь, перед ударными группами 2-й ударной армии и 54-й армии в районах Красной Горки и южнее Погостья— в третью очередь...» Войскам требовалась мощная поддержка с воздуха... Ленинградский фронт имел в составе ВВС фронта и общевойсковых армий— 12 авиаполков, в том числе восемь истребительных, один штурмовой и три бомбардировочных.

ВВС Волховского фронта располагали 23 отдельными авиаполками, из них 13 полков объединялись двумя (2-й и 3-й) резервными авиагруппами, которые соответственно— взаимодействовали с 59-й и 4-й общевойсковыми армиями фронта. Заместитель командующего ВВС для разработки плана действий всей авиации привлек командование и штаб ВВС Волховского фронта, прибывшего с ним генерала Руденко и свою оперативную группу, состоявшую из трех офицеров штаба ВВС. Учитывая обстановку и отсутствие в ВВС фронтов дивизионного звена, было принято решение создать временную авиационную группу (командир— генерал С.И. Руденко и начальник

штаба— майор М.Н. Кожевников) из восьми авиаполков для действий главным образом на правом фланге в полосе войск 54-й армии.

Следует сказать, что действия нашей авиации оказали существенную помощь войскам Ленинградского и Волховского фронтов. Впервые за время войны здесь осуществлялась координация действий авиации старшим авиационным начальником в интересах войск не одного, а двух фронтов. Это было, безусловно, новым явлением в стратегическом взаимодействии советских ВВС с сухопутными войсками. Авиагруппы (резервные, временные, маневренные, ударные) сыграли положительную роль в боевых действиях Красной армии в первый год Великой Отечественной войны, так как, располагая такими группами, Ставка ВГК и командование ВВС стратегических направлений имели возможность маневрировать силами авиации вдоль фронта, наращивать авиационные группировки на стратегических и операционных направлениях.

И все-таки во всех донесениях из дивизий армий фронта говорилось о сильном воздействии вражеской авиации. Ее господство сказывалось на всем протяжении любанской операции. Авиация противника буквально висела над войсками фронта, прижимая их к земле.

3 .

В марте 1942 г. войска 54-й армии прорвали оборону противника в районе Шалы (15 км восточнее Погостья) и, расширив прорыв до 25 км, продвинулись на 20 км к югу в направлении Любани, очистили от противника Погостье и захватили крупные населенные пункты и узлы сопротивления на подступах к Любани. Однако к концу марта ее дивизии были остановлены на рубеже р. Тигоды подошедшими новыми крупными оперативными резервами противника.

Только за январь— март немцы направили на усиление 18-й армии из состава 16-й армии (из Германии, Франции, Югославии) семь дивизий и бригаду, а кроме того, в полосу наступления Волховского фронта перегруппировали из-под Ленинграда около четырех дивизий и привлекли до 250 бомбардировщиков 1-го воздушного флота. Значительная перегруппировка войск противника, а также бездействие 4-й армии Волховского фронта (немцы сняли часть сил в ее полосе и перебросили их против наступающей 54-й армии) изменили соотношение сил на любанском направлении в пользу немцев.

Войска 2-й ударной армии к середине марта вклинились в оборону немцев на глубину 60—70 км и захватили большой лесисто-болотистый район между железными дорогами Чудово—

Новгород и Ленинград—Новгород. Передовые части армии подошли к оборонительной позиции немцев на подступах к Любани. Всего 15 км отделяло их от города и 30 км— от войск 54-й армии, наступавших с севера. Однако растянувшись на фронте до 140 км и не имея резервов, 2-я ударная армия практически оказалась не в состоянии развивать дальнейшее наступление. Таким образом, в первой половине марта началось затухание наступления на всех направлениях.

4 .

Скованная крупными силами противника 2-я ударная была вынуждена перейти к обороне и отбивать контрудары противника на своих флангах. А кроме того, начавшееся в конце марта резкое потепление сильно затруднило маневр войсками. Таяли снежные дороги, портились колонные грунтовые пути, проложенные через болотистые участки и лесные массивы. Снова возникли перебои со снабжением, ощущался серьезный недостаток в боеприпасах, горюче-смазочных материалах, вооружении и продовольствии. Нарушалась связь и управление войсками. Крупная группировка войск противника, зажата в мешке с горловиной в 30 км, по всей видимости, уже не могла быть разгромлена.

Волховский фронт выдыхался, а противник, наоборот, активизировал свои удары прежде всего по флангам горловины прорыва и перехвата коммуникаций 2-й ударной армии. В условиях распутицы тяжесть положения этой армии лишь усугублялась.

5 марта Ставка приказала снять начальника штаба 2-й ударной генерал-майора Визжилина за «плохую работу» и назначить командиром дивизии. Был снят и начальник оперативного отдела армии полковник Пахомов «за плохую работу и ложную информацию».

Военный совет Волховского фронта, на котором присутствовало командование 2-й ударной, назвал одну из причин невыполнения этой армией задач: несогласованность в работе Военного совета и штаба армии и, как следствие, отсутствие четкого и твердого руководства войсками.

Генерал армии К.А. Мерецков вспоминал:

«Имелись случаи пренебрежительного отношения к приему пополнения: маршевые роты во время пути горячей пищей не обеспечивались, пунктов обогрева для них не было. Персональный учет раненых и убитых находился в запущенном состоянии, в армии не знали даже приблизительных потерь. Начальник оперативного отдела полковник Пахомов неправильной информацией вводил в заблуждение командование армии и фронта. Перед последними боями штаб 2-й ударной армии допустил грубые просчеты во времени на подготовку войск для боя. Распоряжение для выполнения боевой задачи некоторые части получали с опозданием на день».

Вместо Визжилина и Пахомова на должности соответственно были назначены полковник П.С. Виноградов и комбриг Буренин. Этим же приказом на должность заместителя командующего 2-й ударной армией был назначен генерал-майор П.Ф. Алферьев.

Но эти и другие меры Ставки, принятые в марте 1942 г., уже не могли кардинально изменить положения, создавшегося в полосе Волховского фронта.

Генерал-лейтенант Н.К. Клыков:

«В марте 2-ю ударную постигла беда: противник обошел ее у Мясного Бора с фланга и вышел в тыл. Наша база в Мостках была уничтожена. Начались ожесточенные бои по освобождению коридора».

Генерал-майор И.М. Антюфеев:

«Во второй половине марта вся 2-я ударная армия перешла к обороне. Противник основные

усилия перенес к горловине нашего прорыва— в район Спасской Полисти и Мясного Бора».

5 .

Из дневника Ф. Гальдера:

«12 марта. Начинать наступление на волховском участке пока еще нельзя: нелетная погода. В районе Погостья обстановка обостряется.

13 марта. Наступление на волховском участке, намеченное первоначально на 13.3., откладывается. Разногласия между командованием сухопутных и воздушных сил.

15 марта. На волховском участке началось наступление наших войск, на южном крыле успехи незначительны, на северном— значительное продвижение.

16 марта. На волховском участке наступление наших войск развивается постепенно. В районе Погостья противник отброшен, но пока еще нет полной гарантии, что вновь не возникнут затруднения.

18 марта. Наступление наших войск на волховском участке, ведущееся западнее шоссейной дороги с севера, развивается с трудом. Войска, наступающие с юга, не могут продвинуться вперед, так как противник ведет здесь сильные контратаки. В районе волховского котла наступательный порыв противника постепенно ослабеваает, однако в районе Погостья русские хотя и не быстро, но непрерывно и методически продвигаются вперед, так что обстановку здесь по-прежнему приходится оценивать как довольно напряженную.

20 марта. На Волхове противник слабо атакует позиции наших войск, ликвидировавших брешь. Отмечалось подтягивание свежих сил с востока. В районе Погостья положение улучшилось.

25 марта. У Погостья противник, довольно глубоко вклинившийся в наше расположение, по-видимому, на некоторое время задержан. Горноегерский полк подтягивается для контратаки.

26 марта. Обстановка почти не изменилась. Боевые действия незначительны. Ввиду опасности обледенения самолетов авиация активности не проявляла ... в районе Погостья, где обстановка продолжает развиваться неблагоприятно (глубокий прорыв вражеских 52-тонных танков). Всюду оттепель. В связи с этим затруднились передвижения войск.

27 марта. Отмечается дальнейшее ухудшение обстановки в районе Погостья.

28 марта. На волховском участке противник снова вклинился в расположение наших войск и в том же месте, где была ликвидирована прежняя брешь. В районе Погостья по-прежнему напряженная обстановка.

29 марта. На волховском участке снова образовалась брешь. Обстановка южнее Погостья совсем не радует. Противник готовит новые атаки на «бутылочное горло». Общая обстановка свидетельствует о том, что противник делает отчаянные попытки добиться успеха еще до начала оттепели».

Даже судя по этим скупым записям в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии, можно судить о чрезвычайно сложной обстановке на волховском участке как для двух фронтов Красной армии, так и для 18-й армии группы армий «Север».

6 .

15 марта Ставка ВГК в своей очередной директиве поставила задачу войскам Ленинградского фронта: «...во взаимодействии с войсками Волховского фронта, захват

г. Любань и разгром любаньской группы противника, сюда и должны быть направлены

основные силы армии. До захвата г. Любань для действий в направлении Тосно с целью заслона и сковывания сил противника Ставка Верховного главнокомандования считает целесообразным выделить одну-две стрелковые дивизии и одну танковую бригаду. С захватом г. Любань, в зависимости от обстановки, могут быть повернуты в сторону Тосно основные силы главной группировки 54-й армии. Просимые вами дополнительно войска для 54-й армии в данный момент Ставка выделить не может».

В этот же день немцы начали операцию, в которой широко использовали прежде всего густую сеть дорог с твердым покрытием, которая имела в их распоряжении (идуших от Новгорода, Лучи и Тосно).

Основные действия были активизированы ими против 2-й ударной армии, главным образом на ее растянутых флангах. И особенно у основания участка прорыва армии в районе Спасской Полисти и Мясного Бора.

И уже 17-го вечером Ставка отправила директиву на Волховский: «Противник контратаками со стороны Спасской Полисти на Мостки и от Любцов и Земтицы на Мясной Бор пытается отрезать 2-ю ударную армию от ее коммуникаций.

Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. Всемерно развивая операцию 59-й армии по захвату Чудово и по разгрому чудовской группировки противника, одновременно усилиями левофланговых соединений 59-й армии совместно с 52-й армией не только не допустить перехвата противником коммуникаций 2-й ударной армии, но и полностью разгромить и уничтожить контратакующие части противника.
2. Для выполнения этой задачи Ставка Верховного главнокомандования разрешает перебросить в район Мясного Бора 376-ю стр. дивизию из состава 4-й армии.
3. Личное руководство операцией по ликвидации контрнаступления противника со стороны Спасской Полисти и Любцы, Земтица командующему фронтом тов. Мерецкову взять на себя.
4. Немедленно по ликвидации контрнаступления противника предусмотреть силами 52-й армии операцию с задачей до наступления весенней распутицы овладеть Новгородом. Ваши соображения по этой операции представить в Ставку не позднее 20 марта».

Но как и резкий поворот 54-й армии Ленинградского фронта в сторону Любани, совершенно неожиданный для противника и имевший значительный успех, так и организованные действия левофланговых соединений 59 армии совместно с 52-й армией уже не могли значительно изменить критическое положение 2-й ударной.

19 марта немцы перерезали ее коммуникации. Пауль Карелл так написал в своей книге: «Это (просека «Эрика») название до боли знакомо каждому участнику боев под Волховом. Оно означает унылую и упорно обороняемую лесную делянку. У начала бревенчатого настила, которым уложена проезжая дорога, идущая по этой просеке и по которой прежде осуществлялся подвоз, какой-то незадачливый пехотинец укрепил табличку с надписью: «Здесь берет свое начало задница мира». И еще: «Одолели. Брешь замкнута. На просеке «Эрика» обменялись рукопожатиями, ознаменовавшими перерезанное войсковое снабжение прорвавшейся советской 2-й ударной армии».

И тем не менее 21 марта генерал-армии Мерецков планировал начать Новгородскую операцию силами 52-й армии, но прежде завершив разгром контрнаступающего противника. Расчет сил и средств, по мнению командующего, мог составить четыре дивизии, три гвардейских мин. полка и один танковый батальон. Однако требовалось пополнить эти стрелковые дивизии на 2,5—3 тыс. человек, так как вместе с тылами в каждой насчитывалось всего до 5 тыс. К 27—28 марта 52-я армия была готова принять людей, провести перегруппировку, прокладку колонных путей и накопить материально-

технические средства, а 29-го начать операцию. На преодоление 34 километров (до северо-западных подступов к Новгороду) штаб фронта планировал 8—9 дней, а 6—7 апреля наступление на Новгород.

Для перехвата путей подхода к Новгороду предполагалось провести воздушно-десантную операцию силами авиадесантной бригады. Для успешного проведения операции К.А. Мерецков просил у Ставки: «... 2. До 23.3. подать на ст. Малая Вишера 12 000 [чел.] пополнения из числа находящихся в пути.

3. В период с 28.3. по 3.4.1942 подать 10 000 [чел.] пополнения для покрытия потерь в ходе операции.

4. Обеспечить транспортной авиацией проведение воздушно-десантной операции, разрешить привлечение для десанта авиадесантную бригаду (хвойная)...»

Но уже 30 марта К.А. Мерецков докладывал, что «Общего наступления на Новгород 52-я армия сейчас проводить не может». Все дело в том, что ликвидация противника, прорвавшегося в стыке 52-й и 59-й армий, хоть и развивалось успешно, но не была закончена.

Поэтому надежда в бодром докладе командующего оставалась под сомнением: «Коммуникации 2-й ударной армии освобождены от противника, и можно ожидать, что в ближайшие два дня будет завершен разгром его группировки, обороняющейся к юго-западу от Спасской Полисти, и восстановлено положение в районе Земтиц на участке 52-й армии». Тем более что: «Наступление 2-й ударной армии на Любань в направлении Красная Горка, Коркино развития не получило. Многодневные наступательные бои в исключительно трудных условиях бездорожной, лесистой местности положительных результатов не принесли. На этом направлении противник успел создать сильную

систему опорных пунктов в лесу, и дальнейшие попытки прорвать оборону противника повлекут за собою еще большее истощение войск. Поэтому 2-й ударной армии на любаньском направлении необходимо в кратчайший срок перегруппировать свои силы к правому флангу...»

Там командующий предполагал сосредоточить четыре стрелковые дивизии, две стрелковые и одну танковую бригады, 200 орудий, 250 минометов и 2 тяжелых гвардейских минометных полка, чтобы подавить противника массой минометно-артиллерийского огня и ударом авиации прорвать фронт, развивая наступление на северо-восток. А к Любани подойти с юга. Наступление на Любань К.А. Мерецков планировал на 2 апреля.

7.

Приезд генерала Власова на Волховский очень интересно отметил в своих дневниках К. Токарев— корреспондент газеты и биограф Андрея Андреевича с согласия северо-западного отделения Воениздата: «Генерал Власов, громадный, похожий на вздыбленного медведя, в окулярах на широком носу, со скуластым лицом «пещерюги» (так прозвали его солисты нашего ансамбля)...»

Было известно, что командующий фронтом К.А. Мерецков на совещании «пожаловался», что он не просил Власова к себе заместителем. Но Ставка настояла, прислав его для «применения опыта подмосковной победы».

И действительно, отношения командующего со своим новым заместителем явно не сложились. Это были совершенно разные фигуры. Вот как вспоминал о Власове К.А. Мерецков: «На этом же самолете на должность заместителя командующего войсками Волховского фронта прилетел генерал-лейтенант А.А. Власов. Его прислала Ставка... А пока скажу лишь, как он вел себя в течение тех полутора месяцев, когда являлся моим

заместителем. По-видимому, Власов знал о своем предстоящем назначении. Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дел на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство. В чем дело, мне тогда было не известно. Но создавалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующего фронтом, лишенная ясно очерченного круга обязанностей, что он хочет получить «более осязаемый» пост». Трудно сказать, знал ли Власов о своем предстоящем назначении,

но могу предположить, что должностью заместителя он вполне мог тяготиться. Дело в том, что во все времена, в том числе и сейчас, заместитель командующего округом, например, может запросто согласиться перейти на должность командующего армией. Для штатского человека это выглядит понижением. Но это не совсем так. Ранг и там и тут равнозначный, при том, что командующий армией имеет гораздо больше возможностей и власти, нежели заместитель командующего округом (фронтом)...

А вот какую оценку генералу Мерецкову дал сам Власов на допросах в плену: «Эгоист. Очень нервная, рассеянная личность». Спокойная деловая беседа между командующим фронтом и командующими армиями была почти невозможна. В общем, Мерецков и Власов не могли найти общего языка. Мерецков уже несколько месяцев командовал фронтом, из них только около двух месяцев, под напором Ставки пытался ликвидировать

Любаньскую группировку противника, а Власов своими непомерными амбициями, которые однозначно были, видимо раздражал. Вот тогда-то Мерецков и назначает Власова тактическим советником (консультантом 2-й ударной армии).

8.

В начале апреля весна вступила в свои права. Дороги и колонные пути, проложенные через болотистые участки местности и лесные массивы, сделались почти непроходимыми. Нарушалось снабжение, связь и управление войсками. На всем 200-километровом фронте армии противник успел создать прочный оборонительный рубеж, не допуская ее дальнейшего продвижения. Именно в это время генерал Власов находится во 2-й ударной армии во главе комиссии фронта. «Трое суток члены комиссии беседовали с командирами всех рангов, с политработниками, с бойцами», а 8 апреля «был зачитан акт комиссии, и к вечеру она выбыла из армии.

— Все, — мрачно сказал Клыков, распрощавшись с комиссией». С этим клыковским «все», например, Н. Коняев связывает очень многое: «Быть может, девятого апреля ударная армия еще способна была вырваться из окружения (пятого апреля немцы снова закрыли брешь у Мясного Бора), но вести наступление, чтобы окружить семидесятипяти тысячную группировку немцев, она просто не могла. Этому не мог не понимать и сам Мерецков... Реакция генерала Клыкова известна. Получив послание Мерецкова, он немедленно заболел, и его вывезли на самолете в тыл. Но тут возникает вопрос, а не этого ли добивался Кирилл Афанасьевич? Не является ли его план

нейтрализации «заболевшего» Клыкова составной частью интриги, направленной против Власова?»

Что ж, попробую опровергнуть смелые предположения писателя.

С началом весны 1942 г. командующий фронтом К.А. Мерецков пришел к трем вариантам решения задачи на Волхове:

1. При усилении Ставкой фронта хотя бы одной армией до наступления полной распутицы добиться оперативного успеха.
2. Отвести 2-ю ударную армию из занятого ею района и при благоприятной обстановке искать решения оперативной задачи на другом направлении.

3. Перейти к жесткой обороне на достигнутых рубежах, переждать распутицу, а затем, накопив силы, возобновить наступление.

К.А. Мерецков вспоминал:

«Мы придерживались первого варианта. Он давал возможность использовать уже достигнутые результаты и закончить операцию до конца зимней кампании. Не возражала против него и Ставка. Преимущество этого варианта заключалось в том, что он оказывал непосредственное влияние на смягчение обстановки под Ленинградом, а при благоприятном исходе операции достигалось снятие блокады. Командование фронта не возражало и против отвода 2-й ударной армии за линию железной и шоссейной дорог Чудово—Новгород. Этот вариант, как нам представлялось, тоже был правильным, потому что он гарантировал сохранение сил армии и удержание плацдарма на западном берегу р. Волхов...

Третий вариант отпадал безоговорочно, так как оставление армии в лесисто-болотистом районе, при легко уязвимых коммуникациях, могло привести к срыву снабжения ее всем необходимым или даже к окружению».

Но как известно, ни первый, ни второй варианты не стали желанной реальностью. Ставка вовремя не усилила фронт, не санкционировала и отвод 2-й ударной армии еще до первого окружения. Дальше было уже поздно. Но при этом никакой интриги и «плана «заболеть» Клыкова», направленной против Власова, не было и в помине. Это только фантазия писателя и не более того. Могу допустить, что доклады консультанта 2-й ударной наверх

вполне могли быть предвзятыми. Но даже по ним нельзя было бы убедить начальство в несостоятельности генерала Клыкова. Мерецков слишком хорошо знал командарма, чтобы поверить незнакомому и нежеланному Власову. Однако Клыков действительно тяжело болел, и другие версии, в том числе и отстранение (снятие) его от должности, просто несостоятельны. Очень многие источники подтверждают этот факт: в середине апреля в связи с тяжелой болезнью и необходимостью госпитализации генерал Клыков выбыл в тыл. Кстати, а почему и нет. Если Власову в 42-м был 41 год, то Клыкову было уже за 50. В таком возрасте в условиях крайнего напряжения на самом тяжелом участке фронта командарм мог серьезно заболеть.

Сам он вспоминал об этом так:

«В апреле 1942 г. я тяжело заболел. Пришлось отправиться в госпиталь. На мое место был назначен новый командующий. Перед отъездом я доложил обстановку командующему фронту Мерецкову, обосновал необходимость создания опорных баз внутри расположения армии. Просил его хотя бы на время весенней распутицы отказаться от попыток захвата Любани. Судьба любаньской операции сложилась, однако, иначе».

Далее он запишет в своем дневнике: «Конец июня 1942 г. Закончить лечение не удалось. С фронта прибыла машина, и я выехал в Малую Вишеру».

А уже через 2 месяца Клыков вернулся из госпиталя. Значит, его не снимали, как об этом пишет Н. Коняев.

Из записи переговоров по прямому проводу командующего Волховского фронта с командованием 2-й ударной армии:

«**Член Военного совета Зуев:** На эту должность кандидатур у нас нет. Считаю необходимым доложить вам о целесообразности назначения командующим армией генерал-лейтенанта Власова.

Власов: Временное исполнение должности командующего армией необходимо возложить на начальника штаба армии полковника Виноградова.

Мерецков и Запорожец (Власову): Считаю предложение Зуева правильным. Как Вы, товарищ Власов, относитесь к этому предложению?

Власов: Думаю, судя по обстановке, что, видимо, придется подольше остаться в этой армии. А в отношении назначения на постоянную должность, то, если на это будет Ваше решение, я его, конечно, выполню.

Мерецков: Хорошо, после нашего разговора последует приказ».

Таким образом, в командование 2-й ударной армии генерал Власов вступил 15 апреля 1942 г., но только по совместительству на время болезни Клыкова. 20 апреля 1942 г. Ставка своей директивой № 170282 «утвердила назначение заместителя командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенанта Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству».

Командующий Волховским фронтом Мерецков принял кандидатуру Власова по предложению члена Военного совета 2-й ударной армии (с Зуевым Власов был знаком давно). Никакой интриги в этом назначении не было, потому что 2-я ударная находилась в весьма критическом положении и командование фронтом прекрасно это понимало. К тому же генерал Власов был тактическим советником 2-й ударной армии. И в его назначении нет ничего удивительного. К.А. Мерецков никогда бы не пошел на то, чтобы из-за личных, даже неприязненных, отношений сгубить армию, сгубить операцию, еще имеющую единственный шанс на успех.

К.А. Мерецков не знал генерала Власова как командующего, но, видимо, очень много слышал о нем, в том числе о победах 20-й армии под Москвой, которой тот командовал. Были разговоры о встречах Власова со Сталиным. А ведь это можно было бы использовать очень даже выгодно. Например, вождем мог помочь с людьми, танками, артиллерией и боеприпасами своему выдвиженцу и коллеге по духовному образованию. Да и кто знает, а вдруг Власов покажет себя и изменит положение армии, в том числе фронта. Должность командарма имела ярко очерченный круг обязанностей в отличие

от зама Мерецкова. Это был, по мнению Кирилла Афанасьевича, тот самый «более осязаемый» пост! «Пусть попробует, а вдруг», — думал он.

По всей видимости, Власов не хотел исполнять обязанности командарма, прекрасно осознавая, в каком сложном положении находится армия и какую ответственность придется взять на себя. Но как тактический советник 2-й ударной, как заместитель командующего фронтом именно он должен был заменить Клыкова, тем более что

речь шла всего лишь о замене на время его болезни. Кстати, Власов, не стесняясь, намекал своему биографу Константину Антоновичу Токареву, что в случае успешного наступления на Любань он станет командующим фронтом, а Мерецкова отзовут в

Ставку. Но откуда такая самоуверенность? Если сравнить две биографии К.А. Мерецкова и А.А. Власова до Великой Отечественной войны, то можно легко убедиться в том, что на фоне фигуры генерала армии как военачальника образ генерал-лейтенанта, претендующего на эту роль, бесспорно меркнет.

До 1941 г. К.А. Мерецков — участник Гражданской войны, где был комиссаром отряда, пом. нач. штаба бригады, пом. нач. штаба дивизии. С должности начальника штаба армии убыл военным советником в воюющую Испанию. В советско-финляндской войне — командующий 7-й армией, после чего был назначен начальником Генерального штаба Красной армии.

А.А. Власов до войны участия в боевых действиях не принимал. С 1920 по 1922 год он всего лишь командир взвода. В 1937 г. — назначен командиром полка. К.А. Мерецков в это время уже был заместителем начальника Генштаба. В сентябре 1938 г. Власов — командир стрелковой дивизии, а Мерецков — командующий войсками Приволжского военного округа.

Достаточно сказать, что Власов в 1920 г. заканчивает Нижегородские пехотные курсы, а

Мерецков в 1921 г.— Военную академию РККА. После Гражданской Мерецков— начальник штаба дивизии, пом. нач. штаба корпуса, командир дивизии. Власов— командир роты, начальник штаба полка, а с 1930 г.— преподаватель тактики и т.д.

Думаю, что дальнейшее сравнение просто излишне. Но как и сейчас, тогда в 1942 г. не все знали об этих биографических деталях «Сталинского полководца».

8 апреля Мерецков докладывал в Ставку:

«Обстановка на фронте к 8 апреля характеризуется следующим:

а) В стыке 59-й и 52-й армий коммуникаций 2-й ударной армии от противника освобождены и создан разрыв в обороне противника шириной до 6 км, что явно недостаточно для надежного обеспечения коммуникаций.

б) Для дальнейшего расширения прорыва 59-я армия ведет наступление в районе юго-западнее Спасской Полисти и 52-я армия частью сил в районе к западу от Теремец— Курляндского. Наступление 59-й армии развивается неудовлетворительно; противник, несмотря на большие потери, продолжает упорно держаться в лесах.

в) На любанском направлении 2-я ударная армия, встретив организованную оборону противника на рубеже р. Тигода, успеха не имела. Основная причина— плохая организация боя, усталость войск вследствие непрерывных боев и боязнь командования 2-й ударной армии за свои коммуникации».

В соответствии с обстановкой командующий Волховским фронтом предлагал следующий план действий:

1. Добиться расширения прорыва в чудовском направлении.
2. 52-й армии прочно обеспечивать коммуникации 2-й ударной армии с юга, для чего закрепиться на достигнутом положении, создать резервы. Частью сил закончить очистку от противника леса к югу от рубежа выс. 43,1 и 40,2.
3. 2-й ударной армии временно прекратить атаки на р. Тигода, дать отдых войскам, пополнить их, провести разведку противника и тщательную подготовку к возобновлению наступления.

Штаб фронта планировал усилить 59-ю армию и после проведения организационных мероприятий общее наступление начать 12 апреля с запада на Спасскую Полисть и одновременно с востока. Для поддержки и обеспечения наступления сосредотачивалось 250 орудий, 200 минометов и три гвардейских минометных полка. Днем и ночью готовилась работать авиация.

9 .

Из дневника Ф. Гальдера:

«9 апреля. Положение у Погостья становится все более трудным.

10 апреля. Напряженное положение у Погостья. На Волхове начался ледоход.

11 апреля. Обстановка у Погостья несколько разрядилась.

12 апреля. В районе Погостья после очень большого напряжения положение, по-видимому, опять несколько стабилизировалось.

13 апреля. У Погостья стало несколько лучше.

14 апреля. У Погостья противник успеха не имел. Снег быстро тает.

15 апреля Обстановка без изменений. В основном спокойно.

16 апреля. На северном участке фронта у Волхова трудное положение. 20 апреля.

Положение на Волхове стабилизируется.

21 апреля. Не считая возобновления русскими наступления на Волхове, в общем, на всем фронте спокойно».

10 .

Несмотря на то что К.А. Мерецков 8 апреля докладывал в Ставку об освобождении коммуникаций 2-й ударной армии и создании разрыва в обороне противника равном 6 км, на самом деле этот разрыв не превышал 2 км.

По такому узкому проходу только ночью могли двигаться небольшие группы людей, орудия, повозки, используя колонный путь с жердевым настилом в болотистых местах. А 9 апреля противник юго-западнее Спасской Полисти выдвинулся и проход еще более сузился.

Таким образом, несмотря на активное наступление армий Волховского фронта, уже в апреле создавалось критическое положение, которое можно объяснить лишь несогласованностью действий наших войск и особенно между 2-й ударной и 54-й армией. Только благодаря такому положению немцы получили возможность отражать их удары поочередно, без особых препятствий и маневрировать всеми своими силами и средствами. Теперь все необходимое для войск 2-й ударной армии и некоторых соединений 59 армии, оказавшихся в окружении, приходилось доставлять только с помощью транспортной авиации.

Генерал-лейтенант Н.К. Клыков вспоминал:

«...В предвидении длительной борьбы в условиях окружения мы приняли меры по заготовке продовольствия: порезали на колбасу лошадей, убавили выдачу хлеба, заложили в неприкосновенный запас сухари. Авиация помогла нам боеприпасами и небольшим количеством продовольствия. Было решено прорывать кольцо окружения совместными действиями. Навстречу нам направляли свои усилия 52-я и 59-я армии.

Удар изнутри оказался неожиданным для врага. Через два часа после начала боя первоначальное положение было восстановлено—коридор очищен от противника. Да еще были захвачены крупные склады продовольствия, которые нам оченьгодились.

Небезынтересно отметить, что трофейный хлеб, плотно завернутый в целлофан и упакованный по шесть штук в коробку, был выпечен еще в 1937—1938 гг. Несмотря на столь длительный срок хранения, он был вполне пригоден к употреблению. Требовалось лишь немного увлажнить и разогреть его...

Отбитые нами у врага опорные пункты были хорошо обеспечены всем необходимым для длительной обороны. В них находилось стрелковое оружие, большое количество боеприпасов, запасы хлеба и консервов, минеральная вода и т.д.».

Таким образом, когда угроза полного окружения 2-й ударной была ликвидирована, командование фронта приступило к подготовке нового наступления на Любань.

Началось формирование 6-го гвардейского стрелкового корпуса на базе выведенной в резерв фронта стрелковой дивизии. Корпус предназначался для усиления 2-й ударной армии, который по количеству сил и средств был гораздо сильнее последней в ее первоначальном составе.

Это давало определенную надежду на успех, но произошло то, чего не ожидал никто...

Во второй половине апреля в Ставку прибыл командующий Ленинградским фронтом М.С. Хозин и доложил, что неудача Любанской операции произошла вследствие отсутствия настоящего взаимодействия между Ленинградским и Волховским фронтами.

Он предложил организовать его по месту и времени, а кроме того, выделить фронтам

резервы, без которых, по его мнению, нельзя было бы рассчитывать на доведение операции до логического конца.

Из воспоминаний маршала А.М. Василевского: «Думаю, что он верил в правильность и целесообразность своего плана». Судя по всему, предложение Хозина пришлось Сталину по душе, тем более что он даже согласился на немедленную передачу Северо-Западному фронту 6-го гвардейского стрелкового корпуса и стрелковых дивизий, которые Мерецков выделил на усиление 2-й ударной армии. В предполагаемом Хозиным варианте проблема освобождения от блокады Ленинграда сводилась лишь к упразднению одного фронтового управления и перестановке кадров.

Маршал Б.М. Шапошников выступил категорически против такого предложения, а И.В. Сталин, наоборот, встал на позицию Хозина. В результате было принято решение о ликвидации Волховского фронта и передаче его войск Ленинградскому фронту. 21 апреля Ставка приказала с 24 часов 23 числа объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый Ленинградский фронт в составе двух групп— ленинградского и волховского направлений.

Командующим войсками фронта был назначен Хозин, на него же было возложено и командование группой войск волховского направления. Командующим группой войск Ленинградского направления назначили генерал-лейтенанта Говорова.

Из воспоминаний маршала К.А. Мерецкова:

«Это решение явилось для меня полной неожиданностью. Я никак не мог понять, ради чего было предпринято подобное объединение. На мой взгляд, в этом не было ни оперативной, ни политической, ни какой бы то ни было иной целесообразности...

Обо всем происшедшем я узнал только 23 апреля, когда генерал Хозин с директивой в кармане и в весьма веселом настроении появился в штабе нашего фронта. Ознакомившись с директивой, я прежде всего обратил внимание генерала Хозина на необходимость усиления 2-й ударной армии и посоветовал ему обязательно сохранить 6-й гвардейский стрелковый корпус. Но М.С. Хозин, видимо, имел свое мнение и со мной не согласился. Тогда я, прежде чем покинуть фронт, позвонил в Ставку относительно 6-го гвардейского корпуса. Мне ответили, что я за судьбу 2-й ударной армии могу не беспокоиться, но согласились заслушать мой доклад.

24 апреля, будучи в Ставке, я вновь поднял вопрос о нелегком положении 2-й ударной армии. Во время доклада присутствовали И.В. Сталин и Г.М. Маленков.

—2-я ударная армия совершенно выдохлась,— говорил я.— В имеющемся составе она не может ни наступать, ни обороняться. Ее коммуникации находятся под угрозой ударов немецких войск. Если нечего не предпринять, то катастрофа неминуема».

К.А. Мерецкова назначили сначала заместителем командующего Западным фронтом, а затем по его просьбе— командующим 33-й армией того же фронта.

В подчинении Хозина оказалось девять армий, три отдельных корпуса и две оперативные группы, действовавшие к тому же на шести изолированных направлениях. Оказалось, что управлять таким количеством войск и в таких условиях, когда войска еще и разделены занятой врагом зоной, не только трудно, но и невозможно. К сожалению, Ставка не учла целесообразность перераспределения армий с сохранением двух фронтов, когда один фронт управлял бы войсками только на блокированной территории, а другой— за ее пределами. Это была очередная ошибка Сталина, которая в свою очередь лишь усложнила управление войсками и ухудшила их взаимодействие. Судя по всему, в Ставке не учли и весеннюю распутицу, которая превратила дороги в километры вязкой грязи и благодаря чему снаряды и продукты питания бойцы доставляли на руках за 20—30 км.

Из воспоминаний командира 327-й стрелковой дивизии генерала И.М. Антюфеева:

«К середине апреля хлеба выдавалось менее половины нормы, других продуктов не было совсем. Но люди не пали духом. Мы стойко обороняли занятые рубежи, неутомимо трудились: рубили лес, строили дзоты, прокладывали дороги. Наступавшая весна торопила нас—ведь мы находились в болотах».

А вот что записал в своем дневнике В.А. Кузнецов— ответственный секретарь редакции газеты «Отважный воин» 2-й ударной армии: «19 апреля. На улице настоящая весна. Потоки вешней воды затопили все. Из палатки в палатку в нашем лагере приходится пробираться по торчащим из воды кочкам...

27 апреля. Кончилась тишина. Последние дни на нашем участке отмечены значительной активностью гитлеровцев. Они оказывают давление с двух сторон: в районе Еглино— самом дальнем пункте нашего прорыва в западном направлении— и в сторону Новой деревни. На востоке— не переставая грохочут орудия. Чуть свет с запада потянулись немецкие самолеты, летят к Мясному Бору».

Уже 30 апреля— наступление на любанском направлении пришлось прекратить. Генерал Хозин, ознакомившись с обстановкой, решил что без свежего пополнения дивизий, без усиления фронта средствами ПВО и авиацией, а также без средств обеспечения ни о каком наступлении речи быть не могло. И он отдал приказ о временном переходе к обороне: 24 апреля — 59-й армии и 30 апреля — 2-й ударной.

Генерал-лейтенанту Михаилу Семеновичу Хозину в 1942 г. было 45 лет. Участник Первой мировой и Гражданской войн. До революции прапорщик, а в Гражданскую— командир батальона, полка, бригады. В 1925 году окончил курсы усовершенствования комсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе, а в 1930 г.— курсы партполитподготовки командиров— единачальников при Военно-политической академии. В период с 1925 по 1939 г. Хозин командовал дивизией, корпусом, был заместителем командующего, а с 1938 г. командующим войсками Ленинградского военного округа.

С 1939 г. он начальник Военной академии им. Фрунзе. Во время войны руководил тылом фронта резервных армий, был заместителем начальника Генштаба, начальником штаба Ленинградского фронта. С октября 1941 г. командующий Ленинградским фронтом. В общем, Михаил Семенович Хозин был опытным военачальником, но могу предположить, что ему, по всей видимости, не хватало академического образования. В своей книге Н. Коняев как всегда пишет про какую-то «блистательную штабную интригу», которую генерал М.С. Хозин провел в Москве».

Но дело было вовсе не в интриге. Просто Хозин считал, что справится с задачей Ставки и реально поможет блокадному Ленинграду. Для этого у него были собственные соображения, которые ему очень хотелось реализовать на практике. Но генерал, видимо, переоценил свои возможности и возможности вверенных ему войск. Возможно, он действительно хотел отличиться, показать себя перед Ставкой, перед вождем— наконец. Поэтому никак нельзя назвать все это «блистательной штабной интригой» хотя бы потому, что эта интрига не была блистательной. По сути, новое назначение Хозина не подняло его по служебной лестнице выше (он так и остался командующим Ленинградским фронтом), а, наоборот, поставило в более худшее положение (на волховском направлении), чем оно было раньше, на ленинградском направлении в той же должности. Хозин со своим предложением Ставке пошел на огромный риск. И самое главное— он верил, что этот риск оправдан!

2 мая генерал Хозин докладывал Сталину соображения по ведению операций Ленинградского фронта на волховском направлении:

«1. Основная задача войск фронта— освобождение Ленинграда от блокады— будет выполняться путем проведения ряда последовательных фронтовых операций...»

По плану командующего и его штаба 59-я армия, завершив ликвидацию противника в лесах

юго-западнее Спасской Полисти, немедленно должна была перейти к проведению операции по ликвидации противника в районе Трегубово, Спасская Полисть, Приютино, с тем чтобы расширить горловину прорыва 2-й ударной армии. Операция планировалась на 6 мая. 54 армия должна была продолжать развивать наступление на Липовик и далее совх. Холмогор с целью ликвидации армий противника, действующего в районе Кириши, Посадников остров, Липовик, устье р. Тригода. В то же время 54-я начинает подготовку последующей операции на направлении Смердыня, Любань. Любаньская операция планировалась во второй половине мая. 4-я армия после завершения частных операций по ликвидации противника на восточном берегу р. Волхов в районе Киришей и в Грузинском парке должна была перебросить на западный берег р. Волхов одну стрелковую дивизию и в дальнейшем, получив две дивизии, силами четырех дивизий перейти в наступление на Чудово.

А 2-я армия, находясь в обороне, должна была передать в подчинение 59-й армии две стрелковые дивизии для создания ударной группировки и одновременно вести подготовку к проведению любаньской операции. Планировалось включить в ее состав 6-й гвардейский корпус в составе трех дивизий и двух стрелковых бригад. Переход в наступление 2-й ударной планировался в последней декаде мая. Главный удар она должна была наносить из района Кривино, Ручьи на ст. Бабино для того, чтобы во взаимодействии с 59-й армией отрезать и ликвидировать чудовскую группировку противника.

К 4 мая 13-й кавалерийский корпус выводился в резерв, где должен был получить пополнение и быть готовым к участию в операциях к 15-му числу.

Его намечалось использовать для развития успеха 2-й ударной армии. У Ставки Хозин просил 55 тыс. рядового состава и младших командиров, один боекомплект сверх установленной нормы на май, три полка истребителей и два полка штурмовиков и бомбардировщиков (100 самолетов).

3 мая Ставка утвердила план намеченных операций войск Ленинградского фронта на май месяц. Но вопрос о просимых фронтом средствах усиления и пополнения сразу решен не был. В директиве Ставки было указано: «Вопрос о просимых вами средствах усиления и пополнения будет рассмотрен по получении ваших уточненных, обоснованных заявок».

11 .

Удар, нанесенный 59-й армией в районе Спасской Полисти, оказался слабым и успеха не принес. А в это время противник продолжал усиливать свои группировки на флангах прорыва 2-й ударной армии. В этих условиях командование сочло целесообразным отвести ее войска на более выгодный рубеж. 12 мая из штаба Ленинградского фронта была отправлена директива:

«В целях выделения из состава 2-й ударной армии дополнительных сил для разгрома противника, угрожающего с севера коммуникациям 2-й ударной армии, и последующего развития успеха совместно с 59-й армией в направлении Спасская Полисть, Чудово приказываю:

1. 2-й ударной армии последовательно вывести войска на рубеж Ольховские, Рогавни, озеро Тигода и занять этот рубеж для упорной обороны... Особое внимание [уделить] направлению на Ольховские. К инженерной подготовке этого рубежа приступить немедленно». Вывод на новый рубеж должен был начинаться по сигналу «Вперед».

С выходом на новый рубеж обороны в состав 2-й ударной армии командующий фронтом планировал включить войска 59-й армии, действующей на рубеже р. Глушица, и 19-й гв. сд 52-й армии. Однако Ставка в ночь с 13 на 14 мая 1942 г. подготовила для Ленинградского фронта следующую директиву, в которой задача об отводе 2-й ударной звучала несколько иначе:

«Отвод 2-й ударной армии на рубеж Ольховские, оз. Тигода не дает нам больших выгод, так как для удержания этого рубежа потребуется не менее четырех-пяти сд и, кроме того, с отводом армии на рубеж Ольховские, оз. Тигода не устраняется угроза армейским коммуникациям в районе Мясного Бора».

Ставка приказала отвести 2-ю ударную армию из занимаемого ею района и одновременными ударами 2-й с запада на восток и 59-й армии с востока на запад уничтожить противника в районе выступа Приютино и Спасская Полисть. По выполнении поставленной задачи войска 2-й ударной должны были сосредоточиться в районе Спасской Полисти и Мясного Бора, с тем чтобы прочно закрепить за собой Ленинградскую железную дорогу, шоссе и плацдарм на западном берегу р. Волхов совместно с 59-й и 52-й армиями.

Однако Хозин был не согласен. И 15 мая он докладывает Сталину, отстаивая свой план отвода 2-й ударной: «Операция по отводу 2-й ударной армии состоит из нескольких этапов. Первый этап операции изложен в № 24. Основная задача этого этапа заключается в том, чтобы последовательным отводом с рубежа высвободить силы для удара с запада на восток— по выступу южн. Спасской Полисти. С этой целью и намечен наиболее выгодный рубеж Ольховские, озеро Тигода. Только обеспечивая за собой этот рубеж, 2-я уд. армия может наносить удар на восток. Именно этот рубеж должна удерживать 2-я уд. армия еще и потому, что он прикрывает единственную дорогу (Ольховка— Новая Кересть), необходимую для развертывания ударной группировки второй ударной армии

при ее действиях— на восток. Вторым этапом операции будет выполнение конечной цели действий— дальнейший вывод 2-й ударной армии, а также части сил 59-й и 52-й армий на рубеж, непосредственно обеспечивающий закрепление за ними Ленинградской железной дороги, шоссе и плацдарма на западном берегу Волхова».

16 мая Ставка все-таки утвердила этот план. Ставка в лице тов. Сталина до последнего момента доверяла Хозину. А он продолжал делать ошибки, одну за другой. Первая его ошибка— объединение фронтов. Вторая— наступление без дополнительных сил. Дело в том, что 2-я ударная армия только числилась ударной, а на самом деле еле сдерживала наступление немцев. Ктому же их активные действия мешали пополнять ее через горловину мешка.

Генерал Хозин все-таки решился на отвод 2-й ударной на доукомплектование и отдых, но и здесь допустил серьезную ошибку— третью: им было упущено драгоценное время.

Еще до 16 мая из котла были выведены некоторые соединения и части, а дальше уже без резервов обеспечить отход армии было просто невозможно. Тем более что в это же время развернулись ожесточенные бои на юге под Харьковом и с резервами в Ставке было чрезвычайно туго. 21 мая Ставка приказала командующему войсками Ленинградского фронта:

1. Ближайшими задачами для войск Волховской группы Ленинградского фронта иметь:

а) прочную оборону на фронте 54-й и 8-й армий, с тем чтобы не допустить прорыва противника со стороны ст. Мга на Волхов;

б) не позднее 1 июня 1942 г. очистить от противника восточный берег р. Волхов в районе Кириши, Грузино. Подготовку этих операций и обеспечение их в огневом отношении взять лично на себя. В ближайшие 4—5 дней, при помощи специально выделенной авиации дальнего действия, разрушить железнодорожные мосты через р. Волхов у Киришей и ст. Волхово, в 6 км юго-вост. Чудово;

в) отвод войск 2-й ударной армии, с тем чтобы, прочно прикрывшись на рубеже Ольховские, оз. Тигода с запада, ударом главных сил 2-й ударной армии с запада, с одновременным ударом 59-й армии с востока, уничтожить противника в выступе Приютино, Спасская Полисть...

Затем следовало «силами 59-й, 2-й ударной и правым крылом 52-й армий прочно обеспечить за собой плацдарм на зап. берегу реки Волхов в районе Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтицы, Ленинградскую железную дорогу и шоссе с тем, чтобы не допустить соединения по этим дорогам новгородской и чудовской группировок противника и восстановления железной дороги Новгород—Ленинград...»

В целях удобства управления после ликвидации противника в районе Спасской Полисти Ставка приказывала реорганизовать Волховскую группу войск, создав из нее две группы: Ладожскую в составе 54-й и 8-й армий на фронте от Ладожского озера до р. Волхов

у Киришей и Волховскую в составе 4, 59, 2 и 52-й армий на фронте Кириши, Грузино, Спасская Полисть, Земтицы и далее по р. Волхов до оз. Ильмень, с назначением командующих этими группами и штабов при них.

Теперь Военный совет и штаб Ленинградского фронта от непосредственного командования Волховской группы освобождался. Когда с севера над 2-й ударной армией нависла крупная немецкая группировка, Ставка неоднократно требовала от генерала Хозина отвести войска армии на рубеж р. Волхов, но штаб фронта опоздал. Необходимые распоряжения были отданы лишь 25 мая, а через несколько дней основные коммуникации снабжения армии были перерезаны. По мнению пом. начальника Особого отдела НКВД СССР ст. майора госбезопасности Москаленко, генерал-лейтенант Хозин медлил с выполнением приказа Ставки, ссылаясь на невозможность выводить технику по бездорожью и необходимость строить новые дороги. Таким образом, к началу июня части не начали отводить, однако в Генеральный штаб Красной армии за подписью Хозина и нач. штаба фронта Стельмаха было прислано донесение о начале отвода частей армии. Но они обманули Генштаб, так как к этому времени 2-я ударная армия только начинала оттягивать тылы.

После получения директивы штаба фронта о выходе 2-й ударной армии с рубежа Новая Деревня, Ручьи, Коровий Ручей, Красная Горка, платформа Еглино, Веретье, Остров, Палинино, Финев Луг, Глухая Кересть за реку Волхов, начальником штаба армии полковником Виноградовым был составлен оперативный план по рубежам выхода. Фронт его утвердил. Особенно сильно на выполнении замысла оперативного решения на отход с первого и последующих промежуточных рубежей обороны сказалось истощение личного состава войск армии. Трудно решался и вопрос снабжения продуктами и боеприпасами. Если в первые дни окружения самолеты «Дуглас» и У-2 могли приземляться в расположения армии, то в последующие дни такой возможности не стало. Самолеты обычно прилетали в ночное время и сбрасывали груз, в основном продовольствие, на парашютах. Нередко наша авиация попадала под огонь «мессершмиттов» даже ночью.

Из воспоминаний командира 327-й стрелковой дивизии генерала И.М. Антюфеева:

«Май был на исходе, когда из армии поступил сигнал начать отход. С наступлением сумерек части дивизии оставили оборонительные позиции у Красной Горки. И в этот момент мы еще раз убедились, до какой степени бойцы ослаблены систематическим недоеданием. Они едва переставляли ноги. От противника мы оторвались незамеченными только перед рассветом, когда уже были в 8—10 километрах от Красной Горки, враг открыл ураганный огонь из всех видов оружия по оставленным нашим позициям. Затем он двинулся преследовать нас. Но бездорожье, леса и болота на этот раз стали наши-

ми союзниками... На первых порах гитлеровцы не могли использовать танки для преследования. А обойти нас стороной без танков вражеской пехоте было тоже не просто. Это позволило нам благополучно добраться до первого оборонительного рубежа и закрепиться на нем».

Из дневника ответственного секретаря редакции газеты «Отважный воин» 2-й ударной армии В.А. Кузнецова:

«11 мая. В районе Мясного Бора бой не ослабевает ни на минуту. 27 мая. Начали передвигаться по направлению к Мясному Бору, поминутно задерживаясь в пробках на дороге.

30 мая. Мясной Бор снова перекрыт».

За овладение горловиной шли ожесточенные бои. 30 мая 1942 г. немцы заметили отход 2-й ударной армии и перешли в наступление, а 2 июня противник вторично закрыл коридор, осуществив полное окружение. С этого времени питание армии боеприпасами и продовольствием начало осуществляться воздухом. 3 июня А.М. Василевский отправил командующему Ленинградским фронтом следующую телеграмму:

«Действия по уничтожению противника в районе Спасская Полисть и Приютина проводятся Вами крайне медленно. Противник Вами не только не уничтожается, а, наоборот, перейдя к активным действиям, преградил пути отвода 2-й ударной армии, так как разгадал Ваш маневр по ее выводу. Попытки войск фронта пробить брешь в боевом порядке противника оказываются малоуспешными. Основной причиной этого нужно считать не только медлительность Ваших мероприятий, но и вывод сил по частям вместо удара всеми силами 2-й ударной армии... Промедление и нерешительность в этом деле чрезвычайно опасны, ибо все это дает противнику возможность изо дня в день сильнее

закрепляться на перехваченных им путях отвода 2-й ударной армии».

И все-таки как же получилось, что 2-я ударная армия оказалась в окружении?

Еще в апреле генерал Хозин вывел в резерв фронта три дивизии:

2-ю (4-ю и 24-ю) — 6-го гвардейского стрелкового корпуса и 378-ю стрелковую дивизию. Немцы умело воспользовались этим. Они построили узкоколейную железную дорогу в лесу западнее Спасской Полисти и практически беспрепятственно стали накапливать войска для удара по коммуникациям 2-й ударной армии Мясной Бор— Новая Кересть. Штаб фронта оборону коммуникаций 2-й армии не усилил. Ее северную и южную дороги прикрывали слабые 65 сд — 52-й армии и 372 сд — 59-й армии, вытянутые в линию без достаточных огневых средств на недостаточно подготовленных оборонительных рубежах.

Прикрывающая южную дорогу 372-я стрелковая дивизия к этому времени занимала участок обороны с боевым составом в 2796 человек протяженностью 12 км, 65-я дивизия, прикрывающая северную дорогу, занимала участок протяженностью 14 км с боевым составом 3708 человек.

Именно против 372-й сд противник сосредотачивал свои главные силы, но, к сожалению, мер к усилению обороны принято не было, хотя резервы у фронта на тот момент имелись.

30 мая немцы после артиллерийской и авиационной подготовки танковой атакой начали наступление на правый фланг 311-го полка 65-й стрелковой дивизии. 3 роты этого полка, потеряв 100 бойцов и 4 танка, отступили. Тогда для восстановления положения была брошена рота автоматчиков, которая понесла потери и отошла. Военному Совету 52-й армии ничего не оставалось, как бросить в бой последний резерв 54-й гв. стрелковый полк 19 гв. сд с пополнением в 370 человек, которое при первом же соприкосновении с противником разбежалось. В результате немцы потеснили части 64-й дивизии и левым флангом отрезали 305-ю стрелковую дивизию. В это же время атакой на участке 1236-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии они прорвали ее слабую оборону, расчленили второй эшелон резервной 191-й стрелковой дивизии 59-й армии, вышли на узкоколейную железную дорогу и соединились с наступающими частями с юга. Только 1 июня без артиллерийской поддержки в бой была введена 165-я стрелковая дивизия, которая потеряла 50% личного состава, но положение не исправила. Командующий фронтом дивизию из боя вывел и перебросил на другой участок, заменив 374-й стрелковой дивизией, но та в момент смены частей 165-й отошла несколько назад и своевременно в бой введена не была.

В итоге генерал Хозин занялся заменой командиров и перегруппировкой войск, которую затянул до 10 июня. За это время немцы создали дзоты и укрепили оборону.

4 июня в 00 ч 45 мин командующий 2-й ударной армией генерал Власов докладывал: «Ударим с рубежа Полисть в 20.00 4 июня. Действий войск 59-й армии с востока не слышим, нет дальнего действия артогня». До 4 июня горловина мешка существенно сузилась, а 5 июня встречными ударами 2-й и 59-й армий был пробит узкий коридор до

800 м, по которому и выходили войска 2-й ударной армии. Практически за сутки для окруженной армии успели подвезти продукты и эвакуировать часть раненых, а дальше противнику все же удалось смять боевые порядки 2-й ударной и ворваться в них с запада.

6 июня горловина мешка была перекрыта полностью. Семь дивизий и шесть бригад оказались в окружении.

Из дневника ответственного секретаря редакции газеты «Отважный воин» 2-й ударной армии В.А. Кузнецова:

«3 июня. Наш островок все меньше.

6 июня. Поступил строчный приказ немедленно сменить места расположения...

К вечеру выясняются причины переполоха. Оказывается, 5 июня ночью было предпринято наступление двух наших армий — 2-й ударной и 59-й — навстречу друг другу. Губительный огонь противника не позволил расширить прорыв.

7 июня. Медленно продвигаемся вперед, преодолевая за ночь не более 500—800 м».

Даже по этим коротким и сухим отрывкам прямых участников

событий видно, что обстановка на волховском участке фронта была не просто тяжелой, она была катастрофической!

3 июня командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал Л.А. Говоров, а 8 июня Ставка приказала разделить войска Ленинградского фронта на два самостоятельных фронта: «За невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение», генерал-лейтенант Хозин был снят и назначен командующим 33-й армией Западного фронта вместо генерала армии Мерецкова, который снова вернулся на Волховский на прежнюю должность командующего.

9 июня 1942 г. он вместе с представителем Ставки генерал-полковником А.М. Василевским прибыл на командный пункт в Малую Вишеру и взял в свои руки руководство выводом 2-й ударной армии из окружения. Спустя десятилетия маршал вспоминал:

«Какова же была обстановка на фронте к нашему приезду? Обстановка выглядела довольно мрачной. 2-я ударная армия, отрезанная от баз снабжения и окруженная, испытывала острую нужду в продовольствии и боеприпасах. Ее арьергардные соединения под давлением противника медленно отходили на восток, а авангард тщетно стремился пробить коридор. Войска 59-й и 52-й армий, растянутые на широком фронте, еле сдерживали врага, пытавшегося расширить разрыв между ними и 2-й ударной армией. Резервы отсутствовали. Мы стали лихорадочно искать выход. Нам удалось высвободить три стрелковые бригады и ряд других частей, в том числе один танковый батальон. На эти скромные силы, сведенные в две группы, возлагалась задача пробить коридор шириной в 1,5—2 км, прикрыть его с флангов и обеспечить выход войск 2-й ударной армии, попавших в окружение. Сигнал к наступлению дали на рассвете 10 июня».

С 10 по 25 июня командующий войсками Волховского фронта при участии представителя Ставки непосредственно организовывал и руководил боевыми действиями в районе Мясного

Бора.

Из воспоминаний командира 327-й стрелковой дивизии генерала

И.М. Антюфеева:

«На первом оборонительном рубеже дивизия должна была задержать противника на сутки. Но от руководства поступил новый приказ: задержаться на этом рубеже как можно дольше, так как главные силы армии еще не были подготовлены к прорыву. Четверо суток дивизия сдерживала противника. Она отбила несколько ожесточенных его атак, даже захватила несколько пленных, в том числе двух пилотов с подбитых самолетов. Спустя некоторое время гитлеровцам все же удалось выйти на фланги дивизии. По нашей обороне они сосредоточили сильный огонь артиллерии и минометов, на который нам, к сожалению, нечем было отвечать. Мы вынуждены были оставить этот рубеж. Следующий оборонительный рубеж проходил в районе Финева Луга. Тут нам пришлось вести бои до

середины июня, так как попытка прорвать оборону противника главными силами армии в направлении Спасской Полисти потерпела неудачу. Теперь войска армии готовились ко второму удару, изменив его направление— на Мясной Бор. В районе его каким-то чудом среди болот сохранилась узенькая полоска земли, по которой

ночью могли пробираться пешеходы».

По мнению начальника связи 2-й ударной армии генерал-майора Афанасьева, который в своем донесении Военному совету Волховского фронта писал 26 июля 1942 г.:

«Несмотря на все тяжелые условия оценки местности, истощение людского состава, отсутствие пополнения, но благодаря хорошему политико-моральному состоянию личного состава армии вся техника из болотистой местности была заблаговременно вывезена за Новую Кересть. Этим самым все соединения стали свободно и оперативно выполнять возложенные на них задачи».

Именно благодаря «хорошему политико-моральному состоянию личного состава», на все попытки противника перейти в наступление он получал должный отпор с большими для него потерями. Достаточно сказать, что управление по всем рубежам было построено при наличии двух-трех запасных командных пунктов, при хорошо развитой постоянной сети телефонно-телеграфной линии (двухпроводная система), при наличии обходных линий по фронту между стрелковыми дивизиями и бригадами. Таким образом, весь

период выхода до реки Полисть управление войсками было бесперебойным. После отпора противнику на первом рубеже (Коровий Ручей, Красная Горка) немцы через Веретье вышли и заняли Дубовик. Но в результате взаимодействия сил 327 сд, 382 сд, 59 сбр и

25 сбр противник был полностью разбит и уничтожен. Части 59-й и 25-й стрелковых бригад из Б. Еглино вышли по плану без потерь.

То же самое было и на втором промежуточном рубеже (Ручьи, Родофиниково).

На третьем рубеже противник был остановлен упорной обороной 23-й стрелковой бригады, 92-й, 19-й гвардейской и 327-й стрелковой дивизий. Эти соединения обеспечивали и обеспечили сосредоточение ударной группы, нацеленной на восток, в составе четырех бригад и двух дивизий в районе р. Глушицы.

Но так как на третьем рубеже обороны (Финев Луг, р. Вавань-Роговка, Ольховка) сплошного фронта не было, а численный состав уменьшался, командование армии приняло решение усилить передовые части специальными частями: связистами, артиллеристами и другими в количестве 1500 человек.

«Военному совету Волховского фронта. Докладываем: войска армии в течение трех недель ведут наряженные ожесточенные бои с противником... Личный состав войск до предела измотан, увеличивается количество смертных случаев и заболеваемость от истощения возрастает с каждым днем. Вследствие перекрестного обстрела армейского района войска несут большие потери от артминометного огня и авиации противника. Боевой состав соединений резко уменьшился. Пополнить его за счет тылов и спецчастей больше нельзя...

На шестнадцатое июня в батальонах, бригадах и стрелковых полках осталось в среднем по несколько десятков человек. Все попытки восточной группы армии пробить проход в коридоре с запада успеха не имели. Власов. Зуев. Виноградов».

По данным Генштаба, пассажирскими самолетами к этому времени ежедневно подавалось воздухом для частей армии 7—8 т продовольствия, при потребности в 17 тонн, 1900—2000 снарядов при минимальной потребности 40 000, 300 000 патронов (по 5 патронов на человека).

Несмотря на то что К.А. Мерецков с А.М. Василевским делали все, что только было возможно для вывода 2-й ударной армии из окружения: пересматривали все ресурсы фронта, намечали части и подразделения для переброски к месту прорыва, время было

упущено. Противник не сидел сложа руки и по возможности наращивал свои усилия. Только западнее Ленинградского шоссе, с севера наступали части и подразделения его четырех дивизий. С запада действовали три дивизии, сведенные в группу, а со стороны

Новгорода на армию давило не менее двух групп немцев. 19 июня 29-я танковая бригада при поддержке пехоты прорвала оборону противника и соединилась с войсками 2-й ударной, наступающими с запада.

«20 июня. 03 ч 17 мин. Начальнику штаба фронта. Части 2-й ударной армии соединились в районе отметки 37,1 и севернее ее с прорвавшимися танками и небольшой группой пехоты 59-й армии. Пехота, действующая с востока, на реку Полисть еще не вышла. Артиллерия с востока не работает. Танки не имеют снарядов».

«20 июня. 12 ч 57 мин. Начальнику ГШКА. Начальнику штаба фронта. Копия: Коровникову и Яковлеву. Прошу понять, что части восточной группы настолько обескровлены, что трудно выделить сопровождение для танков. Оборона противника на р. Полисть не нарушена. Положение противника без изменений. Пехота 52-й и 59-й армий на

реку Полисть с востока не вышла. Наши части скованы огнем противника и продвижения не имеют. Прошу указаний на атаку пехоты 52-й и 59-й армий с востока. Прорвавшиеся 11 танков не имеют снарядов».

«21 июня 1942 г. 8 ч 10 мин. Начальнику ГШКА. Военному совету фронта. Войска армии три недели получают по пятьдесят граммов сухарей. Последние дни продовольствия совершенно не было. Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены. Наблюдается групповая смертность от голода. Боеприпасов нет. Власов. Зуев».

К 21 июня соединения 2-й ударной армии в количестве восьми стрелковых дивизий и шести стрелковых бригад (35—37 тыс. человек) с тремя полками РГК 100 орудий, а также около 1000 автомашин сосредоточились в районе несколько километров южнее Н. Кересть на площади 6 ´ 6 км. И с 21 на 22 июня части 59-й армии прорвали

оборону противника в районе Мясного Бора и образовали коридор шириной до 800 м.

Для удержания этого коридора части армии развернулись фронтом на юг и на север, заняли боевые участки вдоль узкоколейной железной дороги.

Навстречу частям 59-й армии вели наступление (2-я ударная армия) 1-й эшелон 46 стр. дивизия и 2 эшелон 57-я и 25-я стрелковые бригады. Выйдя в стык с частями 59-й армии, эти

соединения пошли на выход через коридор в тыл 59-й армии. Только за день 22.06 из 2-й ударной армии вышло 6018 раненых и около тыс. здоровых бойцов и командиров.

Маршал К.А. Мерецков вспоминал:

«Воспользовавшись коридором, из 2-й ударной армии на Мясной Бор вышла большая группа раненых бойцов и командиров. Затем произошло то, чего я больше всего опасался. Части 2-й ударной армии, участвовавшие в прорыве, вместо того чтобы направить свои усилия на расширение прорыва и закрепление флангов, сами потянулись вслед за ранеными. В этот критический момент командование 2-й ударной армии не приняло мер по обеспечению флангов коридора и не сумело организовать выход войск из окружения».

23 июня ответственный секретарь редакции газеты «Отважный воин» В.А. Кузнецов в своем дневнике записал:

«Кольцо вновь разомкнуто, и часть войск выведена на ту сторону. У нас же обстановка осложняется с каждой минутой. Территория занимаемого армией участка простреливается насквозь. Вчера всю вторую половину дня не улетали бомбардировщики. В воздухе безнаказанно висел «костыль» и нас жестоко обстреливала артиллерия. Ночью гитлеровцы сбили шесть наших самолетов, пытавшихся прорваться к нам с продовольствием и медикаментами». С 12 июня по 18 июня 1942 г. бойцам и командирам 2-й ударной выдавалось по 400 г конины и 100 г сухарей. В последующие дни норма питания еще более ухудшилась (10—50 г только сухарей). Правда, личный шофер Власова Коньков Н.В. в своих показаниях в августе 1942 г. говорил: «В последнее время бойцы частей 2-й ударной армии ежедневно получали от 80 до 150 г сухарей, ели вареную конину и суп, приготовленный из травы».

Но были дни, когда бойцы продуктов не получали совсем. Число истощенных бойцов увеличивалось, появлялись случаи смертности от голода. В своей докладной записке начальник особого отдела НКВД Волховского фронта старший майор госбезопасности

Мельников 6 августа 1942 г. писал: «Зам. нач. политотдела 46-й дивизии Зубов задержал бойца 57-й стрелковой бригады Афиногенова, который вырезал из трупа убитого красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, Афиногенов по дороге умер от истощения».

Положение 2-й ударной армии крайне осложнилось после прорыва противником линии обороны 327-й дивизии в районе Финев Луг. Вследствие чего противник продвинулся к Новой Керести и подверг артиллерийскому обстрелу тылы армии. Так он отрезал от основных сил армии 19-ю гвардейскую и 305-ю стрелковые дивизии, а дальше ударом со стороны Ольховки двумя пехотными полками с двадцатью танками при авиационной поддержке немцы овладели рубежами, занимаемыми 92-й дивизией. Отход войск по линии реки Кереть значительно ухудшил положение армии. Артиллерия противника простреливала уже всю глубину армии. Кольцо вокруг 2-й ударной сомкнулось.

«23 июня 1942 года. 01 ч 02 мин. Войска армии после прорыва силами 46-й стрелковой дивизии вышли на рубеж безымянного ручья 900 метров восточнее отметки 31,1 и только в этом районе встретились с частями 59-й армии. Все донесения о подходе частей 59-й армии к р. Полисть с востока предательское вранье...»

Противник, форсировав р. Кереть, зашел во фланг, вклинился в наши боевые порядки и повел наступление на КП армии в районе Дровяное поле. На защиту командного пункта армии в бой была брошена рота особого отдела в составе 150 человек, которая отеснила противника и вела с ним бой в течение суток 23 июня.

«23 июня 1942 г. 22.15. Противник овладел Новая Кереть. Проход восточнее реки Полисть вновь закрыт противником... Активных действий с востока не слышно. Артиллерия огонь не

ведет. Еще раз прошу принять решительные меры по расчистке прорыва и выхода 52-й и 59-й армий на реку Полисть с востока. Наши части на западном берегу Полисти. Власов. Зуев. Виноградов».

«23 июня 1942 г. 23.35. Бой на КП штаба армии, отметка 43,3. Помощь необходима. Власов».

Чтобы обеспечить выход частей 2-й ударной армии, оставшихся за линией фронта, командование фронта подготовило новый встречный удар войск 59-й с востока и 2-й ударной армии с запада вдоль узкоколейной дороги. Атака готовилась на 23 часа 23 июня. Но из-за сильнейшей бомбардировки с воздуха боевых порядков войск и штаба 2-й ударной армии мероприятия по занятию исходного положения для атаки были сорваны.

24 июня в 00.45 Власов докладывал: «Прохода нет, раненых эвакуировать некуда— Вас вводят в заблуждение... Прошу Вашего вмешательства».

А вот следующий текст, переданный Военным советом 2-й ударной в 19.45: «Всеми наличными силами войск армии прорываемся с рубежа западного берега р. Полисть на восток, вдоль дорог и севернее узкоколейки. Начало атаки в 22.30. 24 июня 42 г. Прошу содействовать с востока живой силой, танками и артиллерией 52-й и 59-й

армий, и прикрывать авиацией войска с 3.00. 25 июня 42 г. Власов. Зуев. Виноградов».

Еще 22—23 июня командование 2-й ударной армии, организуя выход частей из окружения в образовавшийся коридор, почему-то не рассчитывало на выход с боем и не приняло мер к укреплению и расширению основной коммуникации у Спасской Полисти. Таким образом, ворота не удержали и на этот раз. Все повторилось... В ночь на 24 июня в 23.30 войска 2-й ударной армии начали движение. Навстречу им вышли танки с десантом пехоты 29-й танковой бригады. Артиллерия 59-й и 52-й армий обрушилась на врага.

Противник в ответ открыл ураганный артиллерийский огонь, и над районом боевых действий заработала немецкая бомбардировочная авиация.

Маршал К.А. Мерецков вспоминал:

«Я в это время находился на командном пункте 59-й армии, откуда поддерживал связь со штабом 2-й ударной армии. С началом движения войск этой армии связь со штабом 2-й ударной армии нарушилась и уже больше не восстанавливалась. К утру вдоль узкоколейной железной дороги наметился небольшой коридор и появились первые группы вышедших из окружения бойцов и командиров. Они шатались от изнеможения.

Выход войск продолжался в течение всей первой половины дня, но затем прекратился. Немцам удалось взять под контроль дорогу. К вечеру силами войск, действовавших с востока, снова был пробит коридор и расчищена дорога. По этому коридору, простреливаемому перекрестным огнем с двух сторон, в течение ночи и утра 25 июня продолжался выход бойцов и командиров 2-й ударной армии. В 9.30 25 июня немцы вновь захлопнули горловину, теперь уже окончательно». Еще 24 июня утром командование 2-й ударной армии отдало распоряжение выходить из окружения мелкими группами. По мнению К.А. Мерецкова, «это распоряжение подорвало моральный дух войск и окончательно дезорганизовало управление. Не чувствуя руководства со стороны командования и штаба армии, подразделения дивизий и бригад вразброд двинулись к выходу, оставляя неприкрытыми фланги».

Это мнение подтверждается и другими источниками. Старший майор госбезопасности Мельников: «24 июня с.г. Власов принимает решение вывести штаб армии и тыловые учреждения походным порядком. Вся колонна представляла из себя мирную толпу с беспорядочным движением, демаскированную и шумную. Противник идущую колонну подверг артиллерийскому и минометному обстрелу. Военный совет 2-й армии с группой командиров залег и из окружения не вышел».

До сих пор считается, что генерал Власов не виновен в том, что 2-я ударная армия оказалась

в окружении. Возможно, что так оно и есть. Но есть одно маленькое «но». Правда, что командовать 2-й ударной армией Власов действительно стал с середины

апреля 1942 года, заменив на время заболевшего генерала Клыкова. Однако еще с марта месяца он был ее тактическим советником в должности заместителя командующего Волховского фронта. А значит, уже тогда должен был владеть обстановкой, помогать командарму в руководстве войсками, а также нести всю полноту ответственности за принимаемые решения. Но насколько известно, ничего этого не было.

Первый раз коммуникации 2-й ударной армии были перерезаны 20—21 марта, а через неделю коридор открыт. 2 июня вторично закрыт коридор. Выходит, что до окружения Власов полтора месяца командовал армией и более двух с половиной был при ней.

Свидетельства очевидцев говорят, что Власов больше говорил, чем делал: «Находясь при 2-й ударной армии, Власов давал понять, что он имеет большой вес, ибо он неоднократно говорил, что он имеет особое поручение Москвы и что он имеет прямую связь с Москвой.

Во 2-й ударной армии Власов хорошо дружил с членом военного совета Зуевым и начальником штаба Виноградовым. С Зуевым они вместе до войны работали в 4-м мехкорпусе. В беседе с Зуевым и Виноградовым Власов неоднократно говорил, что великие стратеги— это по поводу Мерецкова— завели армию на гибель.

Власов по адресу тов. Мерецкова говорил: «Звание большое, а способности...»— и дальше не договаривал, но он давал понимать. Судя по разговору Власова, он не хотел никого понимать и хотел быть хозяином. Власов во 2-й ударной армии не любил начальника особого отдела Шашкова, это Власов не раз высказывал Зуеву, а один раз Власов скомандовал Шашкову выйти из землянки».

Адъютант (майор Кузин).

Не лучше отзывался о Власове и маршал А.М. Василевский:

«Командующий 2-й ударной армией Власов, не выделяясь большими командирскими способностями, к тому же по натуре крайне неустойчивый и трусливый, совершенно бездействовал. Создавшаяся для армии сложная обстановка еще более деморализовала его, он не предпринял попыток к быстрому и скрытному отводу войск».

Пока Власов не занимал должность командарма и находился как бы в стороне от событий, он позволял себе давать негативные оценки тем, кто непосредственно командовал фронтом, армией, кто нес всю полноту ответственности. Это продолжалось и после его назначения на армию. Видимо потому, что оно было по совместительству. И скорее всего потому, что он был уверен в своем временном исполнении обязанностей. Но лечение Клыкова затянулось, а катастрофа 2-й ударной пришла гораздо быстрее, чем об этом кто-то мог подумать. И вот тут Власов растерялся. Впрочем, не просто растерялся, а запаниковал. Все его доклады в июне подтверждают это. Это было третье в его жизни окружение. К тому же 2-й ударной армии оказывалась всемерная помощь, то есть

все было иначе, чем в 1941 г.

Маршал А.М. Василевский вспоминал:

«Я занимал в период этих событий пост первого заместителя начальника генерального штаба и могу ответственно подтвердить ту крайне серьезную озабоченность, которую проявлял изо дня в день Верховный главнокомандующий о судьбе войск 2-й ударной армии, о вопросах оказания всемерной помощи им. Свидетельством этому является целый ряд директив Ставки, написанных в большинстве случаев под диктовку самого Верховного главнокомандующего мною лично в адрес командующего и Военного совета Ленинградского фронта, в адрес командующих родами войск Красной Армии и в другие адреса, не говоря уже о ежедневных телефонных переговорах на эту тему.

После того как кольцо окружения войск 2-й ударной армии замкнулось и было принято решение о восстановлении Волховского фронта, по приказу Ставки вместе с командующим К.А. Мерецковым в Малую Вишеру к волховчанам был направлен и я, как представитель Ставки. Основной задачей нам было поставлено вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. И надо сказать, что нами были приняты, казалось бы, все возможные меры, чтобы спасти попавших в окружение, вызволить из кольца самого командарма Власова, хотя это было связано с большими трудностями».

Проводилась даже целая фронтовая операция по выводу 2-й ударной армии из окружения. Летом 1942 г. событие поистине неслыханное!

В своей книге «Русская кампания. Тактика и вооружение», написанной по опыту, полученному немецкой армией во Второй мировой войне, офицер генерального штаба вермахта Эйке Миддельдорф рассматривал проблему окружения. В ней, например, есть такие утверждения:

«Если противнику удалось осуществить окружение и нет оснований для успешного деблокирования, то окруженным войскам должен быть немедленно отдан приказ на прорыв и выход из окружения. Без снабжения по воздуху боевой состав окруженных войск будет быстро уменьшаться и тогда уже нельзя рассчитывать на успешный прорыв из окружения».

Далее он пишет: «Решение на вывод войск из окружения должно быть принято в кратчайший срок, так как время в этих условиях работает на противника. При оценке обстановки и положения войск необходимо прежде всего помнить о том, чтобы решение на выход из окружения или на деблокирование окруженной группировки не было бы принято слишком поздно. Точно так же нельзя медлить и с осуществлением принятого решения по прорыву кольца окружения».

К сожалению, в той ситуации, в которой оказалась 2-я ударная, невозможно было определить, каким будет деблокирование. Успешным или нет? Может быть, поэтому приказ на прорыв и выход из окружения не был отдан немедленно. Ясно одно: снабжение по воздуху было малоэффективным из-за полного господства немецкой авиации. Соответственно, боевой состав войск уменьшился быстро. Но при этом нельзя забывать

про высокое политико-моральное состояние личного состава, которое в то время ни у кого не вызывало сомнения. Это был факт очевидный.

Решение на вывод войск 2-й ударной армии было принято с опозданием, но для этого имелись веские причины. В том числе и проведение операции фронта по выводу армии из окружения. Иначе говоря, 2-я ударная не была брошена на произвол судьбы. Из трех возможных вариантов вывода войск:

- путем прорыва кольца окружения силами окруженных войск;
- путем их деблокирования войсками, действующими извне;
- путем одновременного удара обеих группировок навстречу друг другу.

Был выбран последний и самый верный.

Но он требовал времени на подготовку и организацию взаимодействия, и времени немалого.

По воспоминаниям очевидцев, известно, несмотря на то что 21 июня штаб 2-й ударной армии оставил КП армии в связи с обстрелом и перешел на КП бригады в р-не Мясного Бора, до 20—22 июня 1942 г. 2-я ударная армия, находясь в окружении, сохраняла полный боевой порядок. Соединения и части, несмотря на свою малочисленность, сдерживали натиск противника. Войска умело использовали главное преимущество окруженных: быстро маневрировали, имели организованное гибкое управление огнем и в короткие сроки создавали группировки для прорыва кольца окружения. В окруженной армии обеспечивалась внутренняя организованность войск. Строгий контроль за соблюдением правил

передвижения поддерживал дисциплину и порядок. Все это было до тех пор, пока Военный совет, штаб и сам командующий верили в то, что окружение будет прорвано. Но боязнь, что с потерей времени неудача по деблокированию и прорыву повлечет за собой значительно более пагубные последствия и противник нарушит сплошной фронт обороны на решающем направлении, а затем расчленил и уничтожит армию по частям, сыграла свою роль. Генерал Власов вконец растерялся. Внешнее спокойствие перед войсками, сменяемое отчаянием, банальной паникой в докладах и донесениях наверх, обернулось прострацией...